

Дэвид Дрейк Билл Фосетт Война

Боевой флот – 5

& spellcheck by HarryFan
«Война»: АСТ; Москва; 1996
ISBN 5-88196-759-3

Аннотация

Боевой Флот Альянса уже многие годы ведет беспощадную войну с космическими пиратами — расой кровожадных халиан. Но когда халиане наконец сдались, человечество столкнулось с врагом куда более страшным — Синдикатом Семейств. Боевой Флот Альянса должен принять вызов и сразиться с грозным противником. Героев Флота ждут новые битвы в космосе.

Дэвид Дрейк, Билл Фосетт Война

Кристофер Сташеф. ПИРАТЫ

Транспортный лайнер поймал лучом прожектора маленький пиратский корабль, но тот так стремительно отскочил, будто исчез, и вновь появился в другом месте. Огромный земной звездолет снова поймал пирата, теперь уже в перекрестие прицела, и выпалил по нему из кормовых орудий, но противник, будто играючи, увернулся от удара. Он явно издевался над неповоротливой громадиной.

— Тысяча чертей? — завопил штурман. — Вы что, не можете прихлопнуть эту муху?! Она в четыре раза меньше нас. В чем дело, командир? Ваши парни разучились стрелять?

— Я служил главным артиллеристом на Цели, — огрызнулся помощник капитана. — В чине лейтенанта. Но этому старью далеко до настоящих боевых лазеров. Не говоря уж о том, что у меня только два орудия. Черт бы побрал этого москита!

Помощник снова нажал на клавишу пуска, и снова безрезультатно. Огненный цветок распустился на экране — там, где корабль пиратов находился мгновение назад.

— Мой звездолет предназначен для перевозки людей и грузов, — веско возразил

капитан судна. — Тяжелого вооружения на нем нет. Он не похож на боевые корабли Флота, к которым вы привыкли за время службы, лейтенант.

— Если бы я только знал, — проворчал штурман, но договорить он не успел. Изображение корабля халиан на экране увеличилось, словно по волшебству.

— Он в мертвой зоне! — заорал первый помощник. — Я не смогу попасть в него, он слишком близко. Какого дьявола?..

Раздался удар, за которым последовал дикий скрежет. Пассажирский лайнер задрожал.

Капитан первым пришел в себя. Он отстегнул противоперегрузочные ремни и взревел:

— Пошевеливайтесь, черти! Раздайте пассажирам оружие. Сейчас будет драка. Пираты прицепились к нам. Еще минута, и они прорежут корпус и полезут внутрь!

Экипаж вскочил на ноги. Они быстро открыли ящик с ручным оружием и, набрав, кто сколько мог, бросились в пассажирский салон. Но было уже поздно.

Целая секция стены рухнула, и сквозь облако дыма и пыли в помещение хлынули хорьки. Раздались вопли пассажиров. Воздух вспороли красные нити лазеров.

Штурман взвыл и упал навзничь с ровной, идеально круглой дырой в груди. Капитан и первый помощник отпрыгнули в разные стороны, отшвырнули лишнее оружие и открыли ответный огонь. Капитан прострелил одному хорьку плечо. Тварь завывала и, перекинув свой лазерный пистолет в другую лапу, выпустила в ответ огненный луч. Капитан ничком бросился на мостик, и лазер опалил переборку над его головой. Прежде чем землянин успел выстрелить снова, раненый хорек рухнул. Но врагов было слишком много.

Лазерный луч, отразившись от зеркальной поверхности какого-то прибора, попал в пассажирский отсек, оставив глубокий разрез на руке пассажирки. Она истошно завопила, сидевший рядом мужчина стал сбивать огонь с рукава ее платья.

Негромко хлопнул выстрел, и в переборке рядом с головой капитана появилась дыра. Он, не целясь, выстрелил и услышал визг хорька. Из пассажирского салона доносились дикие вопли, похоже, там произошла разгерметизация. Еще выстрел, и капитан почувствовал, что пуля пробила плечо.

В двери появился здоровенный детина, облаченный в шикарный костюм. В руках он держал что-то вроде дубины. Детина подскочил к врагу и, не долго думая, обрушил ему на голову дубину. Халианин упал, как подкошенный, а луч его лазера, миновав капитана, скользнул по стене, едва не задев какого-то обезумевшего от страха пассажира.

Один хорек был явно крупнее остальных, на нем красовались яркие кожаные доспехи. В него-то и направил капитан свой последний выстрел. Луч вспорол шкуру, но хорек мгновенно развернулся и с диким воем выстрелил в ответ. Тяжело раненный капитан рухнул на мостик, выронив оружие.

Человек с дубинкой размахнулся для нового удара, собираясь отправить на тот свет главаря. Но тут другой хорек с пронзительным визгом прыгнул навстречу и вцепился ему в руку. Халианский босс обернулся и заметил человека, замахнувшегося снова. Он уклонился от дубины и с воем ринулся вперед, ударив нападавшего в грудь с такой силой, что тот свалился между рядами кресел. Острые когти вспороли шикарный пиджак.

Не растерявшись, человек снова поднял дубину, но остановился, увидев прямо перед глазами когтистую пятерню. Неожиданно хорек провизжал на стандартном галактическом:

— Прояви мудрость и брось оружие!

Пальцы землянина невольно разжались — скорее от удивления, чем от испуга.

В ответ раздалось визгливое икание — халианин смеялся.

— Тебя удивляет, что я знаю твой язык, пришелец? Знай же, бывший воин, что я служил переводчиком в службе разведки во время войны. А ты? Ты не похож на этих трусливых людишек. Ты был воином. Как твоё имя и звание?

— Сайрес, — выдавил из себя человек. — Капитан второго ранга Сайрес Лонгрин.

— Ах да! Какой забавный обычай у твоей расы — говорить только имя и звание. А как насчет рода войск и номера? Для вас, людей, номер значит так же много, как и имя, разве нет?

Халианин снова рассмеялся своим икающим смехом.

— А ты, — проворчал землянин, — как твое имя?

Острые когти тут же оказались у его лица.

— Будь осторожен, Сайрес. Ты храбр, и я уважаю тебя за это, но не настолько, чтобы дать тебе власть над моим именем. В конце концов, я победитель.

— Нет, — фыркнул Сайрес, — это мы победили халиан.

Когти над его лицом устремились вниз и замерли у самых глаз. Человек постарался не выдать испуга. С удивлением Сайрес заметил, что хорек тоже старается не показать своих чувств. Подумать только, халианин, культивирующий самоконтроль!

— Вы не победители! — прошипел хорек. — Нас предали те, кого мы считали друзьями, люди из Синдиката, очень похожие на вас. Некоторых моих соплеменников это настолько разозлило, что они заключили союз с Альянсом. Разве не так?

Сайрес проигнорировал сверкающие острия у самых глаз.

— Если ты это знаешь, зачем напал на нас? Мы не Синдикат. Мы ваши союзники!

— Только не мои! — прошипел халианин. — Заводить дружбу с бывшим врагом? Никогда! Я не приму такого бесчестия! Смотри, это же трусы, считающие, что они победили халиан. Это позорный союз, и я его отвергаю! Я буду сражаться с вами, пока не умру. Как сражался до перемирия. И так же поступят все мои люди. Но перед этим мы возьмем столько жизней воинов-землян, сколько сможем. Не будет покоя вашему Флоту и другим кораблям, пока мы не убьем каждого, кто убивал халиан. А может быть, мы убьем вас всех!

— Ты неправ, нельзя в мирное время мстить за то, что происходило в войну.

— Для меня мир еще не настал. Правильно это или неправильно, но для халиан есть только один путь — те, кто убивал нас, должны умереть. Мы расправимся и с вами, и с теми, кто предал нас, с Синдикатом. Все люди или потеряют свою честь, или умрут.

— Ваши собственные правители приказали всем халианам сложить оружие! Если ты не сделал этого, то преступил закон!

— Да, — согласился хорек, — я преступник и изменник. Никогда не ступить мне на халианскую землю, не дышать ее сладким воздухом и не видеть родного дома. Глупо напоминать мне об этом.

Когтистая лапа провела кровавую черту на щеке человека, но тот не внял предупреждению.

— Путь мудрости не всегда путь чести.

— Ах да, честь. Она требует, чтобы я взял что-нибудь в знак своей победы. — Взгляд хорька остановился на груди человека, его морда искривилась в улыбке. Затем лапа халианина потянулась к горлу Сайреса. Тот напрягся, готовясь достойно встретить смерть, но хорек опять рассмеялся: — Успокойся, воин. Разве не стоит пожертвовать полоской ткани, чтобы сохранить жизнь?

Это и есть та самая пресловутая потеря чести, которая для халианина хуже смерти? Отдать противнику хоть что-нибудь в качестве трофея считалось позором. Но Сайрес был человеком, и он лежал не двигаясь, пока хорек стаскивал с его шеи яркую полоску ткани.

— Прекрасная вещица, — сказал халианин и тут же просвистел эту фразу на родном языке, вызвав бурное ликование всей пиратской команды.

«Сумасшедший дом», — подумал Сайрес. Он понял, что сказал хорек, поскольку знал халианский язык не хуже, чем главарь пиратов.

Пират обвязал галстук вокруг шеи, соединив концы неуклюжим узлом. Затем обратился к своим:

— Смотрите на меня! Теперь я тоже важный бизнесмен! Это мой трофей. Разве каждый из вас не хочет получить такой же?

Раздался одобрителный свист, и хорьки бросились сдирать галстуки с перепуганных пассажиров. Те не думали сопротивляться — некоторые даже сами живо стянули приглянувшиеся врагам трофеи.

— Теперь ты узнаешь меня, если мы снова встретимся, — важно бросил пират Сайресу.

— Разве? — невесело пошутил землянин. — Неужели вы не взорвете нас вместе с кораблем после того, как соберете добычу?

— Вот еще! Весь этот звездолет наша добыча! Но вас я оставляю в живых. У вас здесь есть маленький корабль, который называется спасательной шлюпкой, не так ли? Пусть земляне сядут в него и отправятся восвояси. По крайней мере те из них, которые слишком трусливы, чтобы сражаться, или слишком плохо умеют воевать, чтобы умереть в бою.

Сайрес покраснел. Халианин обнажил в усмешке острые клыки.

— Будь доволен, землянин. Твоя неловкость спасла тебе жизнь. Кроме того, я отпускаю вас, чтобы вы донесли мои слова другим людям. И пусть не вздумают летать вблизи Халии, иначе наш гнев падет на их головы. Пусть помнят обо мне и моей команде.

— Хорошо, — ответил Сайрес, стараясь вложить в свои слова побольше сарказма. — А как мы расскажем о тебе, даже не зная твоего имени, имени халианина с таким добрым сердцем, который оставил нас в живых?

Но хорек предпочел не заметить насмешки.

— Доброе Сердце? Это самое лучшее имя! Скажи своим соплеменникам, что меня зовут Доброе Сердце и что они всегда узнают меня и мою команду по этим ярко раскрашенным полоскам ткани. Расскажи им о Добром Сердце, и пусть они трепещут от страха!

— Доброе Сердце, — согласился Сайрес с кислой улыбкой. — Пират Доброе Сердце.

— Доброе Сердце! — пролаял хорек, обернувшись к своим. — Все слышали? Этот человек дал мне имя. Мое имя заставит трепетать всех землян. Начиная с сегодняшнего дня меня зовут капитан Доброе Сердце!

Зубастая команда одобрительно заулюлюкала. Они еще долго дико вопили, взвизгивали и подвывали — совершенно невыносимая какофония для человеческих ушей.

Спасательная шлюпка была забита до отказа. Без лишних церемоний халиане запикивали туда оставшихся пассажиров. Одна женщина завопила от страха, ее крик подхватили другие. Наконец посадка закончилась, и по команде капитана Доброе Сердце два хорька впрыгнули внутрь шлюпки, размахивая оружием. Началась паника. Завывая от ужаса, люди старались отодвинуться как можно дальше, буквально лезли на головы друг другу. Вокруг хорьков тут же образовалось пустое пространство.

Пока двое вооруженных пиратов расчищали место, остальные втащили внутрь шлюпки бесчувственное тело капитана, положив его на сделанные на скорую руку носилки. Затем они перенесли первого помощника, раненного и находившегося без сознания. Последним внесли мертвого штурмана, милосердно прикрыв тело тканью. Увидев неподвижные тела своих защитников, пассажиры замолкли.

Когда пираты вылезли из шлюпки, туда запрыгнул Сайрес. Он повернулся к стоявшему в проеме люка халианскому капитану:

— Я благодарю тебя за честь, оказанную моим поверженным соплеменникам.

— Я воздаю им должное, — ответил пират. — Они нашли в себе мужество вступить в бой, пусть неумело, но по доброй-воле. — И хорек улыбнулся, оскалив зубы. — Запомни, Сайрес, меня и мою любезность. — Пират отступил назад, и крышка люка с лязгом захлопнулась.

— Не беспокойся, — прошептал Сайрес, — я ничего не забуду.

— Проклятый болван! — взвизгнул вдруг один пассажир. — Из-за твоей глупости нас всех чуть не убили!

Люди, избавившись от мучительного страха, явно жаждали выместить на ком-нибудь злость. И Сайрес оказался самой подходящей кандидатурой. С перекошенными от злости лицами пассажиры обступили его, выкрикивая нелепые обвинения.

Вспомнив старые добрые флотские времена, капитан второго ранга рявкнул с такой силой, что перекрыл все звуки:

— А ну тихо! Хватайтесь за что-нибудь, да покрепче!

Ему ответили недоверчивые вопли, лишь несколько пассажиров, наверное, также

служившие в войсках, вняли его совету и быстро ухватились за то, что оказалось под рукой, призывая остальных последовать их примеру. Но было поздно. Сайрес сам едва успел вцепиться в кольцо люка, как шлюпка стартовала.словно гигантский мул лягнул копытом жалкое суденышко, выбрасывая его в открытый космос.

Люди с криками повалились друг на друга. Толчок прижал орущую, копошащуюся человеческую массу к переборке. Корабль двигался с огромным ускорением, и сила инерции буквально вдавливала людей в стену. Сайресу удалось устоять на ногах, — он мысленно пожалел несчастных, оказавшихся внизу этой кучи малы. Но ему было сейчас не до них. Он должен пробраться в штурманскую рубку и взять на себя управление шлюпкой, если, конечно, пираты не передумают и не отправят их всех в преисподнюю.

Но Сайрес не верил в подобную глупость. Зачем хорькам уничтожать хороший корабль, когда они могли перебить людей «вручную» и оставить шлюпку себе? Кроме того. Доброе Сердце совершенно определенно дал понять, что он далеко не безразличен к общественному мнению и будущей славе. Поэтому вряд ли он станет уничтожать беззащитных беженцев, которые к тому же не являются воинами.

Сайрес осторожно пробирался к носу шлюпки. Один из пассажиров загораживал вход в рубку, и капитан просто отпихнул его с дороги, не обратив внимания на протестующие вопли, и пролез в узкий проход. Внезапно изменившееся ускорение едва не выбросило его обратно, но он удержался и рухнул в кресло пилота, с облегчением накинув на себя противоперегрузочные ремни. Затем включил панель управления. По многочисленным приборам пробежали огоньки, толчки прекратились. Прямо перед глазами Сайреса ожил большой экран, появилось изображение пиратского корабля рядом с огромной машиной захваченного торгового лайнера.

Звездолеты уже пришли в движение. Доброе Сердце не собирался проверять, насколько быстро люди успеют позвать на помощь. Но Сайрес и не пытался включать сигнал бедствия, он сосредоточился на приборах, определяя координаты и направление движения пиратов.

Крики в салоне поутихли, и в проходе показалось несколько лиц. Кто-то сердито осведомился:

— Какого черта вы тут делаете?

— Зову на помощи — соврал Сайрес, не оборачиваясь и не отрывая глаз от экрана.

Изображения кораблей начали мигать, потом меркнуть, пираты уходили в гиперпространство. Сайрес вел наблюдение до последней секунды, и только когда экран опустел, включил сигнал бедствия.

Покончив с делами, он обернулся к пассажирам, по-прежнему толпившимся в проходе.

— Пусть все рассядутся, если смогут. И спросите, нет ли среди пассажиров врача или кого-нибудь, кто сможет оказать первую помощь раненым.

Кто-то повернулся, чтобы выполнить его приказ, но другие продолжали злобно взирать на Сайреса.

— Да кто вы такой, чтобы тут командовать! — крикнул один из пассажиров.

— Сайрес Лонгрин. Капитан второго ранга разведслужбы Флота.

— Садитесь, капитан, — сказал адмирал, не поднимая глаз от компьютера.

Сайрес опустился в одно из высоких кресел напротив главнокомандующего и, почувствовав себя немного уютнее, осмотрелся.

Стены комнаты тонули в сумраке, единственным источником освещения был ярко светящийся экран монитора. В его неверном свете лицо сидящего за столом человека казалось каким-то неестественным, и Сайрес решил, что это как раз то, что нужно. Ведь они собирались воевать с демонами.

Адмирал поднял наконец глаза.

— Вы проявили себя с самой лучшей стороны, капитан. Большая удача для всех пассажиров, что, направляясь на Землю с документами для Генерального Штаба, вы случайно попали именно на этот лайнер.

— Благодарю вас, сэр.

— Но объясните, как могло случиться, что, кроме дубинки, у вас не оказалось никакого оружия?

— Это — требование службы безопасности межзвездных перелетов. Пассажирам не разрешается иметь при себе оружия. Поэтому я и прихватил дубинку, на ней нет металлических частей, так что обнаружить ее на пункте контроля невозможно.

Адмирал кивнул.

— Пакет документов, который вы везли на Землю, будет передан с другим курьером. Нам крупно повезло, что пираты не стали вас обыскивать, иначе важные дипломатические бумаги, подписанные халианскими лидерами, исчезли бы навеки.

— Да, они бы их тут же сожгли. Господин адмирал, если вы освобождаете меня от прежнего задания, могу я просить о новом назначении?

— Каком именно? — улыбнулся адмирал.

— Я хотел бы принять участие в операции по уничтожению пиратов, сэр.

Командующий кивнул.

— Неплохая мысль. Я и сам Подумывал послать вас по следу этого Доброго Сердца. Так что считайте вопрос решенным. Кстати, поздравляю с повышением, вы теперь капитан первого ранга.

Команда пиратского корабля оживленно обсуждала небывалое событие — их капитан взял себе человеческое имя!

— Я понимаю, что это необходимо, — сказал один из членов экипажа, которого звали Пралит. — Теперь каждый человек, который нам встретится, сразу поймет, с кем имеет дело. Но как можно отринуть от себя имя своей семьи и своего клана? Разве это может быть хорошим поступком?

— Это должно быть хорошим поступком, — с отчаянием в голосе возразил ему Хлители. — Ведь наш капитан самый храбрый и благородный среди халианских сирот.

— Что ты сказал? — возмущенно прошипел третий хорек по имени Хопил.

— Что наш капитан отмечен храбростью и благородством.

— Нет, ты назвал нас сиротами Халии!

Все на время замолчали, осмысливая значение сказанного.

— Если так, то нам действительно нужны новые имена, — заметил Пралит.

— Даже если это всего лишь перевод на халийский жалкого человеческого имени?

— Конечно. — Пралит оскалил зубы. — Ведь мы понимаем весь сарказм, вложенный в новое имя капитана.

— В этом имени есть доля правды, — задумчиво сказал Хопил, — но больше иронии.

— Гораздо больше иронии, — добавил Хлители.

Хорьки уставились на Салпина, одного из офицеров экипажа, который как раз вошел в кают-компанию. За ним появился другой офицер и, видимо, продолжая начатую раньше беседу, спросил:

— И какой же приказ?

— Капитан, — Салпин обращался ко всем присутствующим, — хочет, чтобы каждый из нас тоже взял себе новое имя. Причем имя воина должно отражать одно из присущих ему качеств.

Кают-компания наполнилась визгливым лаем.

— Успокойтесь! — рявкнул второй офицер. — Вы поняли причины, по которым капитан изменил свое имя, так выслушайте же по крайней мере, почему он требует от вас того же.

— Новые имена докажут преданность команды капитану и, кроме того, — Салпин сделал паузу, — старые клановые имена должны быть забыты.

— Забыты!

— Да, забыты. — Голос Салпина стал жестким. — Капитан стремился собрать в своей команде всех изгнанников, каждого из новых сирот Халии. Он не желает, чтобы здесь между нами вспыхнула вражда из-за старых клановых распрей. Мы должны быть едины.

В кают-компании воцарилась тишина. Хорьки молчали, стараясь не смотреть друг на друга. Каждый из них отлично понимал смысл сказанного. Вся команда была выходцами из одного рода, и хорькам казалось совершенно невозможным вступить в союз с каким-либо враждебным кланом. Но сейчас перед ними стоял гораздо более страшный противник. И ради победы все кровные распри должны быть забыты.

— И, — добавил второй офицер, — если не будет родовых имен, то не будет и вражды между кланами. Это путь мудрых.

Подождав немного, чтобы до всех дошел смысл его слов, Салпин перешел к делу.

— С этого дня я беру себе новое имя. Я буду зваться Быстрый.

— Мое новое имя Добряк, — сказал второй офицер.

Сначала в комнате было тихо, как в гробу, но затем сначала медленно, потом все быстрее и быстрее хорьки начали выкрикивать свои новые имена.

Тот факт, что Сайресу поручили уничтожить пиратов, вовсе не означал, что он будет носиться по космосу на боевом крейсере в сопровождении команды дюжих храбрецов. Космос велик, а корабль пиратов всего лишь былинка. Прежде чем начать охоту, надо установить, где вероятность встречи с противником выше всего. Поэтому Сайрес засел за компьютер. Умная машина просеивала бесчисленные сообщения со всех звездолетов и искала среди них нужные по ключевым словам: нападение, спасательная шлюпка, галстук и несколько других.

Постепенно проделки Доброго Сердца начали выплывать наружу. Истории были похожи друг на друга как две капли воды, отличаясь только местом и временем. Пират обстреливал пассажирские и грузовые звездолеты, лишая их вооружения и маневренности. Затем его собственный корабль, используя магнитные присоски, цеплялся к борту беспомощного звездолета, и пираты, прорезав в корпусе дыру, устремлялись внутрь захваченного судна. Пираты убивали экипаж, затем запикивали пассажиров в спасательную шлюпку и отправляли восвояси. Среди хорьков всегда выделялся один, который знал человеческий язык, этот хорек носил на шее кричаще-Яркий галстук и называл себя Добрым Сердцем. Главарь пиратов отличался вежливостью и жестокостью.

Проделок этих было так много, что вскоре слух о кровожадном пирате в галстук разнесся повсюду.

Корабль содрогнулся, и целая секция корпуса провалилась внутрь. Из дыры хлынули хорьки. Экипаж открыл огонь, но силы были слишком неравны — с полдюжины человек против нескольких десятков халиан. Хорьки ловко уклонялись от лазерных лучей и непрерывно стреляли. Вскоре все вооруженные люди были тяжело ранены или убиты. Из пролома появился здоровенный хорек в галстук. В салоне корабля раздались крики ужаса. Те, кто еще мог стоять на ногах, поднялись, чтобы с достоинством встретить свою смерть.

Через минуту все было кончено, и пираты ворвались в пассажирский салон, оставив за спиной недвижные тела.

— О Боже, что с моим мужем?! — вскрикнула одна из женщин.

— Не беспокойтесь, мадам, полагаю, с ним все в порядке, — вежливо ответил главарь пиратов на почти безупречном стандартном. — Скорее всего он просто без сознания, если, конечно, ваш супруг не оказался выдающимся бойцом, в чем я лично сомневаюсь. Будьте покойны, моя команда не воюет с гражданскими лицами.

— Ваша команда? — Женщина судорожно вздохнула. — Но кто вы такой?

— Вы можете называть меня Доброе Сердце. Трудно оспаривать это, ведь я сохраню вам жизни. Но только жизни, драгоценности придется отдать. — Волосатая лапа потянулась к ожерелью на шее женщины. — Прошу вас, мадам.

Трясущимися от страха руками пассажирка расстегнула колье и отдала пирату, потом стянула браслет. Другие хорьки уже всю потрошили беззащитных пассажиров, отбирая бумажники, кольца, часы и прочие ценности.

Две женщины, чьи мужья тоже принимали участие в попытке отразить налет, тихо подвывали, остальные молчали.

— Займись сейфом! — приказал Доброе Сердце своему помощнику.

Перепуганные пассажирки безропотно расставались со своими украшениями. Вскоре все ценности с лайнера переключались в лапы пиратов. Тогда хорьки набросились на мужчин, срывая с них галстуки.

— Но что вы делаете! — Женщина поперхнулась словами, но, справившись с собой, продолжила: — Зачем вы снимаете с них одежду?

— Зачем нам галстуки? — Доброе Сердце коснулся яркой полосы ткани на собственной шее. — На память, мадам. Неужели вы откажете нам в этих маленьких сувенирах?

— И они отобрали у нас даже галстуки! — орал красный от гнева мужчина. — Каким я должен называть ваш Флот, если халиане могут летать где им вздумается и орудовать как пираты.

— Галстуки? — Лицо дежурного офицера Флота неожиданно выразило значительно больший интерес к инциденту. — Только ваш галстук? Или каждого пассажира?

— Все галстуки, черт бы их побрал! Ради чего я плачу налоги?!

Офицер, а это был Сайрес, кивнул и встал.

— Благодарю вас, мистер Баггер, за информацию. Вы оказали нам большую помощь.

Сайрес развернулся, собираясь выйти из комнаты, но внезапно передумал и снова взглянул на пострадавшего.

— Кстати, скажите, пожалуйста, с какой целью вы направлялись на Халию?

— Разумеется, для того, чтобы прикупить там земли. Хорьки продают ее задешево. Я собираюсь открыть на Халии большой магазин. Это очень выгодное вложение капитала.

Выходя из комнаты, Сайрес со стыдом признался себе, что он прекрасно понимает некоторые мотивы, движущие капитаном Доброе Сердце.

Собрав всю полученную информацию, Сайрес постарался представить ее графически. Он зажег топографическую карту окрестностей, в центре которой мерцало рубиновое солнце Халии. Сайрес отметил места нападения пиратов желтыми точками. Постепенно начала вырисовываться общая картина. Инциденты происходили на поверхности сферы радиусом примерно в три астрономические единицы с центром в солнце. Это было понятно, так как именно на таком расстоянии выныривали из гиперпространства звездолеты, опасаясь слишком сильно приближаться к звезде из-за гравитационных искажений. Но дальше закономерность исчезала. Желтые точки были рассыпаны примерно одинаково по всей поверхности сферы. Пират мог подстерегать свои жертвы в любом направлении.

Проблема состояла в том, что Сайрес не мог наладить патрулирование боевых кораблей Флота таким образом, чтобы охватить все это колоссальное пространство. Однако, поглядывая над картой, он обнаружил, что в одном месте — там, где выныривали из гиперпространства корабли, курсирующие между Халией и Целью, нападения происходили чаще, чем в других. Там Сайрес и решил устроить засаду. Специально оборудованный крейсер-невидимка станет караулить бандитов на таком расстоянии, чтобы оставаться незамеченным и в то же время способным при случае быстро оказаться на месте действия. Тщательно обдумав все детали, Сайрес решился. Теперь ему оставалось лишь убедить в своей правоте главнокомандующего.

— Вы подали нам хорошую мысль, Сайрес, но поймите меня правильно, я не могу допустить вашего прямого участия в операции. Нельзя рисковать вашей жизнью. Вы единственный человек во всем Флоте, который знаком с этим хорьком, только вы можете проникнуть в ход его мыслей и предсказать его действия.

— Я составил очень подробный отчет, сэр, — Сайрес не терял надежды убедить адмирала. — Описания всех инцидентов, их координаты и время, анализ поведения пиратов. Словом, все, что может представлять интерес, находится в компьютере.

Адмирал испытующе смотрел на него. Сайресу казалось, что он слышит, как ворочаются мысли в голове командующего. Присутствие капитана Сайреса на крейсере увеличивает шансы на победу, но, с другой стороны, в случае его гибели Флот может

потерять бесценную информацию. Наконец адмирал принял решение:

— Ну хорошо, капитан. Поручаю вам лично позаботиться об этом пирате.

Сайрес застегнул противоперегрузочные ремни и откинулся в кресле в ожидании старта. Он был на седьмом небе от счастья. Как замечательно снова оказаться во главе боевого звездолета, да еще отправляющегося на охоту за пиратами! Сайрес пребывал на вершине блаженства.

Тяжелый крейсер неподвижно застыл среди космической ночи. Специально оборудованный звездолет находился неподалеку от точки, в которой обычно выныривали из гиперпространства корабли, идущие с Хаджа. Он был невидим для приборов стороннего наблюдателя. Крейсер, словно затаившийся паук, следил за бесконечной чередой кораблей, вынырывающих из гиперпространства или ныряющих в него, чтобы направиться к неведомым звездам. Но интересующий Сайреса маленький пиратский корабль не появлялся.

Миновала неделя, потом вторая, началась третья. Люди стали потихоньку ворчать. Солдатам прискучило однообразное ожидание, прерываемое только учебными тревогами. Они хотели действовать или, по крайней мере, отправиться в какое-нибудь местечко повеселее.

К концу третьей недели Сайрес и сам стал сомневаться в правильности своих расчетов. Но чудо наконец произошло. Прозвучал резкий звуковой сигнал, а затем раздался бесстрастный голос наблюдателя:

— Вижу халианина.

— Командующего Сайреса на мостик! — прорычал капитан корабля в селектор. — Экипажу занять боевые позиции!

Взвыла сирена, и коридоры звездолета наполнились топотом быстро бегущих ног. Сайрес ворвался в командный пункт и замер, уставившись на экран, где застыло увеличенное компьютером изображение чужого корабля.

— Это он, — прошептал Сайрес. — Капитан, полное ускорение!

— Полное ускорение, — скомандовал капитан крейсера. Опять завывала сирена, предупреждая о перегрузках. Сайрес, не отводя глаз от пятнышка света, мерцающего на экране, бросился к противоперегрузочному креслу. Снова прозвучал сигнал — где-то вблизи появился еще один корабль.

— Экраны на полный обзор! — скомандовал капитан, но наблюдатель уже переключил приборы. Изображение пирата уменьшилось, зато стал виден другой звездолет — огромная машина явно земного происхождения вынырнула из гиперпространства и теперь торопилась к Халии.

— Вот за кем он охотится! Это грузовой звездолет.

— Торпеда! — приказал капитан. Сайрес не почувствовал никакой отдачи, но через секунду услышал ответ артиллериста:

— Торпеда пошла.

— Он ведь не стоит на месте! — воскликнул Сайрес, но капитан только досадливо мотнул головой.

— Мы подправим скорость торпеды, как только пират начнет шевелиться.

Халианский корабль резко дернулся, отпрыгнул от земного грузовика и развернулся носом к крейсеру. Полыхнул огонь, и подбитая торпеда взорвалась, не достигнув цели.

— Хорьки почуяли нас, — проворчал Сайрес. — У них чертовски быстрый корабль.

— Противник в зоне поражения... — Артиллерист не успел закончить фразу, как прозвучал приказ капитана:

— Огонь!

Бортовые компьютеры получили команду открыть огонь и одновременно уклоняться от обстрела противника. Плавное движение сменилось безумным танцем, корабль резко дергался из стороны в сторону. Компьютер складывал это движение с таким же танцем пиратского корабля и непрерывно корректировал направление стрельбы. Земной крейсер уничтожал ракеты противника, уклонялся от лазерных лучей и палил по врагу из всех

орудий. То же самое делал и пират. Его изображение дергалось на экранах, пиратский звездолет изрыгал пламя, отплевывался ракетами, резал пространство нитями лазеров. Корабли постепенно сближались.

Люди не принимали участия в схватке, они были недостаточно быстры. Это был поединок двух компьютеров. Какое-то время маленький пиратский корабль на равных сражался с тяжело вооруженным, но не таким подвижным земным крейсером. Затем положение дел изменилось.

У Сайреса имелось преимущество над Добрым Сердцем — двенадцать вспомогательных суденышек, которые обычно использовались для тренировок личного состава крейсера, но могли и участвовать в бою. По сигналу тревоги они автоматически отделились от земного звездолета и окружили противника кольцом.

Каждая шлюпка имела на борту собственный компьютер и вооружение. В какой-то момент двенадцать маленьких точек со всех сторон набросились на пирата, ведя непрерывный огонь.

Халианский звездолет попытался уклониться от этой новой напасти, но на этот раз не успел сманеврировать и получил несколько прямых попаданий по корпусу. Полыхнуло яркое пламя разрывов, экраны наблюдения автоматически приглушили яркость изображения, оберегая глаза людей. Затем Сайрес увидел, как потускневший корабль пиратов развернулся и устремился прочь.

— Мы его зацепили! — рявкнул капитан, ударив кулаком по колену. — Эй, на штурвале! Полный вперед!

— Есть, сэр, — прозвучал ликующий голос пилота, и тут же вновь взвыла сирена, предупреждая о максимальном ускорении. Начиналась охота. На экране еще был виден улетающий противник, но изображение быстро уменьшилось. Перегрузка вдавила людей в кресла.

— Может, он заманивает нас? — предположил Сайрес.

— Мы следили за этим.

Изображение на экране снова начало расти.

— Им не уйти, — капитан не скрывал своей радости. — Часу не пройдет, как я поджарю этих хорьков прямо в их корабле. — Внезапно пятнышко на экране замерцало.

— Они уходят в гиперпространство!

— Это невозможно! — воскликнул Сайрес. — Их корабль поврежден! Они же могут прыгнуть в никуда.

— Но если они этого не сделают, мы отправим их туда наверняка, — буркнул капитан.

Мерцание усилилось, затем изображение стало меркнуть и через пару секунд исчезло совсем.

— Они ушли! — Сайрес сжал кулаки в бессильной злобе. — Ускользнули у нас из-под носа!

— Не обязательно, — веско возразил капитан крейсера. — Корабль поврежден и находился слишком близко к нам в момент прыжка. Пираты вполне могли отправить сами себя в преисподнюю.

— Только не эти, — ответил Сайрес, все еще глядя на пустой экран. — Кто угодно, но только не этот хорек. Эта изворотливая тварь осталась в живых!

Он устало откинулся в кресле.

— Благодарю вас и ваших людей за отличную службу, капитан. От вас можно ускользнуть только в ад. Лучшего желать просто невозможно.

— Спасибо, сэр, — лицо капитана было хмурым, — но вы преувеличиваете. Команда неплохо потрудилась, однако пират ускользнул, и значит, боевой задачи мы не выполнили. Видимо, где-то мы оплошали.

— Не могу представить себе, где. — Сайрес чувствовал себя донельзя уставшим.

— Я тоже, сэр. Но нам надо избавиться от пиратов, и поэтому придется что-то придумать.

— Мы должны знать, кто командовал этим кораблем, Быстрый. Это ведь не случайная встреча. Кто-то охотился именно за нами. — Доброе Сердце разъяренно метался по каюте.

— Да, не случайная, — согласился помощник.

— Нам нужна информация. О таких вещах надо знать заранее. Мы должны повсюду разослать шпионов, которые станут следить за Тем, что предпринимают против нас люди.

Быстрый нахмурился.

— Но как мы сможем узнать замыслы землян, капитан? У нас ведь не может быть среди них агентов.

— Как это не может?! — Доброе Сердце взглянул на своего офицера горящими глазами. — Многие хорьки вертятся вокруг людей и на Цели, и на Халии. Неужели не найдется никого, кто посочувствовал бы нашему делу?

— Найдутся и очень многие! — Быстрый был поражен прозорливостью своего капитана.

— Мы совершим тайную посадку на Халии. Пусть каждый из членов экипажа переговорит со своими старыми друзьями. С теми из них, кто предан Халии, а не только старейшинам кланов. Мы дадим им передатчики и шифры, сделаем из них свои глаза и уши. Они будут передавать наверх любую касающуюся нас информацию, какую только удастся различить.

— Хорошо, капитан. — Заметно повеселев. Быстрый бросился выполнять приказ.

Оставшись один. Доброе Сердце погрузился в раздумья. Что еще можно предпринять? Прежде всего, язык. Он должен обучить свою команду земному языку и наладить прослушивание радиопередач, благо у Альянса и Синдиката язык один и тот же. Надо взять за правило выуживать все, что можно, от экипажей и пассажиров захваченных кораблей. Многого можно сделать. Во что бы то ни стало он должен научиться предвидеть действия своих врагов.

Одни старые друзья переговорили с другими, те с третьими, те еще с кем-то. Даже самое тщательное расследование не смогло бы обнаружить концов запутанной цепочки, и в скором времени чуть ли не половина хорьков на Халии знала, кому следует шепнуть словечко, если вдруг станет известно что-то интересное. Какую-нибудь мелочь, которая, возможно, и значения никакого не имеет. А возможно, и имеет...

Пираты старательно сопоставляли друг с другом поступавшие к ним разрозненные кусочки информации, которые в один прекрасный момент складывались вдруг в цельную картину.

— Так, значит, капитан первого ранга Сайрес Лонгрин? — Доброе Сердце задумчиво смотрел на портрет, переданный каким-то неизвестным другом на пиратский корабль. Капитан хмурился, стараясь вспомнить, где он видел это лицо. Оно определенно было ему знакомо.

Остальные пираты молча смотрели на своего капитана. Они терпеливо ждали. Доброе Сердце не обращал на них внимания, он рылся в своей памяти, перебирая множество событий, случившихся с тех пор, как он вступил на стезю разбоя.

— Сайрес! — прошипел наконец пират. — Тот человек, который дрался со мной, когда мы впервые захватили корабль землян. Тот, с дубинкой! Значит, вот кого они послали охотиться за мной!

— Мы опозорили его, — заметил Быстрый, — и теперь он жаждет мести.

— Ах, он жаждет мести?! Я тоже хочу отомстить. — Доброе Сердце оскалил зубы в недоброй усмешке. — Он решил поохотиться за мной? Отлично. А я поохочусь за ним.

Быстрый внимательно слушал своего командира. Сердце хорька кольнуло недоброе предчувствие. И на то были причины.

Даже оставшись один в своей каюте, Доброе Сердце никак не мог успокоиться. Он метался по каюте, то выпуская, то втягивая острые когти. Хорек кипел от гнева и ярости, осознавая свое бессилие. Ему требовались агенты среди людей. Только они могли спасти его. Но как их заполучить?!

Как привлечь на свою сторону человека, достойного доверия? Порядочные люди преданы своей расе. А прочие ради выгоды продадут все, что угодно, даже честь. С ними нельзя иметь дело. Как решить эту задачу. Доброе Сердце не знал. Он лишь понимал, что должен ее решить. Обязан.

Нельзя сказать, что у Джорджа Деррика было много друзей в детстве. По правде говоря, их у него вообще никогда не было, парень слишком отличался от остальных. Чрезмерно длинное туловище, несуразно короткие ноги да еще замкнутый характер в придачу (то ли от рождения, то ли от того, что Деррик никогда не играл с другими детьми, вернее, другие дети никогда не играли с ним). В общем, он абсолютно не походил на героя. Добавьте к этому острый длинный подбородок, лошадиные зубы и огромные, выпученные из-за слишком сильных контактных линз глаза, и вы поймете, что Джордж не тот человек, который может порадовать взгляд. Детство Джорджа было невеселым, но он не озлобился, всю жизнь его поддерживала искренняя вера в Бога. А его друзьями стали книги.

Джордж читал все подряд: книги по истории, энциклопедии, книги из серии «Сделай сам», всевозможные справочники, учебники, словом, все, что попадало ему в руки. В пятом классе он уже освоил университетские курсы физики и химии, а еще через два года к ним добавились кибернетика и электроника. Его неловкие руки не могли с должным умением обращаться ни с паяльником, ни с пробирками, но в теории ему не было равных.

Кроме того, Джордж обладал удивительным качеством: он мог внимательно слушать преподавателя, усваивая все, что тот говорит, и одновременно интенсивно размышлять над интересующим его вопросом. Парень приобрел это свойство в школе, уроки навевали на него невыносимую скуку, и он занимался на них своими делами, но приучился в то же время следить за словами учителя и был в состоянии с ходу ответить на любой самый каверзный вопрос.

Разумеется, он учился на одни пятерки. К сожалению, этот факт не способствовал росту его популярности.

К окончанию школы Джордж уже имел на своем счету несколько изобретений, патенты на которые приобрели известные фирмы и доходы от которых были весьма недурны. Возможно, именно поэтому нескладный парнишка и привлек к себе внимание военного ведомства. Важный чиновник предложил ему продолжить образование в любом из престижных вузов Земли за счет правительства на том условии, что после этого он будет работать над проблемами, которые укажут ему военные.

И главное, Джорджу пообещали, что у него появятся друзья.

Все это оказалось правдой, кроме, конечно, друзей. Парня поселили на казенной квартире вместе с другими кандидатами в офицеры, но тот факт, что молодые люди спали в одной комнате и ели за одним столом, отнюдь не означал дружбы. Соседи даже не разговаривали с Джорджем. Они разговаривали при нем, через него, за ним, но только не с ним. И если им случалось взглянуть на Джорджа, то их лица выражал и что угодно, но только не дружелюбие. Это были рослые молодцы, прекрасно развитые физически, общительные и веселые, и они ненавидели невзрачное головастое чучело, вечно торчавшее у них перед глазами.

Так что в этом отношении жизнь Джорджа нисколько не изменилась, у него по-прежнему не было ничего, кроме книг. И он учился как проклятый, за что твердолобые соседи ненавидели его еще больше.

Джордж окончил физический факультет за три года, получив не только диплом, но и докторскую степень по физике. Через год к ней добавились степени по химии и металлургии. Возможно, Джордж получил бы еще какой-нибудь диплом, но тут военное ведомство заявило, что пришло время оплатить долги, и вскоре парень оказался на боевом корабле, среди проходящих практику курсантов военного училища. Предполагалось, что этот корабль доставит Джорджа на одну из недавно открытых планет, где ему предстояло поработать на правительство. Не прошло и недели, как белоручка, который все свободное время проводил в своей каюте за книгами, заслужил всеобщее презрение курсантов. Служить козлом

отпущения Джорджу было не впервой, но на этот раз дело обернулось гораздо серьезнее. Один из курсантов, рассчитывая укрепить свой авторитет, подбил товарищей сыграть над злополучным недотрогой жестокую шутку.

Глухой ночью Джордж проснулся от того, что его схватили крепкие грубые руки, и не успел он открыть рот, как его заткнули кляпом. Затем несчастному сковали наручниками руки и ноги и потащили куда-то сквозь тьму. Изрыгая непристойности, молодые балбесы засунули Джорджа в маленькую спасательную капсулу, напоминавшую гроб, и захлопнули люк. А потом кто-то запустил капсулу в космос.

Разумеется, дело тут же открылось, но курсантам удалось представить все как обычную шутку, которая по нелепой случайности зашла слишком далеко. Поэтому офицеры ограничились суровыми дисциплинарными взысканиями, и только зачинщику пришлось искать себе другое занятие в жизни (и он нашел его, став процветающим бизнесменом). А Джорджа предоставили его судьбе.

Когда страшный толчок выбросил капсулу наружу, Джордж потерял сознание. Он очнулся в темноте, нарушаемой лишь мерцанием приборов на панели управления. Вытолкнув изо рта кляп, Джордж добрался до бутылки с водой из аварийного запаса и, изрядно помучавшись, отвинтил скованными руками крышку и поднес бутылку к губам. Жадно сделав несколько глотков, он заставил себя оторваться от горлышка и внимательно осмотреть контрольную панель. Его охватил дикий ужас.

Когда капсула катапультировалась из корабля, она мгновенно вернулась в обычное пространство. И теперь находилась на расстоянии тридцати световых лет от ближайшей звезды.

Джордж включил сигнал бедствия, не питая, впрочем, особых надежд. Затем разделил воду и продукты на микроскопические порции. И стал ждать неизбежного конца. Так прошло две недели, четырнадцать дней бессмысленного полета в пустоте. А потом забарахлила система регенерации воздуха.

Он сумел прожить эти две недели и не сойти с ума. Возможно даже, что Джорджу было проще, чем любому другому, окажись тот на его месте. Джордж привык к одиночеству, и, кроме того, его поддерживала вера. Но всему приходит конец.

И когда Джордж почувствовал, что ему становится нечем дышать и мысли путаются от недостатка кислорода, высокая плотина, долгие годы сдерживавшая все его обиды, разочарования, накопившуюся злобу, рухнула без следа, и Джорджа окатила волна испепеляющей ненависти ко всем людям, которые презирали его, издевались над ним, а теперь бросили умирать. Эта волна смыла смирение, дарованное ему религией, и зажгла безумную жажду мести всему человечеству.

Джордж ощутил всю неимоверность этой жажды и потерял сознание.

Очнулся он от воя, который раздирал уши. Джордж вздрогнул и с удивлением обнаружил, что еще жив. Удивление возросло, когда, открыв глаза, он увидел прямо перед собой морду халианина. Морда искривилась в улыбке — Джордж и не знал, что хорьки умеют улыбаться. Покрытая шерстью лапа похлопала человека по щеке, а затем произошло и вовсе невероятное событие — халианин заговорил на земном языке:

— Не бойся. Мы вытащили тебя из капсулы и как раз вовремя. Еще пара минут, и было бы уже поздно, но теперь ты в полной безопасности и среди друзей.

Джордж не знал, что сказать, и только во все глаза смотрел на своего спасителя. Он чувствовал, как слипаются веки, и ничего не мог поделать с одолевавшим его сном.

Когда он проснулся во второй раз, рядом с кроватью опять сидел халианин, но уже другой. Хорек протягивал что-то в висевший на стене микрофон, и через минуту в каюте появился первый халианин. Джордж попытался сесть, но хорек мягко толкнул его обратно в кровать.

— Не торопись. Еще рано. Твоему телу необходим отдых.

Джордж покорно лег и внимательно посмотрел на собеседника. Тот был гораздо крупнее обычного хорька. Удивительное дело, но на шее халианина болтался настоящий

человеческий галстук, яркий и довольно безвкусный.

— Почему вы спасли меня? Я ведь даже не вашего племени!

Доброе Сердце улыбнулся во всю ширь своей зубастой пасти. Он уже слышал этот вопрос от своей команды.

— Потому, что нас восхитило мужество, с которым ты боролся за свою жизнь в этом углу суденышке, не питая никаких надежд, но и не сдаваясь. А халиане ценят мужество больше всего. Как долго тебя испытывал космос? Неделью? Две?

— Две недели.

— А как это произошло? Случилось кораблекрушение? Или просто несчастный случай?

— Нет, меня... изгнали. Мое собственное племя вышвырнуло меня вон.

— Ах вот оно что! — Доброе Сердце посмотрел на свою добычу с внезапным интересом. — Тогда мы с тобой очень похожи друг на друга.

— Но, капитан! Как может человек носить имя на халийском языке?

— Точно так же, как ты и я, Быстрый. А кроме того, это не человек больше. Он отказался от своего племени и считает себя одним из нас.

И Джордж действительно так считал. Он умер для человечества, вернее, человечество само убило его. То, что непосредственно виноваты были лишь несколько жестоких лоботрясов, ничего не меняло. Джордж нисколько не сомневался, что командиры списали этот инцидент как несчастный случай и Флот не предпринял никаких попыток разыскать пропавшего. А что до всей человеческой расы, то вряд ли она вообще помнила его имя, хотя люди широко применяли изобретенный им прибор для связи в гиперпространстве. Всю жизнь он слышал от сородичей лишь насмешки и получал пинки да затрещины.

А вот халианам было все равно, как он выглядит. И они сделали очень дружественный жест, приняв Джорджа за своего. И теперь он готов сделать все ради своих друзей. Он без колебаний пойдет на смерть, прикажи ему только Доброе Сердце. В конце концов, он обязан капитану своей жизнью, и тот может потребовать уплатить долг, когда пожелает. Кроме того, Джордж не воспринимал экипаж корабля как тех хорьков, с которыми прежде воевали люди. Они были пиратами, такими же гонимыми существами, как и он сам. И отнеслись к нему как братья.

Правда, Джордж (в скором времени он научился понимать халийский) слышал несколько раз, как хорьки прохаживаются за его спиной по поводу «капитанского любимчика». Но Быстрый и другие офицеры быстро ставили таких на место. Его друзья, неслыханное дело, заступались за него!

Только с одной особенностью нового члена экипажа не могли смириться хорьки — с его полной физической неразвитостью. При всем совершенстве технического развития их расы каждый халианин в глубине души оставался средневековым воином и превыше всего ценил искусство боя.

Доброе Сердце лично занялся Джорджем. Медленно, терпеливо он обучал его простейшим приемам самообороны. Затем за неуклюжего ученика взялся Быстрый, также терпеливо тренируя его в умении не только отражать, но и наносить удары. После года занятий Джордж с удивлением обнаружил, что стал гораздо крепче физически и вполне способен постоять за себя. Более того, он научился преодолевать боль и страх.

Если после занятий возмущенный Быстрый и докладывал капитану, насколько бестолковый у него ученик, то Джордж не знал об этом. А Доброе Сердце никогда не обращал на такие доклады ни малейшего внимания. Главарь пиратов хорошо сознавал истинную ценность Джорджа. Возможно, в глубине своего сердца Доброе Сердце и считал этого несуразного человека предателем, но скорее воспринимал его просто как бедного доверчивого глупца.

Сайрес никак не мог смириться с мыслью, что пират, которого он почти уже держал в руках, в последний момент ускользнул от возмездия. Несмотря на неудачу, благодаря инициативе капитана первого ранга был спасен торговый корабль, пират получил

повреждения и уж во всяком случае Сайрес продемонстрировал, что знает, где искать Доброе Сердце. Поэтому адмирал доверил своему офицеру дюжину крейсеров, которые тот расположил в местах наиболее вероятного появления пиратов.

Но удача отвернулась от Сайреса. Доброе Сердце ни разу не оказался вблизи звездолетов. Он орудовал в десятках других мест, нападал на торговцев, грабил пассажирские лайнеры, но только не там, где караулили его земляне. Возможно, пират располагал приборами, которые заранее Предупреждали его о противнике, или же у него имелись агенты во Флоте — среди новых союзников землян, халиан, сказать наверняка было нельзя. Кроме того, пиратским шпионом совсем не обязательно мог быть хорек. Им мог оказаться и агент Синдиката.

Сайрес не исключал возможности, что разведка Синдиката работает на Доброе Сердце. Пират был серьезной помехой для торговли между Землей и Халией, что, конечно, играло на руку их противнику.

Какое-то время Сайрес размышлял, а не является ли Доброе Сердце сам агентом Синдиката, но отказался от этой мысли. Хорек слишком ненавидел людей.

Пока земляне тратили время в бесполезных поисках пирата, тот значительно расширил зону своих действий. Теперь ограбления происходили и довольно далеко от Халии, на расстоянии в несколько световых лет. Чтобы найти потенциальную жертву на таком удалении, требовалось очень тонкое оборудование. Возможно, среди пиратов оказалось несколько классных специалистов или же Синдикат, довольный деятельностью Доброго Сердца, изыскал способ доставить ему необходимые приборы. Пираты могли и сами заполучить их на одном из захваченных кораблей, а потом научиться ими пользоваться. Они были толковые ребята, эти хорьки, несмотря на свое пристрастие к средневековому кодексу чести.

Карта в кабинете Сайреса все разрасталась и разрасталась, прежняя область поисков теперь выглядела как булавочная головка. По-прежнему маленькие точки, изображавшие места грабежей, заполняли шар с центром в Халии. Но теперь радиус этого шара увеличился до двенадцати световых лет.

И Сайресу пришлось задуматься о каком-то ином способе перехвата неуловимого противника. Например, найти пиратскую базу. Она должна находиться где-то внутри этой огромной сферы, хотя бы ради экономии топлива. Но где именно?

— Вот то, о чем я говорил. Превосходное место!

Быстрый хмуро и недоверчиво рассматривал унылую картинку на экране, которая чем-то прельстила его капитана.

— Что может быть прекрасного в безжизненном астероиде? Здесь нет ни солнца, ни воздуха, ни воды.

— Как? Неужели ты не понимаешь? — Доброе Сердце повернулся к Джорджу. — Скажи нам, приемный сын, что ты думаешь?

— Прекрасное место, — протявжал Джордж, — для астероида, конечно. — Он говорил на халийском с чудовищным акцентом, служившим неиссякающим источником для шуток экипажа. И достаточно хорошо понимал чужую речь, чтобы следить за разговором. И Джордж принялся излагать свое мнение: — Астероид достаточно велик для нашей базы, здесь найдется место для целого десятка крейсеров с их экипажами.

Быстрый и другие хорьки смотрели на человека со все возрастающим интересом.

— Вероятно, некоторые из этих ям на поверхности служат входом в пещеры, а если нет, такие пещеры нетрудно вырезать. Под землей можно устроить склады, жилые помещения и оранжереи. Входы в пещеры можно переоборудовать в воздушные шлюзы, и база готова.

— Вы видите?! — прорычал Доброе Сердце своему экипажу. — Вы видите, даже для чужака очевидно то, что никак не дойдет до вас.

Джордж покраснел от смущения. Он чувствовал, что слова главаря заделали других хорьков.

— С вашего позволения, капитан, я хотел бы сказать...

— Говори. Я всегда рад слышать твои умные речи. Не стесняйся, Гемоглобин.

Услышав забавное имя, которое избрал себе Джордж, халиане заулыбались, напряжение спало. Хорьки придавали очень большое значение именам, и Джордж выбрал свое имя таким образом, чтобы халиане всегда ощущали свое превосходство над ним. Это устраивало обе стороны. В каком-то смысле новые друзья Джорджа очень мало отличались от людей. Обстановка разрядилась, и человек продолжил:

— Разве не лучше избрать в качестве базы планету? Такую, где есть кислород и вода?

Хорьки молча смотрели на Джорджа. Тот аж вспотел под их взглядами, но глаз не опустил. Даже перед капитаном.

— Такой вариант возможен, — спокойно сказал Доброе Сердце. — Но как защитить большую планету от противника?

— Надо использовать корабли, из которых состоит наше нынешнее логово. Вооружить как следует эти бывшие торговые звездолеты и отправить их на стационарную орбиту вокруг планеты.

— Хорошая мысль. Но где взять оружие?

— Захватим несколько маленьких кораблей Флота, на которые мы раньше не обращали внимания.

Экипаж одобрительно заворчал, но Доброе Сердце все еще не выглядел убежденным.

— Неплохая идея, Глобин. А ты подумал о топливе? Ведь для того, чтобы опуститься на планету и взлететь обратно, требуется много топлива. Где мы возьмем его.

Джордж спросил себя, где у этих хорьков мозги, но постарался не выдать своего удивления.

— Нашим двигателям нужен водород, капитан, а вода состоит из водорода и кислорода. Их можно разделить, пропуская через воду ток. Давайте выберем мир, где есть моря и реки, и поставим на реках турбины для производства тока. С помощью электролиза мы получим водород.

По рядам пиратов пробежал гул одобрения, и даже капитан оттаял и улыбнулся.

— Наш Глобин не разменивается на мелочи! Но где найти такой мир?

— На Вирге. Недалеко от Спики. — И он тут же дал им координаты.

Джордж не сказал хорькам только одно — это был его собственный мир. Он открыл его для себя, читая бесчисленные отчеты исследовательских экспедиций. В долгие одинокие часы, проведенные в библиотеках, Джордж населил эту планету своими фантазиями, превратил далекий мир в свое убежище, где можно спрятаться от человечества, презиравшего и оскорблявшего его, от насмешек, от снобизма, от оболтусов с крепкими мышцами, которые избивали его просто ради развлечения, от девушек, таких прекрасных и таких недоступных. Джордж открыл пиратам свою тайну по доброй воле и без колебаний. Его мечта исполнится, он попадет на свою планету! Более того, он окажется там не один, а вместе с друзьями.

И вот новый мир появился на экранах, маленький драгоценный шарик бирюзового цвета. Гладкий, чуть сплюснутый сфероид с белыми прожилками. Этот мир не представлял интереса для колонистов, он был мал, беден полезными ископаемыми и слишком далек от Земли. Но зато он был близок к Халии и к торговому пути, связывающему Халию и Цель.

Пиратский корабль приземлился, и приборы подтвердили то, что Джордж прочитал в отчетах: атмосфера пригодна для дыхания, воздух и вода не содержат вредных химических или биологических добавок. Люки распахнулись, и истосковавшийся по твердой земле экипаж с дикими воплями вырвался на волю.

— Можете прошвырнуться по окрестностям, — скомандовал Доброе Сердце своей команде. — Но не отходите далеко от корабля и смотрите в оба! Я и Глобин останемся охранять звездолет.

Оживленно галдя, хорьки немедленно скрылись в зарослях. Джордж был очень доволен, что Доброе Сердце оставил в звездолете именно его.

— Капитан, может, мы используем это время для урока? Вы покажете мне особенности ведения боя в условиях планеты.

С гортанным криком Доброе Сердце бросился вперед и ловко нанес человеку удар.

— Приятно слышать такие слова от тебя, который никогда не любил борьбы. Разумеется, Глобин, мы будем тренироваться.

Капитан огляделся, и глаза его блеснули.

— Ты видел, как обрадовалась команда? Спасибо тебе. Глобин, за мой мир.

— Добро пожаловать, капитан. — Джордж отдал бы все на свете ради своего кумира.

— Как ты назовешь его?

— Назову? — Джордж задумался. — Новая Халия, конечно.

— Нет. Прошлое закрыто для нас, Глобин, и должно быть забыто. Пусть у нового мира будет новое имя!

— Ну тогда Фатум.

Глобин все время потел от страха. Он всегда чувствовал себя не в своей тарелке среди себе подобных, но теперь это неприятное чувство усилилось многократно. На время он лишился милого его сердцу общества пиратов-халиан. Ибо капитан дал ему важное поручение, и, как бы там ни было, Глобин его обязательно выполнит.

Он достиг окрестностей небольшого городка на Цели, постоянно напоминая себе, что теперь он в состоянии постоять за себя. Но никто не обращал на него никакого внимания.

Глобин не верил своим глазам. Ему все время казалось, что на него все смотрят, что вот-вот люди схватят шпиона. Но сколько новоиспеченный тайный агент ни оглядывался, никто не выказывал ни малейшего интереса к маленькому несуразному человечку в сером неприметном костюме.

Постепенно Глобин успокоился. Он добрался до вокзала и купил себе билет до столицы.

В столице Глобин поселился в гостинице и забронировал место на одном из звездолетов, совершавших рейсы между Целью и Землей.

— Он предаст нас, капитан. Предаст, как только окажется среди своих. Он сообщит Флоту, где расположена наша база.

— Не посмеет.

— Но ведь его могут схватить и вытянуть правду на допросах. Дать ему наркотики, в конце концов.

— Спокойно, Быстрый. Наши умельцы состряпали для Глобина прекрасные документы. Ты ведь не сомневаешься в их мастерстве? Это точная копия паспорта, который мы забрали у одного из землян, изменилось только имя и голограмма.

— Да, конечно, — проворчал Быстрый. — Но я ни на грош не верю и тому «торговцу», с которым должен встретиться Глобин. Он может оказаться агентом Флота, он может заманить нас в ловушку.

— Ну, если это так, то мы потеряем нашего дорогого Глобина. Но вряд ли, схватив его, люди извлекут из этого для себя пользу. Он знает только координаты Фатума да еще может описать, как выглядит изнутри наш корабль. Я готов принести в жертву и то, и другое. Смею думать, что в этом случае я буду искренне сожалеть о потере для нас Глобина, но, в конце концов, он ведь даже не хорек. Думаю, мы как-нибудь переживем эту утрату.

— Нас могут перехватить, когда мы прилетим на место встречи за обещанным оружием, — продолжал упорствовать Быстрый.

— Верно, сказка об оружии может оказаться кусочком сыра в мышеловке. И по этой причине за товаром отправятся только двое из нас в маленькой шлюпке.

Доброе Сердце взял в руки маленький кусочек картона — визитную карточку, на которой было написано «Сел Адамсон, торговый посредник». Халианин снова поразился нахрапистости человека, который всучил ему свою визитку во время налета! «Я могу быть вам полезен, капитан. Мы оба можем принести большую пользу друг другу». Главарь пиратов стиснул визитку и еще раз посмотрел, как меняется на ней картинка, показывая

всевозможные виды оружия, от ручного до тяжелых плазменных пушек, торпед и танков.

— Нет такого предательства, которое не совершили бы люди, если они почуют запах денег, — сказал Доброе Сердце своему помощнику.

— Но почему ты думаешь, что Глобин не предаст нас? Он ведь слеплен из того же теста, что и остальные.

— А потому, дорогой мой помощник, что его богатство — это мы.

Доброе Сердце щелчком отправил визитку в полет и смотрел, как она кружится, медленно опускаясь вниз.

Глобин честно испил свою чашу до дна. Он прошел через все испытания: предварительные переговоры в каком-то ресторане, подробное обсуждение условий сделки в специальной комнате, защищенной от прослушивания, долгий торг и, наконец, выяснение порядка обмена оружия на деньги. Иногда Глобину казалось, что все эти действия совершает кто-то другой, а он лишь смотрит на него со стороны, удивляясь упорству и находчивости. У него никогда не достало бы смелости пройти через все это, если бы не просьба Доброго Сердца. Именно новые друзья стали источником его силы.

Огромный грузовой звездолет вынырнул из гиперпространства точно в условленном месте. Компьютер остановил тяжелую машину и включил передатчик с заранее оговоренным сигналом. Товар был доставлен.

Доброе Сердце на своем корабле уже ждал поблизости, но пират не торопился к месту встречи. Он внимательно ощупывал пространство чуткими механическими глазами приборов, пытаясь определить, не пожаловали вместе с торговцем незваные гости — боевые крейсера Флота. Но космос был пуст.

— Не торопитесь, капитан, — сказал Глобин. — Я хочу испытать свой новый детектор.

Доброе Сердце с видимым уважением взглянул на своего помощника.

— Объясни, Глобин, как ты собираешься определить, не прячется ли кто-нибудь в гиперпространстве, когда мы находимся в обычном?

— Благодаря интерференции гравитационных волн из обоих пространств, — улыбнулся человек. — И сейчас мой детектор показывает, что во всей доступной ему области нет ни одного объекта, масса которого сравнима с массой звездолета.

— Ну тогда Горячий и Солёный могут отправляться. — С этими словами Доброе Сердце нажал клавишу на пульте, и в ту же секунду от корабля отделилась маленькая шлюпка.

Шлюпка приблизилась к огромному грузовику и скрылась в приемном шлюзе. Пираты приготовились терпеливо ждать, пока два их товарища проверят груз и убедятся, что на корабле нет ни людей, ни взрывного устройства.

Потянулись томительные минуты ожидания. Наконец шлюпка отвалила от грузовика и начала уходить в гиперпространство, направляясь на место встречи с торговцами оружием. Похоже, все было в порядке.

— Корабль в гиперпространстве, — доложил Глобин. — По своим параметрам похож на прогулочную яхту земной постройки.

— Это они, — сказал Доброе Сердце. Он подключился к системе связи. — Как там у вас дела, Солёный?

— Все нормально, капитан. Они забрали свои деньги и уходят.

— Возвращайтесь обратно на грузовик и отведите его к тому астероиду, о котором я говорил. Там проверите оружие.

— Сколько нам ждать, капитан?

— Сутки. Я должен быть уверен, что этот грузовик не мина замедленного действия. А пока веселитесь, ребята. Можете пострелять от души.

Доброе Сердце облегченно вздохнул и повернулся к Глобину. Он сграбастал человека за плечо и восхищенно прорычал ему в ухо:

— Ты выполнил свое задание, Глобин. И сделал это превосходно.

Воздух наполнили довольные визги и рычание пиратов. Глобин стоял под

восхищенными взглядами команды и не мог удержаться от глупой радостной улыбки. Он гордился собой и был счастлив. Очень счастлив.

— Неужели вы действительно проверили все записи, касающиеся продажи оружия на всех населенных людьми планетах.

— Мы заставили поработать компьютеры, адмирал, — объяснил Мо. — Разумеется, мы регулярно получаем полную информацию с военных заводов. Насколько нам известно, это достоверные сведения, так что найти зацепку было нетрудно.

— Хорошая работа, капитан Сайрес. — Адмирал восхищенно посмотрел на своих собеседников, а потом снова уткнулся в отчет. — Итак, небольшие потери произведенной продукции с доброго десятка различных заводов.

— И больше сотни случаев закупок ручного оружия анонимными покупателями из специализированных магазинов, — добавил Мо. — Все вместе это складывается в очень приличную партию оружия. И все оно нашего производства.

— Потрясающая работа. И куда ушло это оружие?

Сайрес молча положил на стол командующего еще одну бумагу. Адмирал внимательно прочитал ее, и лицо старого вояки помрачнело.

— Вы арестовали этого Адамсона?

— Нет, сэр. Он как сквозь землю провалился.

Ресторанчик был забит битком и почти исключительно женщинами-хорьками. У Быстрого разбежались глаза, пират целый год не видел ни одной женщины, а здесь их было так много, и некоторые из них были так красивы. Но Быстрый не торопился. Он сам видел, как они выходили из проходной завода и на большинстве до сих пор остались темно-коричневые защитные костюмы работниц со знаками отличия. Это настораживало пирата.

Наконец он решился, подсел к Ристине, безусловно, самой красивой из всех, и заказал выпивку. И хотя они пили безалкогольный напиток. Быстрый чувствовал, как пьянеет от одного запаха Ристины, у него кружилась голова от желания. Он не мог скрыть своего состояния, и, очевидно, собеседница заметила это.

— Какой ты смелый, — с издевкой заметила она, — раз пришел туда, где столько женщин, обделенных лаской. Похоже, тебя сильно беспокоит наше численное превосходство.

Быстрый больше не мог ходить вокруг да около и заговорил напрямик:

— Как вы можете работать на захватчиков? Вы похожи на рабов!

— А что нам оставалось, — пожалала плечами Ристина. Она говорила с безразличием обреченной. — Мы просто хотели остаться в живых. Война унесла много жизней, слишком много жизней наших мужчин. Ни у одной из нас нет мужа. Кто даст нам кров и пищу?

Быстрый глубоко вздохнул и спросил:

— Скажи, а насколько далеко ты готова пойти, чтобы вновь обрести семью и дом?

Посадочный челнок опустился на поверхность Фатума, опалив землю огнем из дюз. Открылся люк, из корпуса корабля опустился трап, по которому, удивленно озираясь по сторонам, начали сходить женщины.

Пиратская команда, взыв от удовольствия, устремилась навстречу гостям. Самые быстрые и удачливые заграбастали себе подруг и удалились с ними под завистливыми взглядами остальных. Большая часть пиратов осталась ни с чем, но ненадолго. Приземлился второй челнок, за ним третий, и одновременно с ним первый взлетел обратно, за очередной порцией пассажиров.

Доброе Сердце следил за своей счастливой командой, с трудом удерживаясь от того, чтобы самому не броситься в веселую кутерьму. Рядом с ним замер Глобин.

— Ты нашел для меня планету. Глобин, а Быстрый принес сюда жизнь.

— Я очень рад видеть твою команду счастливой, — ответил человек.

Уловив в голосе товарища невеселую нотку, Доброе Сердце обеспокоенно обернулся.

— Ах мой бедный, одинокий Глобин. Скажи только слово, и мы приведем тебе столько женщин, сколько ты пожелаешь!

— Нет. — Человек решительно покачал головой. — Те девушки, которые мне нравятся, не захотят иметь со мной дело, а если и захотят, то только потому, что у них не будет другого выбора. Такой любви мне не нужно. Я и так счастлив, служа тебе и своим товарищам.

Доброе Сердце не нашелся, что ответить. Он лишний раз убедился, что новый член его экипажа действительно неординарная личность.

— Глобин, ты абсолютно уверен, что поблизости в гиперпространстве не прячется ни один корабль?

— Я уверен, капитан. Мой детектор ничего не показывает.

— Но этого не может быть! Слепому ясно, что нас заманивают в ловушку. Пассажирский лайнер, находящийся в обычном пространстве и посылающий во все стороны сигналы о помощи. Легкая, незащищенная добыча! Что это, как не кусок сыра в мышеловке? Люди не так глупы.

— Ну да, они делают все возможное, чтобы заманить нас поближе, — согласился Быстрый.

— Но, может, им действительно нужна помощь? — предположил Глобин.

— Ну если так, то мы им поможем. — Доброе Сердце решил. — Разумеется, после того, как ограбим. И на всякий случай, вдруг это все-таки ловушка, я полечу туда один. Приготовьте шлюпку!

Экипаж пиратского корабля будто взорвался:

— Нет, капитан!

— Вы не должны рисковать собой!

— Без тебя мы погибнем!

— Я полечу туда вместо капитана!

— Я тоже!

— И я!

— И я!

Через минуту от борта пиратского звездолета отвалила шлюпка с тремя добровольцами. Быстрый вместе с другими офицерами следил за капитаном горящими глазами. Они были готовы удержать своего кумира силой, если тому вздумается полезть на рожон.

Шлюпка вышла в обычное пространство и прицепилась к борту лайнера. Три фигурки в космических скафандрах скрылись в воздушном шлюзе.

— Лейкоцит, — осведомился по рации Доброе Сердце, — как вы там?

— Шлюз заполняется воздухом, капитан. Сейчас посмотрим.

Изображение на экране, передаваемое камерой, встроенной в шлем Лейкоцита, позволяло видеть помещение шлюза и внутренний люк. Клавиша рядом с люком зажглась зеленым цветом: система завершила работу.

— Сейчас мы войдем, — послышался голос Лейко, и на экране появилась его рука в перчатке, нажимающая на клавишу. Люк медленно отъехал в сторону.

Пираты застыли, не веря своим глазам. Корабль был битком забит пассажирами. И все эти пассажиры были хорьками.

— Что привело воинов в эту холодную пустоту? — услышал Доброе Сердце вопрос Лейко.

— Мы хотим встать под начало Доброго Сердца, — ответил один из халиан.

А потом эфир заполнили безумные вопли:

— Мы не желаем быть рабами пришельцев!

— Не откажи нам в праве сражаться с врагами!

— Ни один из кланов не хочет воевать. Возьми нас к себе. Доброе Сердце!

— Возьми нас!

— Возьми!

— Возьми!

— Не отсылай нас прочь!

Экипаж пиратского корабля застыл в благоговейном молчании.

— Так, значит, к нам прибыли добровольцы, — сказал наконец капитан.

— Да, Доброе Сердце, — ответил ему Глобин. Человек сиял от счастья, глаза его горели. — И я знаю по себе, что они чувствуют. Ты подарил нам всем новую жизнь, капитан!

— В звездолете были одни халиане?

— Да, сэр. — В комнате горела только настольная лампа, и лицо Сайреса скрывалось в тени. Но даже в тусклом свете было видно, что на лице Сайреса написано брезгливое отвращение. — Не знаю, чем думал представитель транспортной компании, который позволил халианам арендовать целый лайнер.

— Тем же, чем думали в иммиграционной службе, — ответил адмирал, мрачно уставившись на экран компьютера. — Они не рабы, а свободные существа, и мы не можем им ничего запретить без веских причин. Если они хотят куда-то улететь, мы не в состоянии остановить их.

— Даже если они собираются убивать людей?

Адмирала передернуло.

— Поймите, вы не можете доказать, что они собираются присоединиться к Доброму Сердцу, до того, как это произойдет. А я не могу нарушать закон. Но будем надеяться, что все обстоит не так плохо. После инцидента с потерей корабля я не думаю, чтобы хоть одна компания согласилась доверить хорькам звездолет. Ни за какие деньги. А вам, Сайрес, следует предупредить о потенциальной опасности владельцев маленьких кораблей и прогулочных яхт. И пусть таможенники внимательно следят за ними.

Так они и сделали. В скором времени таможня космических портов задержала несколько яхт, арендованных халианами для «увеселительных прогулок». Формальной причиной послужило наличие на яхтах невероятно большого арсенала оружия. Оскорбленные хорьки утверждали, что они вынуждены были приобрести вооружение на случай встречи с пиратами. И на это было трудно что-то возразить.

Тем более что у Сайреса не было никаких сомнений, что хорьки говорили чистую правду.

У халиан имелся еще один способ попасть к Доброму Сердцу — они покупали себе билеты на регулярные рейсы звездолетов и летели на них вместе с людьми. Если пираты нападали на такой звездолет, то хорьки просто исчезали вместе с бандитами. И тут Сайрес был бессилен.

Он не поверил своим глазам, когда прикинул, сколько халиан, не щадя своего живота, работает ради того, чтобы накопить денег на билет куда угодно в надежде, что их корабль будет перехвачен пиратами.

— Он называет себя Глобином. — С этими словами Сайрес положил на стол адмирала голографическую фотографию шпиона халиан. Снимок был сделан в тот момент, когда Глобин, стоя рядом с информационным экраном в космопорте, уставился прямо в камеру.

— Довольно уродлив. — Адмирал брезгливо рассматривал фото. — Так это он занимается поставками оружия пиратам.

— Да, мы все тщательно проверили. Трижды он покупал оружие, а в последний раз еще и цветные металлы.

— Цветные металлы? — Адмирал нахмурился.

— Да, сэр. Он заказал тяжелый транспортный корабль с грузом марганца, алюминия, никеля, хрома и других редких металлов и сплавов, здесь целый список.

— Да это же поставки в производственных масштабах! Этот пират ведет себя как хозяин индустриального комплекса.

— У него есть база, сэр. И, судя по всему, большая база.

— Да уж, достаточно большая, если у него там имеются собственные военные заводы. Мы должны остановить его, Сайрес. Дело зашло слишком далеко. Пора положить этому конец. — Адмирал швырнул фотографию на стол. — Если этот Глобин еще когда-нибудь сунет нос на населенную людьми планету, арестуйте его. Я хочу, чтобы его схватили,

осудили и изжарили!

— Слушаюсь, сэр.

Сайрес не стал редактировать последнюю фразу начальника и в точности передал ее репортерской братии. И через очень небольшое время не осталось в мире ни одного человека, который не знал бы о выродке Глобине и не считал бы его самым отвратительным созданием, когда-либо рождавшимся среди людей.

— Почему вы нападаете на нас, а не на корабли Синдиката? — хнычущим голосом спросил бизнесмен у пирата.

— Кто вам сказал такую глупость? — удивился Доброе Сердце. — Уверяю вас, у них тоже водятся неплохие денежки. А теперь ваш бумажник, пожалуйста.

Теперь уже буквально через день приходили сведения об очередном нападении пиратов. Маленький корабль нападал не только на торговцев, но даже на небольшие военные звездолеты. Сценарий был всегда один и тот же: пираты прицеплялись к жертве, прорезали корпус корабля, а затем рычащая свора в галстуках сметала все на своем пути. Хорьки убивали тех, кто оказывал сопротивление, и нещадно грабили остальных. А напоследок они всегда забирали у мужчин галстуки.

Даже если объектом нападения становился военный корабль и битва шла до последнего, хорьки всегда оставляли несколько человек в живых и отправляли их восвояси в спасательных шлюпках, как когда-то Сайреса. Им поручалось сообщить всему миру, что Доброе Сердце жив и продолжает орудовать безнаказанно. Как и раньше, пират очень заботился о своем реноме.

Чаще всего пираты нападали на корабли, курсирующие между Халией и Целью. Это обстоятельство и решил использовать Сайрес. Налет мог произойти в любой точке, пока звездолет находился в пределах двенадцати световых лет от Халии. Разумеется, Сайрес не мог поставить по сторожевому крейсеру на каждой астрономической единице столь длинного пути. Но он мог поступить иначе.

С некоторых пор между Халией и Целью стал курсировать очень необычный корабль. Внешне он ничем не отличался от других лайнеров, только пассажирами были переодетые в штатское добровольцы. Кроме того, Сайрес позаботился о некоторой технической модификации лайнера, и теперь всякого, кому вздумалось бы напасть на этот корабль, ждал небольшой сюрприз.

Вырезанный кусок оболочки провалился внутрь, и в пассажирский салон ворвалась группа хорьков с оружием наготове.

— Приветствую вас, леди и джентльмены. — Доброе Сердце протиснулся сквозь ряды своих подчиненных. — Я счастлив быть вашим гостем, хотя, боюсь, мой визит не затянется. Но что же вы! Разве вы не способны проявить хотя бы немного гостеприимства? Неужели вы не хотите предложить нам угоститься и немного отдохнуть? Ах, я не верю в подобную невоспитанность! Наверняка вы не отпустите нас без подарков. Я предлагаю для начала принести нам в дар свои драгоценности и кошельки.

Доброе Сердце повернулся к сидевшему рядом крупному мускулистому человеку.

— Отчего бы вам не встать и не поприветствовать...

Тут главарь пиратов запнулся, глаза его широко раскрылись. Он узнал этого человека, он неоднократно видел его в сводках новостей.

— Сайрес! — взвизгнул Доброе Сердце.

— Открыть огонь! — рявкнул в ответ человек, и в руках у него, как по волшебству, появился пистолет. — Задайте им жару, парни!

Салон пронзили обжигающие лучи лазеров. Раздались крики раненых. Стоны людей и пронзительные вопли хорьков. Воздух заполнился отвратительным запахом горящей плоти и паленой шерсти. В руках каждого пассажира оказался лазерный пистолет, и халиане попали под убийственный огонь с двух сторон.

Но они были быстры — эти хорьки. Очень быстры. Люди едва успели поднять оружие, а они уже скользнули в стороны и отступили назад. Несколько искромсанных тел осталось

лежать между рядами кресел, но большинство халиан успело вовремя отскочить, и теперь разъяренные хорьки, почти все раненные, быстро скрывались в спасительной дыре, ведущей к их кораблю.

— Назад! — взвыл Доброе Сердце. — Вы опозорили себя! Будьте достойны ваших отцов, сражавшихся на Цели!

Пираты повернули обратно и, открыв беспорядочный огонь, ранили несколько человек, но тут в кучу хорьков, столпившихся у прохода, полетели гранаты. Одну гранату какой-то очень ловкий хорек перехватил в воздухе и метнул обратно, но остальные взорвались прямо в гуще халиан. Суший бедлам.

— Они повредили наш шлюз! — взвизгнул один из хорьков.

— Только наружный, внутренний цел! Назад на корабль, мы закроем внутренний люк и смоемся отсюда! — скомандовал Доброе Сердце. Всякое желание дать бой у него почему-то вдруг исчезло.

Те пираты, что сохранили способность передвигаться, бросились в пролом и исчезли, будто их всосало внутрь. Сайрес бросился вперед с маленьким ломиком в руках и успел пропихнуть его между крышкой люка и корпусом пиратского корабля. Затем он прорычал на халийском:

— Что я слышал, Доброе Сердце?! Похоже, ты испугался.

— Это последнее, что ты сказал в своей жизни!

Люк снова распахнулся, да так резко, что Сайрес чуть не упал. Через мгновение перед ним оказался пират с горящими от ярости глазами, и, прежде чем человек успел выстрелить, хорек вцепился в него когтями. Сайрес не растерялся и, прикрыв горло руками, с силой опустил тяжелый сапог на лапу хорька. Доброе Сердце взревел от ярости и боли и попытался добраться до шеи человека, но тут же рычание перешло в жалобный визг, и хорек, словно обжегшись, отпрянул назад. На животе у него зияла глубокая рана.

— Видишь, — прорычал Сайрес, — у меня тоже есть коготь.

В руке человека был длинный тонкий кинжал, с лезвия капала кровь. Сайрес прятал кинжал в рукаве и в критический момент пустил его в ход. Визжа от боли и злобы, хорек стремительной тенью метнулся вперед и ударил противника в грудь с такой силой, что тот отлетел назад и упал. Только это и спасло Сайреса от острых клыков хорька, щелкнувших у самого горла. В последний момент перед столкновением Сайрес успел с силой ударить хорька кулаком в живот, и теперь Доброе Сердце скорчился над поверженным противником, задохнувшись от боли. Но прежде чем Сайрес успел вскочить на ноги, хорек пришел в себя и, развернувшись, скользнул в открытый люк. Оттуда, вращаясь, вылетел какой-то черный продолговатый предмет, после чего крышка люка с лязгом захлопнулась. Прощальный подарок пиратов зашипел, и Сайрес почувствовал отвратительное зловоние. Газовая бомба!

Задышавшись от кашля и почти ничего не видя, Сайрес нащупал на полу металлический кусок оболочки корабля, вырезанный пиратами. Один из его помощников сообразил, что он собирается предпринять, и бросился на помощь командиру. Вдвоем они приподняли металлическую пластину.

Сейчас в корпусе звездолета появится дыра в никуда, и эту дыру следовало заткнуть, но не раньше, чем выветрится отравленная атмосфера. Рискованный трюк, но ситуация не оставляла иного выхода.

Корабль содрогнулся, как-от удара — это пираты убрались восвояси, и тут же воздух с ревом начал выходить из отверстия. Два человека изо всех сил налегли на металлическую пластину, которую с силой тянуло наружу.

В помещении сгустился туман, мгновенно стало очень холодно. Сайрес задержал дыхание. Происходящее казалось ему нереальным. Из внутреннего салона появился один из членов экипажа в скафандре. Он волочил аварийный комплект в громоздком ящике. Подтащив ящик к самой дыре, ремонтник выудил оттуда что-то вроде многократно сложенной пачки бумаги. В помещении уже практически не осталось воздуха, аварийные переборки отделили его от остальной части корабля. Ловким движением ремонтник

встряхнул пачку, и она развернулась в металлическое полотнище площадью примерно с квадратный метр, которое тут же притянуло к дыре. Под давлением оставшегося воздуха металл выпучило наружу. Ремонтник махнул рукой, и два человека одним движением приставили на место недостающий кусок переборки. Из ящика появилось еще одно полотнище, которым поврежденное место прикрыли изнутри. Ремонтник вытащил ручной сварочный аппарат и начал методично приваривать к корпусу края временной пломбы. В этот момент заверещала аварийная система подачи воздуха. Похоже, самое страшное позади.

Хотя смертельная опасность миновала, Сайрес по-прежнему почти ничего не видел. Неожиданно он почувствовал, как чья-то рука коснулась его воспаленных слезящихся глаз и бережно нанесла на них какую-то прохладную мазь. Боль сразу ушла, и через несколько секунд зрение вернулось. Это капитан корабля вместе со штурманом обходили пострадавших солдат, смазывая им глаза лекарством.

Корабль снова заметно вздрогнул. Сайрес заставил себя подняться на ноги и, хромая, направился в рубку, стараясь не задеть тела пострадавших, которые валялись на палубе.

Изображение корабля пиратов на экране уже мерцало, но Сайрес ясно разглядел вспышку взрыва на его броне, прежде чем звездолет исчез.

— Сколько раз вы в него попали? — просипел Сайрес.

— Только один, сэр, — виновато ответил артиллерист. — Защитные системы пирата подбили все остальные торпеды. Мне еще удалось пару раз зацепить его лазером, но, боюсь, я только поцарапал броню.

В рубке появился еще один человек, он был в скафандре. Сняв шлем, солдат доложил:

— Задание выполнено, сэр!

Сайрес через силу улыбнулся.

— Так, значит, мы все-таки продержали их у себя достаточно долго?

— Да, сэр, — подтвердил солдат. — Я успел прицепить передатчик к броне пирата.

Сайрес кивнул и повернулся к капитану.

— Ну что, нам пора нырять в гиперпространство за нашими гостями.

— Ну и дьявол этот Сайрес! — воскликнул Доброе Сердце.

Пират вздрогнул, почувствовав прикосновение врача, который пытался поудобнее усадить его в кресле.

— Капитан, я настоятельно рекомендую вам лечь в постель.

— Мое место здесь, — резко возразил пират. — Я должен следить за тем, как летит и сражается мой корабль. Каковы наши повреждения, Быстрый?

— В двух местах серьезно поцарапан корпус. Но сквозных дыр нет, и с ремонтом можно подождать до возвращения на базу. Еще их торпеда покалечила наши направляющие плоскости, и при полете в атмосфере могут возникнуть проблемы. В остальном корабль цел.

— И то хорошо. Будем считать, что мы легко отделались. — Доброе Сердце откинулся в кресле, чтобы передохнуть. Когда пират почувствовал в своем брюхе нож, он решил, что настал его смертный час. И хотя Доброе Сердце спасся, мучительная боль в животе не позволяла забыть об унижении. Пират справлялся с болью только потому, что его ярость была еще сильнее.

— Какое коварство! — прорычал он снова. — Переделать пассажирский лайнер в военный корабль. Установить на нем скрытые оружейные башни. Переодеть солдат в гражданскую одежду. Блестящая выдумка и мастерски исполненная. Перед нами достойный противник!

— Окажись он хоть-чуть-чуть более достойным, нас бы уже не было в живых, — сварливо проворчал Быстрый.

Посмотрев на свою сердитую, потрепанную команду, Доброе Сердце порадовался, что в этот раз Глобин остался на Фатуме. Хорьки разорвали бы его в клочья, просто чтобы выместить злобу.

— Корабль в гиперпространстве, — доложил наблюдатель. — Похоже, следует за нами.

В рубке воцарилось молчание. Капитан первым пришел в себя.

— Что за корабль?!

— Судя по характеристикам, крупный звездолет земной постройки.

— Это Сайрес! Он выследил меня! — взвыл Доброе Сердце. — И теперь будет преследовать, пока не убьет. Или пока я не убью его.

— Но как? — поразился Быстрый. — Как он смог разыскать нас в гиперпространстве?

— Какая разница, как! Главное, что он здесь и приближается.

— Нет, капитан, — отозвался наблюдатель, — расстояние не меняется, оно все время около миллиона километров.

— Почему не меняется? — удивился Быстрый. — Зачем же он следит за нами, если не собирается драться?

— Да потому, что хочет узнать, где находится Фатум. — Доброе Сердце злобно ухмыльнулся. — Тогда он смоется и вернется вместе с эскадрой Флота. Но мы не позволим ему этого сделать! Возьмем курс в сторону от Фатума, Халии и Цели, прочь от любого места, где живут халиане.

— Но куда же нам идти, капитан?

— В никуда! Мы пойдем к краю галактики, туда, где нет ни одного населенного мира. Там мы попробуем заманить Сайреса поближе к какой-нибудь звезде, тогда при выходе из гиперпространства его погубят гравитационные искажения.

— Есть, капитан! — В голосе штурмана чувствовалось сомнение, но он подчинился своему командиру.

И их звездолет понесся вперед, туда, где мало звезд и еще меньше жизни. Они летели сквозь абсолютную пустоту гиперпространства, и только приборы показывали, что корабль минует звезду за звездой. Они словно летели в сплошном сером тумане, где изредка мелькали огоньки.

А затем вновь раздался голос наблюдателя:

— Корабль рядом с нами, идет почти параллельным курсом.

— Это Сайрес? — вскинулся Доброе Сердце. — Он больше не прячется. Верно, догадался, что мы водим его за нос!

— Нет, это другой звездолет. Судя по приборам, рядом с нами летит торговый корабль Синдиката.

— Вот как? — Доброе Сердце уставился на экран, и мучительные мысли о поражении тут же оставили его. — Мы потеряли одну рыбку, зато натолкнулись на другую. Лечь параллельным курсом. Как только купец вынырнет из гиперпространства, мы преподнесем ему сюрприз.

— Действуем, как обычно? — спросил Быстрый. — Выныриваем сразу же за ним и нападаем?

— Именно так, — ответил капитан. — Что там слышно про Сайреса?

— Я его не вижу, — ответил наблюдатель. — Наверно, расстояние слишком велико для наших датчиков.

— Отлично, значит, он не помешает нам немного разбогатеть. Экипаж, боевая тревога!

Они внимательно следили за своей добычей, готовясь вынырнуть в обычное пространство следом за ней. Прошел час, потом десять часов, потом сутки, но ничего не менялось. Халиане ели и спали урывками, оставаясь на боевых постах.

Погоня длилась уже тридцать часов. И вот наконец изображение чужого звездолета замерцало.

— Они уходят из гиперпространства, — доложил наблюдатель.

— Живо, следом за ними! — приказал капитан своему штурману.

Пиратский корабль трясло и бросало из стороны в сторону — переход произошел почти мгновенно и без должной подготовки. Доброе Сердце, не обращая внимания на головокружение, впился в экран. Торговец находился прямо перед ними, большой темный прямоугольник, прямо в центре экрана. Их разделяло всего пятьсот километров.

Доброе Сердце подключился к системе общей связи.

— Приношу извинения за слишком резкий переход и спешу сообщить, что наша добыча находится прямо перед нами. Сейчас начнется заварушка. — Тут Доброе Сердце увидел, что, по показаниям приборов, совсем рядом с ними находится еще один источник гравитационного поля.

— Уменьшить масштаб изображения, — скомандовал пират. Чужой звездолет уменьшился, но зато на краю экрана показался сегмент диска.

— Уменьшить масштаб в десять раз! — взревел капитан, не веря своим глазам. Картинка скакнула, корабль торговцев превратился в точку, но теперь в углу экрана появился кружок — изображение неизвестной планеты.

— Что это? — нарушил общее молчание Быстрый.

— Пункт его назначения! — взвыл, не помня себя от радости, Доброе Сердце. — Мы нашли один из миров Синдиката! Вперед, ребята, ошиплите этого жирного индюка и не забудьте оставить несколько человек в живых, чтобы было кому о нас рассказать. Синдикат предал Халию, так пусть теперь его купцы дрожат от страха за свою мощну даже у самых ворот своего дома. Захватите этот корабль!

Тут Доброе Сердце вспомнил об осторожности и добавил:

— Пусть связисты направят сообщение на Халию, чтобы все знали, что мы нашли.

Один из хорьков склонился над передатчиком и протягивал сообщение о планете и ее координаты. Тем временем пиратский корабль на максимальном ускорении устремился к чужому звездолету.

И вдруг на краю экрана зажглось множество маленьких огоньков. Два из них быстро увеличились в размерах и превратились в сторожевые корабли Синдиката.

— Смотрите, они приближаются! — взвыл Доброе Сердце. — Огонь! Пускайте торпеды!

Пиратский корабль огрызнулся огнем, навстречу новым врагам полетели ракеты. На время все забыли о торговце. И зря...

Один из уродливых наростов на корпусе огромного звездолета пришел в движение, превратившись в орудийную башню. Оттуда плюнула огнем тяжелая плазменная пушка. Экран перед капитаном пиратов предупреждающе вспыхнул, а через долю секунды вспыхнул весь корабль. Доброе Сердце успел подумать об иронии судьбы, поменявшей местами охотника и жертву. Еще он подумал, что руководители кланов были правы — настоящий враг халиан вовсе не Флот.

А потом наступило небытие.

— Они возвращаются в пространство, сэр.

— За ними, — скомандовал Сайрес. Он уселся в свое противоперегрузочное кресло и с мстительным удовольствием подумал, что пиратов подвел их собственный детектор. Шпионы Сайреса донесли, что Глобин изобрел прибор, чувствующий массивные тела в гиперпространстве. Этого факта, а также знания, что до своего перерождения Глобин был Джорджем Дерриком, оказалось достаточно, чтобы повторить открытие. Инженеры Флота проанализировали все предыдущие изобретения Деррика и, заранее зная, что искомый прибор существует, создали детектор заново. Более того, инженеры улучшили его, превратив в мощную систему слежения.

Земной звездолет долго преследовал пирата, находясь на максимальном удалении, которое допускали приборы. Охотники надеялись, что так они останутся вне поля зрения своей жертвы и смогут выйти на пиратскую базу.

«Неужели их база находится на таком расстоянии от обитаемых систем?» — удивленно спрашивал себя Сайрес. После некоторого размышления он решил, что такое вполне возможно. Далековато, конечно, но зато безопасность гарантирована.

Головокружение от перехода быстро прошло, и Сайрес уставился на экран, разыскивая знакомый силуэт пиратского корабля. И он нашел его, но в окружении целого роя маленьких истребителей Синдиката. А чуть в стороне — огромный диск неизвестной планеты.

— Они хотят изжарить моего пирата! — закричал Сайрес. — Стреляйте по ним!

Уничтожьте их!

— Торпеды пошли, — отозвался артиллерист.

— Капитан, раздавите этих вшей!

— Полное ускорение, — рявкнул капитан, и двойная тяжесть прижала экипаж к креслам.

Одновременно от торгового корабля отделился сгусток пламени и распустился огненным цветком там, где только что был халианский звездолет. Корабль пиратов исчез, превратившись в облако раскаленного газа.

— Подонки! — взвыл Сайрес, не помня себя от гнева. — Воры! Убийцы! Им это не сойдет с рук! Капитан, взорвите этот «мирный» торговый корабль.

Капитан не успел подать команду. Два истребителя врага исчезли с экранов, и в то же мгновение большой звездолет снова изрыгнул из себя огонь. Боль пронзила все существо Сайреса и тут же отступила, словно освобождая дорогу смерти. В этот короткий промежуток времени поместилась всего одна мысль. Он выбрал не того врага.

Интерлюдия. ПОСЛЕ КАПИТУЛЯЦИИ

Совет Халии капитулировал, но это, увы, еще не означало, что война закончилась. Там, где доблесть отдельных смельчаков считается единственным мерилем успеха, капитуляция Верховного командования — отнюдь не точка в истории войны. На самой Халии власть принадлежала преданным сторонникам бывшего Совета, и боевые действия закончились в течение нескольких дней. Тысячи халиан прекратили сопротивление и начали массовую сдачу оружия, включая корабли, уцелевшие после сражения с силами адмирала Дуэйна.

К великому удивлению космических десантников, приступивших к оккупации Халии, они не почувствовали никакой озлобленности местного населения. Халиане были побеждены в открытой борьбе, и, помимо прочих трофеев, победитель обрел их сдержанное уважение. Еще совсем недавно хорьки посмеивались над противником, считая беззащитных голокожих зверьков легкой добычей. Теперь настало время признать, что в лице этих самых голокожих созданий халиане встретили достойного противника. Что ж, лучше уж считать, что встретил достойного противника, чем примириться с тем, что ты разбит стаей худосочных голозадых обезьян!

А вскоре даже пытались создать объединенные отряды, частично состоящие из халиан. И тут же начались всякого рода казусы. К примеру, поступило распоряжение отправлять на переработку все пригодное для этого вторсырье, имевшееся у хорьков. Когда приказ дошел до подразделений, младшие командиры, не долго думая, решили, что им предписано сдирать шкуры с халиан и отправлять мех на обработку...

Попробовали увлечь халиан спортом, но и тут возникли сложности — правда, иного рода. Футбол оказался довольно опасной игрой: заведя бегущего к нему нападающего ростом повыше себя, защитник халиан инстинктивно выпускал острые пятисантиметровые когти.

Однако чувство уважения к доблести вчерашнего врага оказалось сильнее предрассудков, и постепенно некоторое подобие взаимопонимания было достигнуто.

Но по мере удаления от центра пространственного сектора Халии все меньше халиан рассматривало подписанный Советом акт капитуляции как руководство к действию. Кое-кто из пиратов проявил достаточное благоразумие, чтобы сдаться. Другие оказались не столь расторопны, и жители оккупированных планет свели с ними счеты раньше, чем представители Флота успели вмешаться. За долгие годы страха и постоянного рабства местное население мстило безжалостно. Все это еще более усложнило ситуацию. Многие из оставшихся в живых халиан напоминали японских солдат, оказавшихся в изоляции после второй мировой войны, — как утверждают исторические источники, последние японские ветераны сдались только через сорок лет после конца войны.

Присоединение к Альянсу всего халианского космического региона вызвало новую

волну ожесточения в рядах непримиримых. Некоторые капитаны вознамерились реставрировать халианскую империю в отдаленных секторах галактики. Другие попросту упрямо мародерствовали, пока не натыкались на корабли Флота, которые, разумеется, с ними не церемонились. Третьи продолжали связываться в стычки, но только в тех случаях, когда имели явное численное преимущество. Как только ситуация складывалась не в их пользу, забияки тут же сдавались, делая вид, что впервые узнали о капитуляции лишь минуту назад через индийских переводчиков и очень сожалеют о своей неинформированности. К счастью, переводчики теперь имелись на борту каждого более или менее крупного судна.

Как бы там ни было, через несколько месяцев после падения метрополии сопротивление халиан было сломлено практически повсеместно. Но оставшиеся корабли представляли все-таки серьезную опасность. Стычки с ними мешали процессу объединения Флота и Халии, а отряды космических десантников Альянса после кровопролитной борьбы остро нуждались в пополнении.

Зато теперь Флот, пусть и с опозданием, получил свободный доступ к информации, касающейся халиан как противников. Исследовательские службы стали весьма эффективно использовать драгоценные данные для отработки новых методов борьбы с непримиримыми. Но, как и всякие не до конца испытанные новшества, эти методы представляли для бойцов Флота даже большую опасность, чем противник. И, как часто случается, в результате экспериментов и полевых испытаний Флот узнал гораздо больше о собственных нераскрытых резервах.

Даг Мюррей. ПЛАЦЕБО

Космический десантник Глассман надел шлем и пристегнул уплотнительное кольцо к воротниковому раструбу боевого скафандра. Покосившись на индикатор герметичности (там мерцал зеленый сигнал), он удовлетворенно кивнул и занял очередь у входа в штурмовой коридор. Ждать оставалось недолго — пилот корабля вносил последние поправки в стыковочный курс — судно подергивалось, словно паук, исполняющий брачный танец. Глассман инстинктивно поскреб перчаткой толстый рукав скафандра. Зачесался левый бицепс — видимо, начинала действовать инъекция, которую туда вкатили. Только бы сработала, подумал он. То, что показывали в фильмах, впечатляло: подумать только — теперь появилась возможность стать такими же быстрыми, как хорьки — это было нечто! Если инъекция действительно подействует так, как они говорят, тогда, наверное, он наконец сможет...

Корпус корабля вздрогнул в последний раз — сработал стыковочный узел. Ворота штурмового коридора медленно распахнулись. Глассман взял оружие наизготовку и вслед за командиром взвода нырнул в переход. Коридор показался ему короче обычного — за несколько секунд он преодолел почти половину...

— Вот здесь остановите, — прозвучал голос капитана Родмена.

Пятеро представителей Высшего командования расположились за длинным столом в просторной кают-компании корабля «Сабатини». Перед ними высилась стена, состоящая из десятков мониторов, на которых замер один и тот же кадр.

— Обратите внимание — вот момент, когда инъекция начинает действовать, — продолжал Родмен. — Вы можете видеть, как десантник стремительно набирает скорость. Кровеносная система разносит скалозианскую сыворотку по организму. Обратите внимание на то, что происходило дальше.

Глассман двигался по коридору в направлении рулевого отсека. Справа от него вразвалку трусил десантник Верзил.

Глассман всегда немного нервничал перед схваткой, но сейчас с ним творилось что-то совершенно смехотворное. Еще у входа в штурмовой коридор он начал потеть, и с каждым шагом потоки пота становились все обильнее.

Он вновь втянул в себя воду из тубика — в третий раз за несколько минут. Наверняка

что-то не в порядке с термоконтролем скафандра. Когда все закончится, надо будет побеседовать с технарем Карти — выяснить, что его ребята там намудрили.

Глассман снова припал к тьюбику — и вдруг увидел, как впереди мелькнула неясная тень.

— Халиане! — крикнул он прямо в микрофон скафандра и вскинул свой карабин. Жаль, что запретили прихватить на задание оружие посерьезнее — была опасность повредить корпус судна или угодить лучом в ядерный реактор. К тому же командование приказало захватить побольше пленных — еще один развороченный корабль, полный трупов, их не интересовал.

Впереди метнулось еще несколько теней, и внезапно целая стая халиан бросилась на них из темных углов, выставив когти, ножи и пистолеты. Верзил дико заорал. Глассман нажал на спуск карабина и мысленно попрощался с жизнью.

— Первая стычка с халианами произошла в коридоре №4, в ста метрах от входа на капитанский мостик. Отряд халиан, охранявший рулевой отсек, сумел подобраться к авангарду наших десантников на расстояние пяти метров и при этом остаться незамеченным, — для усиления эффекта Родмен ударил ладонью по столу. — Обратите внимание на эту цифру — пять метров! По данным компьютерного анализа предыдущих боев, халиане, атакуя с такой дистанции, уничтожали восемьдесят пять процентов наших солдат. Вдумайтесь — восемьдесят пять! Но на этот раз...

Глассман был поражен. Он никогда не видел, чтобы халиане двигались так медленно. А может, дело не в них, а в препарате, который десанникам вкололи перед высадкой.

Казалось, будто халиан опустили в смолу или в глицерин. Глассман ухмыльнулся. В его боевой биографии было много подобных встреч с хорьками — гораздо больше, чем хотелось бы. И в этих стычках он потерял так много боевых товарищей, что страшно вспоминать.

Но происходящее сейчас не было похоже ни на одно из прежних столкновений. Мечта внезапно стала реальностью. Глассман успевал все — выбрать цель, аккуратно навести оружие и вовремя нажать на спусковой крючок. Он отстреливал хорьков с методичной легкостью, с какой они до сих пор отстреливали его однополчан. У него даже оставалось время с удовлетворением отмечать, как противник корчится в предсмертных судорогах!

Его карабин продолжал отсчитывать выстрелы, словно бы без участия стрелка. Трупы хорьков падали на палубу после каждой вспышки.

Торжествующая ухмылка Глассмана становилась все шире. Вот это класс! Он покосился на Верзила — у того получалось не хуже. Происходило невероятное: еще секунда — и они вдвоем уничтожат халианскую засаду!

Глассман подстрелил очередного противника и подумал: «Черт возьми, до чего же приятная штука!» Вот если бы еще можно было бы стереть пот со лба...

— Все столкновения с халианскими отрядами, происходившие в рамках данного эксперимента, принесли стопроцентный успех нашим бойцам. Стопроцентный! — Родмен нажал на кнопку, и на вспомогательных мониторах появились данные: главный экран по-прежнему показывал стоп-кадр из сцены боя в тот момент, когда его зафиксировала встроенная в скафандр камера. — И ни одной потери с нашей стороны. Ни одной! Более того — в трех случаях десантники сумели обезоружить и нокаутировать хорьков в рукопашной схватке! Взятые в плен халиане дают нам уникальную возможность провести подробный психологический анализ, попытаться взять их сознание под контроль и в дальнейшем использовать в боевых операциях наравне с другими хорьками.

Глассман уложил шестерых халиан еще до того, как они успели сделать хотя бы два шага ему навстречу. Верзил стрелял очередями и почти не целясь, но и он приободрился, когда обнаружил, что выстрелы его карабина, словно сами по себе, размазали по стенам еще шестерых противников. Но последний халианин был уже совсем рядом с Глассманом. И тогда десантник решил взять его в плен. Ведь эксперимент затевался еще и для того, чтобы выяснить, что заставляет непримиримых упорно продолжать борьбу. А для этого нужны

«языки»...

Противник выбросил лапу с ножом вперед, целясь Глассману под сердце. Десантник ловко увернулся и нанес халианину удар прикладом в живот.

«Точь-в-точь как учили на занятиях по рукопашному бою!» — подумалось ему. Противник согнулся пополам, и десантник, завершая движение, выхватил из-под хорька карабин и с размаху опустил его на голову твари... Но мощь удара оказалась столь велика, что голова халианина разлетелась вдребезги.

Потрясенный Глассман обвел взглядом площадку, усыпанную трупами. Дернул головой, стряхивая заливающий глаза пот. Потом махнул рукой Верзилу.

Подводить итоги учиненного ими побоища было некогда. Им еще предстояло добраться до приборного отсека.

— Обратите внимание, господа, — бойцы десантного отряда вступили в перестрелку приблизительно через двадцать минут после инъекции. — На вспомогательных мониторах замелькали новые цифры и диаграммы. — Во всех случаях эффективность действий бойцов возросла с девяноста до двухсот пятидесяти процентов от нормы — как только вещество было полностью ассимилировано кровеносной системой. Для сравнения: наши исследования показали, что халиане от природы на тридцать процентов превосходят людей в быстроте рефлексов. Но в результате использования нашего препарата показатели десантников Флота стали втрое лучше по сравнению с физиологическими боевыми данными противника.

Глассман остановился посреди рубки в нескольких шагах от пульта управления. Пот ручьями стекал по лицу, потоки соленой жидкости готовы были разъесть глаза. Сердце отчаянно колотилось в груди, дышать с каждой секундой становилось все труднее. «Кажется, со скафандром что-то серьезное», — подумал он, похолодев.

Но как здорово они все-таки расправились с халианами! А ведь если бы не это новое средство, он и мечтать бы не мог стрелять так быстро и точно. Вот так допинг! Пожалуй, надо бы раздобыть немножко этого препарата для личного пользования. К складу медикаментов приставлена эта маленькая подружка лоцмана...

Впервые за время конференции слово взял адмирал Ферсом:

— Я бы все-таки хотел уточнить, капитан, о чем это вы так гордо повествуете? Насколько я понял, вы использовали целое десантное подразделение Флота в качестве подопытных кроликов для испытания суперстимулятора, который изобрели ваши умники из научно-исследовательской группы.

Родмен давно ждал этого вопроса и понимающе улыбнулся.

Он-то прекрасно знал, что старику никогда не случалось бывать ближе чем в тридцати световых годах от театра военных действий. И что свое высокое звание он получил за безупречное переключивание с места на место бумажек в течение последней четверти века. Непосредственные начальники предупреждали Родмена, чего можно ожидать от Ферсома, и он был готов к подобным заявлениям адмирала.

— Абсолютно справедливо, сэр. И я предоставляю вам всю документацию, утвержденную Главным штабом Флота.

— Но для чего нужна вся эта затея, капитан? — заговорил адмирал Дансел. — Халиане разбиты. В большинстве своем они перешли на нашу сторону.

— Халия — только часть проблемы, адмирал. Вам хорошо известно, что Синдикат приручил хорьков несколько столетий назад. Кто знает, может быть, у них в запасе биологический сюрприз похлеще того, с чем нам пришлось иметь дело в этом конфликте. Даже халианская война поставила перед нами огромные проблемы. А ведь надо быть готовыми к новым, еще более серьезным испытаниям!

Очевидно, свой капитанский мостик халиане покидали спешно, но без суеты. Вся аппаратура была разворочена вдребезги и восстановлению не подлежала. По логике вещей, в данный момент экипаж корабля грузился в спасательные катера.

Глассман был даже рад этому обстоятельству. Со скафандром творилось что-то ужасное — забрало шлема запотело, настолько внутри было жарко и влажно. Глассман знал,

что атмосфера на корабле непригодна для дыхания, но весь его организм властно требовал снять шлем и хотя бы вытереть лицо. Ему необходимо немного остыть!

Страшным усилием воли он все-таки заставил себя опустить руку, уже тянувшуюся к замкам шлема. Только бы не потерять окончательно самоконтроль и во что бы то ни стало добраться до штурмового коридора. Там, на фрегате, он сможет отдышаться. Иного выхода не было.

Едва переставляя ноги, Глассман двинулся обратно. Он не заметил, что Верзил рухнул на палубу и замер.

— На исходе первого часа операции наши десантники захватили все ключевые участки халианского судна, в том числе капитанскую рубку и пост наведения огня...

На вспомогательных экранах появились данные медицинской телеметрии скафандров. Все они достигали критических значений. Встроенные камеры показывали лежащих на палубе десантников. У всех шлемы сняты и отброшены в сторону. Лица побагровели, и по ним сбегали крупные капли пота...

— ...Однако именно в этот момент обнаружили первые проблемы, касающиеся применения нашего препарата...

Вот он, вход на корабль, всего в нескольких шагах. Глассман едва дышал — каждый вдох был слабее предыдущего. Ничего, подумал он, еще немного — и он получит настоящий воздух. Сотни литров прохладного, свежего воздуха...

Он наткнулся на стену, едва удержавшись на ногах. Еще чуть-чуть...

Все смотрели на главный экран. Десантник все-таки добрался до входа в штурмовой коридор. Санитар подхватил падающего Глассмана, но было видно, что все индикаторы физиологического состояния горят красным светом. Линия энцефалограммы на вспомогательном мониторе становилась все более плавной, пока не превратилась в прямую.

— Мы поняли, что возникли некоторые непредвиденные сложности, — прокомментировал Родмен, указывая на данные медицинской телеметрии. — Десантники, получившие инъекцию скалозианской сыворотки, стали терять сознание. В большинстве случаев — тепловой удар, но у некоторых — острая коронарная недостаточность.

Адмирал Гриссом с сомнением покачал головой:

— Это десантники. У них не бывает сердечных приступов.

Родмен мрачно усмехнулся:

— Да, сэр, вы, безусловно, правы. Но будь у десантника хоть стальное сердце, оно вряд ли способно сокращаться быстрее двухсот раз в минуту, да еще на протяжении длительного периода времени. Мы даже представить не могли, что препарат вызовет такую побочную реакцию. Мы также не рассчитывали, что человеческое тело не справится с избытком внутреннего тепла, образующегося при его работе в предельном режиме.

Конечно, сразу провели вскрытия и установили две основные причины смерти: остановка сердца в результате перенапряжения всей сердечно-сосудистой системы и закупорка сосудов мозга вследствие внутреннего перегрева организма.

— Каковы потери?

Адмирал Ферсом был в своем амплуа.

— Двадцать четыре десантника.

— А сколько участвовало в операции?

«Кажется, Гриссом взял след, — подумал Родмен. — У него всегда была бульдожья хватка. Теперь главное — не дать перегрызть артерии».

— В высадке участвовали тридцать шесть десантников, двадцати четверем из них сделали инъекцию скалозианской сыворотки. Как уже было указано, все двадцать четыре человека скончались.

— Стопроцентные потери?! — Даже Ферсом был поражен. Видимо, зря Родмен надеялся, что его предварительно проинформировали.

— Так точно, сэр. Все десантники, испытывавшие препарат, скончались от непредвиденных побочных эффектов.

Родмен вывел на вспомогательные мониторы несколько новых графиков.

— Я считаю необходимым отметить, что ни одна из потерь не явилась следствием действий противника. Ни один десантник не получил даже легкого ранения. Все умерли исключительно от действия сыворотки. Мы считаем, что это поразительная статистика.

Адмирал Дансел вскочил и принялся грозно расхаживать вдоль стола.

— Та-ак... — произнес он. — И что нам теперь делать? Созывать трибунал? А как еще следует поступить с вашими учеными, которые придумали эту отраву и уничтожили несколько десантных взводов Флота?

Родмен ответил не сразу — он набрал на панели нужный код, вызывая из компьютерной памяти новую подборку статистических данных и оперативных видеорепортажей. На мгновение изображение на всех экранах исчезло.

— Я прошу вас, господа, повременить с выводами и посмотреть вот это...

Капрал Джейн Мартини машинально почесала плечо, но, разумеется ничего не ощутила сквозь толстый материал скафандра. Удивительно, подумала она, как только эти эскулапы умудряются, несмотря на свои сверхзвуковые инъекторы, сверхбыстрые шприцы и еще кучу всяких технических новшеств, делать уколы столь же болезненно, как и сотню лет назад.

Джейн тряхнула головой. Хватит забивать мозги пустяками. Надо думать о предстоящей встрече с хорьками. Говорят, этот укол делает людей столь же быстрыми, как и халиане. Скоро предстоит в этом убедиться — Даже скорее, чем хотелось бы.

Мартини перевела регулятор карабина в боевой режим и энергично махнула рукой. Через несколько секунд откроется штурмовой коридор, а в атаку нужно бросаться с холодной головой.

— Ну и что? — Глубокий бас адмирала Гриссома разрубил тишину, словно мачете. — Вы собираетесь показать нам, как еще несколько десантников протянут ноги от вашего чертова зелья? Благодарю, лично я сыт этим по горло. Давайте-ка лучше...

— Одну минутку, сэр. Боюсь, вы не совсем верно поняли. Это другая группа, контрольная. Им не ввели скалозианскую сыворотку. Все, что они получили с инъекцией, — это водный раствор глюкозы. Небольшой обман — они были уверены, что по их сосудам течет тот же допинг...

— Как?! Но ведь их движения... — пробормотал Гриссом, окончательно сбитый с толку.

— Смотрите, сэр, смотрите дальше!

Взвод Мартини получил задачу захватить эвакуационный отсек корабля. Десантники во весь дух мчались по коридорам, указанным на плане, и думали об одном — надо успеть до того момента, как начнется бой за ключевые пункты судна.

Лицо Мартини покрылось обильной испариной. Неужели чертова сыворотка вызывает перегрев организма.

Она сделала короткий глоток из бачка с водой и рывком головы стряхнула пот с век. Некогда, некогда ломать голову над этой чепухой! Она снова сделала выразительный знак рукой, и ее отряд разделился на две цепочки. Где-то позади загрохотали выстрелы карабинов, эхом прокатившиеся по длинным коридорам...

— Адмирал Гриссом прав. В данный момент скорость десантников не выше среднестатистического показателя по Флоту. — Родмен указал на один из вспомогательных экранов. — При этом заметьте: десантники помнят, что должны занять позицию в эвакуационном отсеке до того, как туда прорвутся хорьки. Значит, мы имеем основания полагать, что они движутся с максимальной скоростью, на которую в данный момент способны.

Терпение Гриссома дошло до предельной точки.

— Я не понимаю, к чему вы ведете?!

— Скоро вам все станет ясно. Очень скоро, адмирал. — Родмен снова включил главный экран.

Перед самым входом в эвакуационный отсек Мартини сделала знак остановиться. Хорьки могли оказаться здесь раньше ее отряда.

Махнув рукой, она послала вперед Карпа. Он был хорошо вооружен, посерьезнее всех и, кроме того, был лучшим стрелком взвода. Карп с полуслова понял замысел командира — они довольно долго прослужили вместе. Десантник занял позицию на краю пандуса, уперев ствол своего мини-орудия в один из выступов — чтобы удобнее было вести огонь. Потом обернулся к Мартини — именно она должна начать атаку.

Мартини сделала глубокий вдох, еще раз быстро проверила готовность своего оружия и, пригнувшись, ринулась в пространство эвакуационного отсека, ища глазами подходящее укрытие.

— Данные указывают: халиане отступили в эвакуационный отсек сразу после того, как поняли, что ни скоростью, ни вооружением их корабль не превосходит «Норд», — сказал Родмен, усаживаясь за стол, в его голосе появились нотки шоумена с омнивидео. — Мы полагаем, что ход отступления и позиции были продуманы командой корабля заранее. Часть десантников осталась прикрывать отход. Но главное — халиане добрались до эвакуационного отсека значительно раньше отряда десантников Флота.

Мгновение спустя Мартини оказалась в самом эпицентре перекрестного огня. Пули, дротики, энергетические пучки обрушились со всех сторон. Она нырнула за какой-то крошечный выступ и стала гадать, когда прорвутся внутрь остальные. Одна надежда на это новоизобретенное средство, которое им вкололи. Иначе — никаких шансов.

— Обратите внимание на данные медицинской телеметрии скафандров. — Родмен дал укрупнение на одном из экранов. — Как видите, ни один из показателей не превышает предельных значений. Я попрошу вас в первую очередь следить сейчас именно за физиологическими данными...

Карп ворвался в отсек, на ходу поливая противника огнем, и залег за одной из эвакуационных капсул. Хорьки только этого и ждали. Держа наготове оружие, они выскочили из укрытий и, ловко лавируя, бросились на двух десантников, оторванных от своего отряда.

Мартини поняла, что они обречены. Хорьков слишком много и они слишком быстры, чтобы справиться с ними вдвоем. Но если...

Мартини нажала на спусковой крючок. И тут начало твориться что-то невообразимое. Стремительный бег хорьков замедлился прямо на глазах, словно они были роботами и кто-то щелкнул переключателем. «Вот оно! — с торжеством подумала Мартини. — Наконец-то заработало».

Проклятущее зелье подействовало как нельзя более кстати. Мартини вскочила на ноги и так же спокойно, словно на учениях, принялась поливать очередями врага. И хорьки начали падать — так же методично, как и мишени на тренировочных стрельбах. Мартини покосилась на Карпа — у того получалось не хуже.

За спиной раздались громкие голоса — это остальные бойцы ее взвода ворвались в эвакуационный отсек. Им не составляло труда выбрать себе подходящие мишени среди оставшихся хорьков.

— Взгляните на биометрические показатели — они выделены золотисто-желтым цветом, — сказал Родмен. — ЧСС, максимальное потребление кислорода — все значения наполовину ниже тех, что были у десантников, получивших скалозианскую сыворотку. Тем не менее взвод Мартини действует столь же эффективно. А отдельные бойцы даже более быстры.

Через считанные секунды все хорьки, имевшие неосторожность выскочить из засады, валялись на полу, не подавая признаков жизни, почти у самых ног Мартини и Карпа.

Ни один из людей не был даже ранен.

— Вот это круто! — воскликнул Канеше, как всегда вступивший в бой последним. — С «химией» — совсем другое дело! Может, обратиться за добавкой?

— Разговорчики! — повысила голос Мартини. Давно пора взять бразды правления в

свои руки — она несколько опоздала это сделать, но и подчиненные пока не вполне остыли после стычки. — Ближайшая задача — проверить, не осталось ли в отсеке солдат противника. Даже с обострившейся реакцией не хотелось бы получить пулю в затылок, так ведь?

Десантники рассыпались по отсеку, точно следуя штабной тактической модели «прочесывание большого помещения». Карп и Залески положили у входной двери какой-то тяжелый предмет и взяли проход на прицел, приготовившись к возможной атаке хорьков с этой стороны. Мартини решила не полагаться на подчиненных и лично обыскать все укромные уголки — так надежнее.

— Итак, вы видите, что эффективность действий отряда возросла на двести процентов — эту цифру невозможно объяснить химическими причинами типа выброса адреналина в кровь. — Родмен вызвал на экран укрупнение медицинской телеметрии. — Далее: им противостояло больше солдат противника, чем любому другому нашему отряду, участвовавшему в операции. Тем не менее противник опять теряет сто процентов личного состава убитыми. А сейчас — заключительный эпизод.

Мартини проходила мимо последней эвакуационной капсулы по внешней стороне отсека, когда заметила халианина. Он был метрах в двадцати от нее и отчаянно старался забиться поглубже в тень. На нем был скафандр для работы в открытом космосе. И главное — халианин стоял всего в пяти метрах от панели управления. Стоит ему нажать главную эвакуационную кнопку — и тогда...

Мартини медленно подняла карабин. Надо заморозить этого типа, пока он не наделал беды. Все десантники были в скафандрах, но если парень доберется до кнопки, система эвакуации вытряхнет их в космос, автонавигатор фрегата наверняка примет их за цели и перестреляет в одно мгновение. Мартини аккуратно прицелилась в голову хорька, нажала на курок, и... ничего не произошло!

Она выругалась и отшвырнула бесполезный кусок металла прочь. У Мартини остался только один шанс. Она вырвала из ножен боевой кинжал и бросилась вперед...

— Итак, халианин находился всего в пяти метрах от панели управления, когда командир десантников бросилась наперерез. Дистанция, которую ей необходимо было преодолеть, — двадцать метров. — Родмен замедлил скорость смены кадров, чтобы никто не упустил ни одной детали происходящего. — Многие из вас, очевидно, знают, что рекорд Альянса в забеге на сорок метров — порядка четырех и четырех десятых секунды...

Мартини понимала, что бежать придется быстро. Быстрее, чем она когда-либо бегала в своей жизни. Хоть бы укол помог... Когда до хорька оставалось около пяти метров, Мартини с силой оттолкнулась от пола, выставив вперед руку с кинжалом, и уже в полете подумала — только бы успеть ударить раньше, чем эта дрянь нажмет кнопку...

Десантница преодолела указанное расстояние менее чем за две секунды. Ни один из халиан, не говоря уже о людях, не способен на такой результат. Инерция ее тела была так велика, что...

Кинжал Мартини рассек скафандр хорька в районе шеи. Он так далеко прыгнул, что остановить его смогла только стена.

Тяжело дыша и боясь повернуть голову, Мартини услышала, как халианин с глухим стуком рухнул рядом с ней. Она оглянулась и увидела недвижный труп хорька. Он был почти обезглавлен.

Мартини полежала секунду-другую и, немного отдышавшись, поднялась на дрожащие ноги.

— Так, — произнесла она. — Кто осматривал внешнюю сторону отсека? Сейчас я с него спущу шкуру...

— Не понимаю, — Гриссом был совершенно растерян. Достаточно было взглянуть на его лицо, чтобы понять, почему многие офицеры частенько с удовольствием резались с ним в покер, — если эти десантники не получили инъекции препарата...

Родмен практически достиг своей цели. Теперь можно немного поиграть на публику.

— В том-то и дело, сэр. Если десантники исключительно силой самовнушения сумели превзойти эффект скалозианской сыворотки, Верховное командование вправе спросить: почему они не воюют так всегда.

— Вы хотите сказать... — озадаченно пролепетал Дансел.

— Главный судья Генштаба просил меня установить причину: почему наши десантники не достигают подобных результатов в обычном бою... — Вот теперь настал момент полностью открыть карты. — Данный эксперимент позволил установить два основных факта: во-первых, мы способны создать химический препарат, который повышает все физические возможности бойца на двести-триста процентов. Осталось всего лишь найти способ устранения побочных эффектов.

— Таких, как поголовная гибель отряда десантников.

Да, с Гриссомом нужно держать ухо востро.

— Так точно, сэр. И второй факт — десантники, стоило им лишь ПРЕДСТАВИТЬ, что они получили инъекцию, оказались способны достичь точно таких же функциональных показателей, причем без побочных эффектов! В связи с этим возникает вопрос: почему наши солдаты не работают на этом уровне постоянно?

— Черт подери, капитан!..

— Над этим, сэр, стоит задуматься. Разве не долг командования обеспечить максимальную эффективность действий солдат и офицеров в каждом бою? А если они не справляются со своей главной задачей — тогда наш долг наказать их за некомпетентность.

— Вы имеете в виду, что...

Гриссом прекрасно понял, что имел в виду Родмен — просто никак не мог поверить.

— Да, сэр. Коллегия судей Верховного главнокомандования надеется, что вы проследите, чтобы командующий десантными войсками понес суровое наказание, так же как и его подчиненные. Все те, кто, на ваш взгляд, ответствен за халатное отношение к исполнению воинского долга.

Родмен снова включил мониторы. Присутствующие увидели, как Мартини со своим взводом возвращается на корабль. Перед выходом из штурмового коридора они задержались и отошли в сторону — медики пронесли тело еще одного десантника, кое-как прикрытое оцинкованным мешком.

— Так или нет, джентльмены? Разве не ОНИ несут главную ответственность за гибель наших людей? А сколько еще смертей было бы на их совести, если бы мы вступили в борьбу с Синдикатом на нынешнем уровне готовности!

— Но ведь в природе человека... — попытался выдвинуть еще один аргумент Гриссом. И осекся — потому что понял: бой проигран.

— Так называемая «человеческая природа» чуть не погубила нас в халианской войне, адмирал Гриссом! — жестко изрек Родмен. — И мы должны быть уверены, что она не помешает нам в будущей войне с Синдикатом.

...Последние кадры оперативной видеосъемки офицеры досматривали молча. Десантники по одному неспешно выходили из штурмового коридора. Они еще не знали, какой блестящий бой только что провели. И какой дорогой ценой им вскоре придется за это заплатить...

Интерлюдия. СОСТОЯНИЕ МОРАЛИ

В Порту слово «мораль» писалось гораздо чаще с вопросительным знаком, чем с точкой. При этом знак вопроса почти всегда означал абсолютную неопределенность степени падения морали. Ответ, как правило, также не отличался оптимизмом — и в этом нет ничего удивительного. Флот, четыре года воевавший самым ожесточенным образом, потерявший сотни тысяч убитыми, уже решил, что победа наконец-то достигнута. Личный состав, мобилизованный волной патриотической истерии, уже совсем было приготовился вернуться в родные пенаты; все чувствовали себя героями и свято верили, что их ждет триумфальное

возвращение. И вместо этого все вдруг с удивлением узнали, что ввязались в куда более серьезный конфликт. Теперь Флоту противостоял новый враг, агенты которого могли незаметно проникать в ряды противника и о котором никто практически ничего не знал. Возможности нового врага, его местонахождение были покрыты мраком неизвестности. Новая война, судя по всему, обещала стать куда более долгой и трудной, чем предыдущая.

Силы безопасности Флота обнаружили тысячи агентов Синдиката, проникших как во Флот, так и на оборонные предприятия, выполнявшие военные заказы. Не оставалось никаких сомнений, что еще многие тысячи невыявленных агентов продолжали действовать. Гипнотестирование и тщательные допросы буквально повсюду выявляли людей, беззаветно преданных своей «семье». Альянс рассматривал как врагов — реальных или потенциальных, прежде всего чужаков, так что служившим Синдикату людям оказалось несложно проникнуть во все жизненно важные учреждения и департаменты Альянса. Люди, работавшие бок о бок долгие годы, теперь со все возрастающим подозрением начали поглядывать друг на друга.

Постепенно стало ясно, что в лице Синдиката Семейств Альянс приобрел исключительно серьезного и опасного противника. Допросы шпионов, захваченных живьем, свидетельствовали — это система, состоящая из многих сотен планет. Ресурсная база Синдиката скорее всего намного превосходила ту, которой располагал Альянс. Несколько пленных заявили, что Альянс будет раздавлен мощнейшим флотом Синдиката самое большее за несколько месяцев. Другие с насмешкой напоминали следователям, как легко Альянс попался на нехитрую приманку и поверил, что его подлинным врагом являются грубые и невежественные халиане. И все шпионы были уверены, что в плену им оставалось пробыть недолго. Некоторые же пребывали в убеждении, что после падения Альянса в скором будущем новые хозяева в благодарность за службу назначат их диктаторами соответствующих планет.

Все это если и могло сказаться на моральном облике личного состава, то только самым нежелательным образом. Чтобы исправить ситуацию, было предпринято несколько попыток. К несчастью, чем хуже с моралью, тем больше в людях упрямства. Спортивные состязания были напрочь забыты, а редкие увольнительные лишь напоминали уставшему личному составу, не покидавшему своих кораблей долгие годы, о покинутом доме. Но хуже всего был страх перед грядущим. Дисциплина упала до опасного уровня даже в элитарных подразделениях, а пьянство и употребление наркотиков стали излюбленным способом времяпрепровождения.

И именно в это время Синдикат допустил фатальную ошибку. Не происходило никаких больших сражений. Периодически случавшиеся мелкие стычки неожиданно напомнили всему Флоту, что он является по-прежнему мощнейшей силой, вполне способной побороться за победу. Люди слишком долго ждали грядущей катастрофы, но в один прекрасный день их покорность судьбе сменилась отчаянной решимостью. Не обращая никакого внимания на неуместные и глупые попытки Адмиралтейства поднять их моральный дух, а зачастую и вопреки им, корабельные экипажи и десантники внезапно ощутили уверенность в своих силах и волю к победе. Теперь им предстояло подготовиться к тотальной войне, грозным призраком маячившей впереди.

Энн Маккеффри. МАНДАЛЕЙ

Экран ее интеркома внезапно залился светом. Амальфи Троттер облегченно оторвала взгляд от докладов системы жизнеобеспечения.

— Капитан собирает всех офицеров на совещание. Сбор в офицерской кают-компании в 16:30.

— Фардль, да я ведь туда просто не успею! — Рабочий пост офицера, отвечавшего за системы жизнеобеспечения, располагался на девятой палубе, глубоко внутри десантного корабля «Мандалей».

Одной рукой Амальфи перебросила переключатель подтверждения вызова и быстро скинула с себя вонючую спецовку, в которой только что совершила путешествие по вентиляционной системе корабля. Она была абсолютно уверена, что в конце концов обнаружит там труп какого-нибудь паразита — так вонять могла только полуразложившаяся падаль. Амальфи была очень добросовестным офицером и серьезно относилась к своим обязанностям. Она предпринимала отчаянные усилия, чтобы с помощью фильтров, очистителей и всевозможных дезодорантов нейтрализовать омерзительную вонь.

Ночь за ночью, день за днем она неотрывно размышляла о том, что могло породить столь отвратительный букет. Именно этот запах служил основной причиной того, что по ночам Амальфи часами не могла заснуть. Этот невообразимый запах стал для нее сущим кошмаром. Но самое удивительное — в головных частях всех палуб вонь совершенно не ощущалась.

Итак, Куки подкинул ей неплохую идею — отправиться в носовую часть и подышать чуть более чистым воздухом. Швырнув провонявшую одежду в восстановитель, она залезла в капельный душ и стала медленно поворачиваться в теплом тумане. Тридцати секунд было вполне достаточно, и душ переключился в режим полоскания. Мысли Амальфи путались, и она не обратила внимания на то, что лишь добавила свой собственный запах к противоестественному букету, но появиться перед капитаном в заляпанной униформе было совершенно невозможно.

Неужели он созвал срочное собрание из-за этой вонь? Она ведь делает все возможное и невозможное, чтобы улучшить атмосферу. Амальфи прекрасно понимала, насколько угнетающе действует некачественный воздух на психологическое состояние экипажа, а моральный дух «Мандалея» и без того был низок, как никогда. Но ведь она делала все, что в ее силах.

После капитуляции халиан (она была в большой степени декларативной, так как многие подразделения не признали поражения), когда «Мандалей» опустился на поверхность для незначительного ремонта, Амальфи Троттер не покладая рук трудилась над восстановлением гидропонных садов. Она лелеяла каждый зеленый листик, проверила все вентиляционные шахты, удалила из них даже самые ничтожные пылинки, проверила самые крошечные отверстия. И почему только самый незначительный офицер на любом корабле — это офицер системы жизнеобеспечения? Она даже собственноручно заменила все 743 вентиляционных фильтра.

Но, несмотря на титанические усилия, как только корабль покинул планету, «свежий» воздух моментально наполнился невыносимыми ароматами раскаленного металла, горелого пластика, всевозможных человеческих выделений — настолько интенсивными, что нейтрализовать их не было никакой возможности — а также отвратительной звериной вонью шкур проклятых халиан. И даже после того как она беспощадно уничтожила пять плохо обработанных шкур хорьков, воняло ничуть не меньше. Оставалось только покинуть систему, оккупированную в свое время халианами, и попытаться заменить воздух, где-нибудь в другом месте.

Единственным ее успехом было подавление запаха крови и горелого мяса. Возможно, временами мрачно думала Амальфи, его нельзя уничтожить в принципе. Да и зачем? Халианская война завершилась. Они направляются в Порт и вскоре будут демобилизованы. Рано или поздно запах исчезнет сам собой.

За плечами солдат 202 — го добровольческого полка Монтана, мужчин и женщин, осталось девятнадцать крупных сражений, в которых им довелось принять участие. Десантура была первоклассная и вечно задирала нос перед командой корабля. Но почему, когда война закончена, десантники распространяют вокруг себя атмосферу уныния, озлобленности и страха? Еще можно было бы понять, если бы они направлялись к месту очередного сражения. Но ведь нет — спокойно болтаются себе на орбите, все необходимые ремонтные операции успешно завершены, и вскоре вся эскадра должна лечь на обратный курс, к родным планетам Альянса.

Амальфи резким движением застегнула чистый костюм и схватила со стола свою папку с документами по системе воздухообеспечения. Вполне справедливые жалобы на качество воздуха очень напоминали ей извечные жалобы на плохую погоду. Скулеж постепенно становился всеобщим, и к Амальфи было приковано всеобщее внимание. За чистый воздух на корабле она несла персональную ответственность.

А вдруг капитан получил приказ, и они наконец-то покинут орбиту? Может, хоть тогда вонь поутихнет. Уж слишком долго бездельничают они на орбите. И, возможно, искусственное гравитационное поле поправит дело.

Как только пехота узнает, что они возвращаются домой, миазмы страха, стресса и боли покинут трюмные палубы — там сейчас хоть топор вешай — и распространятся по всему кораблю. И когда старина «Мандалей» опустится на нормальной, заселенной людьми планете с мощным фотосинтезом, Амальфи наконец заполнит систему настоящим свежим, чистым воздухом.

«Все поправится само собой, — еще раз заверила она себя, — когда мы двинемся домой». Она выбралась из нуль-гравитационного лифта на палубе кают-компаний. Ладони тут же вспотели. Так случалось всякий раз, когда она предчувствовала неизбежные упреки.

Ноздри Амальфи уловили какой-то новый запах; она принялась и поняла, что он просачивается из кают-компаний. С некоторым удивлением она пыталась вспомнить: что так может пахнуть? Лаванда? В офицерской кают-компаний? Нет, уж где-где, а здесь такое невозможно даже помыслить.

Она тактично постучалась, затем вошла, быстро прикрыв за собой дверь, чтобы драгоценный аромат не растворился в наружном пресном воздухе. Оказавшись внутри, она сразу же обнаружила источник запаха. Аромат распространяла горящая свеча, стоявшая в центре большого стола, за которым, согласно званиям, сидели офицеры-космополитики и десантники. Амальфи опустилась в единственное незанятое кресло между полковником десантных войск Джеем Грюэном и майором Дэми Фарр, начальником медицинской службы. Они поприветствовали ее коротким кивком, но Амальфи уловила некоторую натянутость. Папка выскользнула из рук и шмякнулась об стол.

Она пробормотала слова извинения, на которые никто не обратил никакого внимания. Амальфи внезапно обнаружила, что старается не встречаться взглядом с капитаном Августом. Лицо капитана было настолько бесстрастно, что выскользнувший из его пальцев листок шифрограммы мог означать только одно: плохие новости. Неужели запах лаванды настолько успокоил их всех?

Странное чувство зародилось в душе у Амальфи. Они НЕ ПОЙДУТ ДОМОЙ. Она зажала в руках краешек папки, словно это было горло человека, принесшего дурную весть. По каким кругам ада им предстоит пройти теперь? Неужели обнаружен еще один очаг сопротивления халиан? И неужели из-за этого все так напуганы? И каким образом солдаты смогли узнать содержимое шифровки, которую капитан получил всего полчаса назад? Сплетни на корабле, конечно, распространяются быстро — но не настолько же? Кроме того, любая сколь-нибудь важная информация обязательно имеет шифр секретности, а значит, еще медленнее становится всеобщим достоянием.

Капитан Август поднялся из-за стола. Когда Амальфи впервые попала на «Мандалей» семь лет назад, капитан был худощав и строен — теперь же он выглядел совершенно изнуренным, кожа на лице натянулась, а под глазами огромные темные круги. Он стал капитаном «Мандалей» еще в те времена, когда халиане совершали первые враждебные вылазки. И вот теперь капитан Август расправил листок, на котором черными чернилами было начертано не предвещавшее ничего хорошего послание.

— Полковник Грюэн, мы получили зашифрованный приказ встретиться через две недели по среднему галактическому времени со вспомогательным кораблем «Грэмпын», который пополнит ваш личный состав, дабы восстановить боеспособность полка.

— Пополнит личный состав? — потрясение повторил полковник, непонимающе глядя на капитана корабля. — Боеспособность?!

— Так точно, полковник, — подтвердил Август. Он нахмурился и обвел взглядом кают-компанию. Тревога на лицах офицеров сменилась недоверием, а оно, в свою очередь, — отчаянной безнадежностью. — Приказано также пополнить боезапас и расходные материалы согласно военному времени. Мы должны полностью подготовиться к боевым действиям.

— К боевым действиям?! — не удержался от восклицания офицер-артиллерист Хэмиш Эрджилл.

Отовсюду раздавались ворчание и приглушенные проклятия.

— Но, капитан, ведь воевать не с кем! — пробормотал юный лейтенант Бэдли, попытавшись — и, как всегда, неловко — рассеять всеобщую подавленность.

— Об этом в приказе ничего не говорится! — Капитан Август задумался, и листок выскользнул из его пальцев. Он потер подушечку большого пальца, словно пытаясь стереть невидимую грязь. Листок по дуге плавно опустился на стол. Офицеры как замороженные следили за его полетом.

— Так, значит, слух оказался верным? — хрипло спросил полковник Грюэн.

Капитан Август медленно повернулся к нему:

— Вы верите слухам, полковник?

— Если они плохо влияют на моральный дух моих солдат, я готов поставить на кон последний баллон с кислородом.

— Я уже имел честь сообщить вам, полковник, что моральный дух моих солдат очень низок, и я намерен хранить содержание этого приказа в секрете так долго, насколько это вообще возможно.

— И каким образом ты собираешься это сделать, Джей? — поинтересовался адъютант майор Лофтус. — Солдаты многое узнают раньше нас. Страх становится почти осязаемым. — Он метнул быстрый взгляд на Амальфи, которая изо всех сил пыталась спрятаться за массивными плечами своих соседей.

— Как они могли узнать содержание шифровки, полученной тридцать пять минут назад? — спросил Август.

— Они ничего не знают, — резко отозвался полковник. — И знать не желают. Они настолько устали, что такой приказ сейчас вызовет волну самоубийств, актов вандализма, а возможно, и попытку мятежа...

— На моем корабле... — начал было Август.

— Вы преувеличиваете... — запротестовал Брэйс, научный сотрудник Флота.

— Мы не справимся с ними, — вступилась за полковника майор Фарр.

Полковник Грюэн обвел всех оценивающим взглядом.

— Я команду десантным полком с самого начала войны с халианами, — сообщил он, — и мои парни не пропустили ни одного сражения. Предупреждаю вас всех — этой ночью я не сомкну глаз ни на секунду... — его кулак тяжело опустился на крышку стола, — ...придумывая способ поднять их боевой дух. Боюсь, что в настоящее время они ни на что не годны. А ведь прежде никто не мог сравниться с моими ребятами.

— Как мы будем воевать, если у нас нет истребителей? — вновь встрял лейтенант Бэдли.

— Вы получите мои распоряжения, — сухо сказал капитан Август, поднимаясь из-за стола. — Мы снимаемся с орбиты сегодня в 12:00. Если это кого-нибудь утешит, довожу до вашего сведения, что приказ получила вся эскадра, а не только «Мандалей».

— Что еще утешило бы нас, капитан, — отвечал Грюэн с горьким сарказмом, — так это если бы Адмиралтейство рассчитывало не только на нас. Прошу разрешения сделать частный звонок по засекреченному каналу связи.

Капитан Август отрывисто кивнул и чеканным шагом вышел из кают-компания.

— Ждите меня здесь, — сказал Грюэн остальным, вставая из-за стола вслед за командиром.

— А что нам остается?! — ответил Лофтус и обвел всех взглядом, словно в кают-

компании мог найтись недотепа, способный покинуть помещение в столь ответственный момент.

Жена Грюэна служила на флагманском корабле Стоуна «Морвуд» и зачастую несколькими осторожными фразами успокаивала «Мандалей».

— Я, как главный медик, — сухо проговорила Дэми Фарр, — ни при каких обстоятельствах не решусь оценить наш личный состав как боеспособный. Они способны сами одеваться, есть и передвигаться, но воевать...

— Но ведь они получают приказ, — с милой непосредственностью возразил Бэдли, и его круглое полное личико удивленно искривилось.

Он с одинаковым успехом мог быть то всеобщей головной болью, то корабельным шутком, а то и невозможным занудой. Общественное мнение корабля сошлось на том, что хорошо бы ему так и остаться навсегда младшим лейтенантом. Два года, проведенные на борту «Мандалей», четыре совершенных за это время высадки на вражеские планеты, во время которых ему не раз приходилось защищать корабль от неистовых атак бешеных хорьков, не смогли стереть здоровый юношеский румянец с его щек, а ему самому ничего не дали в плане понимания Жизни и Реального Мира. Бэдли по-прежнему мог в самый неподходящий момент задать глупейший до идиотизма вопрос — вроде этого.

— Нет, мой милый. — Акцент Хэмиша скорее свидетельствовал об этнической принадлежности, чем о кипевших в его душе эмоциях. — Они не смогут. И я, например, ни словом не упрекну их за это.

— Но... но ведь это открытое неповиновение! — воскликнул Бэдли, выпучив глаза. — Это открытый мятеж!

— Нет, не смогут, — дружелюбно подтвердил Эрджилл.

— Это просто негуманно — принуждать столь погруженных в депрессию солдат вновь отправляться в бой, — заявил Лофтус, с грохотом опуская на стол оба кулака. На лице его читалась нескрываемая тревога.

— Они должны хоть немного отдохнуть на какой-нибудь нормальной планете, где не было бы вонючих хорьков, крови и смерти. Им нужно выспаться, поесть нормальной пищи и отдохнуть... Кстати, Троттер, можешь ты сделать с этим воздухом ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ?

Амальфи попыталась было спрятаться за Дэми Фарр, но та насмешливо посмотрела на нее сверху вниз и отодвинулась.

— Да, Мальф, неужели ничего нельзя поделать? Как можно спокойно спать, когда всю ночь так отвратительно воняет?

— Я делаю все, что в моих силах, — ответила Амальфи, и в ее голосе явственно прозвучали жалобные нотки. Она взмахнула папкой. — Я заменила во время посадки все растения. Я лично очистила каждый проток, заменила все фильтры до единого...

— Мои ребята бледнеют, когда слышат, как она пробирается по сточным трубам, — насмешливо заявил Хэмиш. — Они каждый раз думают, что это капитан ползет за их самогонным аппаратом.

— Который, кстати, и мне не мешает, — сказала Дэми. — Сегодня вечером мне понадобится литра четыре, чтобы заставить своих пациентов заснуть.

— Фармерис уже выбрался из комы? — поинтересовался Лофтус.

— Нет, и я не собираюсь пока будить его. Пусть лучше поспит в этом гудящем бедламе, который я вынуждена называть медотделом, — ответила Фарр, и в ее задумчивом голосе послышалась откровенная зависть. — Он совершенно здоров, если, конечно, не считать, что спит беспробудным сном. Это и в самом деле неплохая идея. Заснуть — и проснуться в более подходящее время.

Из рации майора Лофтуса послышался тихий голосок.

— Майор, только что пресечена драка в казармах «Д»; захвачено девять военнослужащих, но в больнице говорят, что у них нет места.

— Это точно, — осторожно подтвердила Дэми. — Есть раненые?

— Нет, сэр. Мы давно обратили внимание на царящее там настроение и вовремя

прибыли, чтобы навести там порядок.

— Запищите их личные номера для начала, сержант Норли, а затем отправьте в кровати — с завязанными руками и ногами. В любом случае на корабле свободных помещений нет. — Как только рация замолкла, Лофтус от души выругался.

— Не кажется ли вам, что драки для них куда привычнее, чем мирная жизнь? — риторически произнесла Фарр, оглядев помещение.

Амальфи увидела, как Бэдли уже открыл было рот, и глянула на него столь свирепо, что он тут же раздумал говорить. Тягостная тишина повисла в кают-компании. Всех мучили самые мрачные предчувствия. Два капитана-десантника, внимательно слушавшие замечания своего командира, теперь всячески пытались стряхнуть с себя дремоту. Сама Амальфи чувствовала облегчение только потому, что все на время отстали и больше никто насмешливо не разглядывал ее персону. От полудремы офицеров заставили очнуться чьи-то приближавшиеся по гулкому коридору шаги. Все, как один, уставились на дверь в ожидании возвращения Грюэна и страстно мечтая услышать от него хоть какие-то слова ободрения.

И абсолютно бесстрастного выражения лица Джея Грюэна, с которым он возник на пороге, оказалось достаточно, чтобы разом перечеркнуть все надежды. Полковник плотно прикрыл за собой дверь и без сил прислонился к ней спиной. Он являл собой воплощенное уныние.

— Правда столь ужасна, — он немного помолчал, — что даже Высшее командование не является хозяином положения.

— В самом деле? — требовательно спросила Дэми Фарр, когда пауза слишком уж затянулась.

— В самом деле. — Он оттолкнулся от двери и подошел ближе к столу. Лофтус и Эрджилл слегка отстранились, когда Джей, скрестив на груди руки, словно дряхлый старик, рухнул в кресло. — Может статься, что главным врагом Альянса являлись — и являются — отнюдь не халиане.

— Чего-чего? — вылетело из Лофтуса.

Грюэн сцепил пальцы и продолжил, не смея посмотреть в глаза сослуживцам:

— По всей видимости, халиане были только первым эшелоном обороны олигархического объединения Семейств Торговцев — людей или очень похожих на людей существ, — известного под названием Синдикат. Халиане называли их Гэйверами.

— Гэй... это по-ихнему... приносящие войну? — тихо произнесла Дэми.

— Халиане практически ничего не знают о Синдикате, но об одном говорят с уверенностью — те поработают всех, кто может принести им хоть какую-то пользу, и жесточайшим — даже для халиан! — образом расправляются с теми, кто осмеливается бросить им вызов. — Голос Грюэна был столь же отчаянным, как и выражение его лица. — Халианская война, которую мы только что окончили, лишь прелюдия настоящей. И в ней Альянсу предстоит либо победить, либо подготовиться к тому, что все планеты и звездные системы, входящие в его состав, могут быть — и будут — уничтожены неприятелем.

— Но ведь Синдикат вряд ли заинтересован в тотальном уничтожении всего? — с сомнением произнес Брэйс. — Это же просто неэкономично — уничтожать целые планеты и звездные системы...

— Образ мышления Синдиката совершенно не похож на наш. Вполне возможно, они значительно превосходят нас в техническом развитии, но не в социальном, — сказал Грюэн. — Они почти роботы — совершенно чуждая нам раса, ослепленная ненавистью ко всем остальным формам жизни, поработочная и эксплуатирующая их. А мы-то думали, что хуже халиан ничего и быть не может...

— Они действительно были бы сильными противниками, — уважительно произнес Лофтус. — Но если произойдет раздел сфер влияния...

— Договориться можно с кем угодно, но только не с Синдикатом. Кроме того. Синдикат ни за что не потерпит соседства сильного противника.

— Но Альянс не имеет никаких агрессивных устремлений, — вновь послышался голос

Бэдли. — Мы ведь сосуществуем со множеством других рас в мире и согласии, не стремясь подчинить их себе.

— Наш мирный имидж поставлен под сомнение войной с халианами...

— Но, полковник, они ведь сами начали эту войну, — воинственно возразил Бэдли, — мы лишь защищались.

— Заткнулся бы ты, Бэдли, — устало сказал Эрджилл. — Джей, а что с другими полками? В каком они состоянии?

— Меня другие полки мало волнуют, — сказал Джей Грюэн, уронив руки на стол и по-прежнему не поднимая глаз. — Меня больше волнует мой собственный. А он совершенно не готов к новой войне.

— Мы не сможем держать их в неведении слишком долго, — возразил Лофтус. — И если мы не очень доверяем им, то как же они должны относиться к нам?

— Ты абсолютно прав. Итак, — Джей Грюэн обвел присутствующих тяжелым взглядом, — у нас есть примерно Двадцать часов, чтобы воодушевить ребят и поднять боевой дух наших подразделений на должную высоту, прежде чем мы покинем орбиту.

— Но не через две же недели нам предстоит столкнуться с ними, — вновь начал было Бэдли.

— Если у кого-нибудь, — сказал Лофтус, пронзив Бэдли взглядом, — хватит ума обмолвиться, что мы направляемся не в порт приписки, на нашем полку можно ставить крест. И уже тогда я исполню свой долг — болтунам здесь не место, и с ними я буду беспощаден.

Бэдли был потрясен его речью, как никогда, но рот все-таки закрыл.

— Я бы отложила решение этого вопроса до утра, — спокойно произнесла Дэми Фарр. — О, Боже! — Она внезапно хлопнула себя по лбу с выражением изумления, беспокойства, недоверия и проблеска надежды одновременно. — Как же я не подумала об этом прежде!

— О чем? — нетерпеливо полюбопытствовал Грюэн.

— Гипнотерапия! Мы можем использовать для восстановления психики хороший глубокий сон. Я читала об этом в «Журнале Космической Медицины». Главный хирург, некто по фамилии Гольдман, рекомендовал терапию посредством сновидений для войск, транспортируемых с одного театра военных действий на другой. По-моему, у нас как раз подобный случай. Это и в самом деле может помочь. По крайней мере хуже не станет, да и вечные драки прекратятся. Арвид, — громко произнесла она, поскольку заведующий складом тихо дремал в уголке, — у тебя сохранились бочки со снотворным газом, а?

— Э-э-э, м-да-а-а, конечно... э-э-э, по-моему, это единственное, что мы не использовали в предыдущей кампании, — ошарашенно произнес он.

— Сон не может сам по себе поднять боевой дух, — сказал Грюэн. — Он может лишь оттянуть развязку.

— Если просто использовать снотворное — да, но если мы индуцируем глубокий и расслабляющий сон, это будет совсем другое дело. Мы не можем дать им отдыха и отпуска, но можем дать хороший сон и прекрасные сновидения! — Дэми говорила столь уверенно, что ее энтузиазм зародил в душах остальных призрачную надежду. — Все, что нужно личному составу, — это хороший полноценный сон, который поможет им освободиться от леденящего ужаса...

— А как, черт возьми, прикажешь ухаживать за четырьмя тысячами храпящих десантников? Их ведь нужно кормить во сне, обслуживать... — Грюэн остановился, и Дэми, широко улыбнувшись, помахала ему рукой, приглашая считать данный эпизод оставшимся позади. Он внимательно посмотрел на нее, и внезапно его лицо тоже осветилось пониманием.

— Да, ты права. Я знаю, что ты восстановила их боевые скафандры во время ремонта корабля. Неприкосновенного запаса питательной жидкости хватит дней на десять; кроме того, скафандры позволяют отправлять все жизненные функции, отводить отходы

жизнедеятельности, а также отслеживать физическое состояние. И почему такое великолепное оборудование используется только в военное время?

Все оживились. За столом начали энергично перешептываться.

— Мальф, — Дэми повернулась к ответственному за систему жизнеобеспечения, — тебе нужно установить герметичную блокировку и отделить палубу с десантниками от помещений экипажа — команда должна продолжать управлять кораблем, даже когда все пассажиры погрузятся в сон.

— Э-э-э, да, конечно, хотя мне кажется, что снотворный газ действует через кожу... Костюмы...

— Закрой все вентиляционные отверстия в десантном отсеке и заполни его газом; команда корабля останется в целости и сохранности, — прервала ее Дэми, деспотически отвергая любые возражения.

— Подожди-ка, Дэми... — начал было Грюэн.

— Черт возьми, Джей, тебе отдых нужен даже больше, чем твоим подчиненным. Обещаю тебе, что мы обеспечим такую концентрацию газа в десантном отсеке, что все твои головорезы заснут, как младенцы. Сон позволит отдохнуть мозгу и очистит его — как раз это и нужно перед новым заданием. Кроме того, во сне мы можем даже провести определенную психологическую подготовку, и к моменту встречи с «Грэмпыеном» твои парни будут, как огурчики.

— А ты уверена, что это сработает?

Амальфи отвела взгляд от лица полковника Грюэна, оно так и светилось.

Дэми положила руку на плечо Грюэна.

— По-моему, это наш единственный шанс. Сон не повредит никому на борту этой проклятой трубы... — Она виновато улыбнулась Брэйсу и Эрджилу. — Если нам удастся отстоять мед отдел, то с небольшой помощью команды «Мандалея» мы сможем быстро вывести вас всех...

— А этот костюм обеспечивает достаточную защиту, Арвид? — поинтересовался Лофтус. — Если там что-то выйдет из строя...

— Да нет, он вполне надежен. Более чем, — ответил Арвид.

Амальфи показалось, что в душе он уверен не столь категорично, как на словах.

— Мальф, со своей частью работы ты справишься? Заблокируешь вентили?

— Мне нужно лишь отсечь от общего газового объема третью палубу. Но помощник бы не помешал. Все сделаем на совесть. Не забывайте, ведь у меня самой нет боевого скафандра, — добавила она с обезоруживающей улыбкой.

— Умница, Троттер, — сказал Грюэн, и его глаза вновь оживились. — А теперь скажи-ка, Брэйс, как капитан отнесется ко всему этому?

Офицер-ученый, второе лицо на «Мандалее» после командира, загадочно улыбнулся в ответ.

— Думаю, Джей, что ему придется согласиться, — сказал он. — Конечно, мы поступим с десантом не совсем по-флотски. «Мандалей» с гордостью транспортирует Добровольческие Части Монтаны. И нам нужна помощь. И кроме того, если слухи об этом чертовом Синдикате и его жестокости верны хотя бы наполовину, у нас будет полк, полностью готовый к грядущим сражениям.

— Отлично. Сейчас я отправлюсь к нему в каюту и познакомлю с нашим планом. Нельзя терять ни секунды. Чем быстрее мы усыпим их всех, тем быстрее избавимся от проблем. — Полковник быстрыми шагами покинул кают-компанию, за ним последовали повеселевший Лофтус и его капитаны с горящими глазами.

— Арвид, — сказала Дэми Фарр, — мне нужно глянуть на этот газ, чтобы правильно подобрать дозу... — Она взяла его за руку и быстро утащила прочь.

— Троттер, сколько вам потребуется помощников, чтобы надежно закрыть все вентили? — поинтересовался Брэйс. Амальфи быстро начала прикидывать в уме, но он жестом остановил ее. — Если все получится, мне придется закрывать глаза на многое во

время следующего этапа нашего путешествия.

В 23:02 в результате действий капитана Августа на «Мандалее» внезапно взвыли сирены. Десантники на всех палубах, даже занятые на работах и больные, получили приказ облачиться в боевые скафандры и не снимать их до тех пор, пока «пробоина в корпусе не будет ликвидирована».

Закаленные бойцы, матеря все на свете, забрались в свои скафандры, ни о чем не подозревая. Некоторые обратили внимание на то, что им не приказали надеть шлемы и герметизировать их, хотя при утечке воздуха следовало бы сделать именно это, однако бойцы не собирались утруждать себя хоть чем-нибудь сверх того, что им было приказано. По десантным помещениям стал распространяться газ — этого не заметил никто, и вскоре все тихо погрузились в сон, не снимая крепких панцирей боевых скафандров.

Затем члены экипажа, одетые в герметичные скафандры и тоже тихо матеря всех и вся, осторожно двинулись по отсеку, укладывая храпевших десантников в горизонтальное положение. Чтобы хоть как-то развеять тоску, которую нагнетала подобная работа, они стали соревноваться, выискивая самого громко храпящего, самого длинного, самого странного... В кают-компании «Мандалея» подобное соревнование не получило одобрения: офицеры не желали, чтобы в результате этой игры ухудшились отношения между десанниками и экипажем корабля. Но даже капитан Август не смог удержаться от улыбки, когда жюри переложило два отчаянно храпящих тела, сочтя одно из них более заслуживающим первого места.

— Вот увидите, капитан, — сказала Дэми Фарр накануне того дня, когда они достигли цели своего путешествия, — что боевой дух команды «Мандалея» неизмеримо возрос.

— Уже обнаружил, майор. Нам остается только выяснить, что улучшение коснулось и наших спящих красавиц.

— Коснулось, сэр, коснулось. — Фарр сказала это настолько убежденно, что капитану не оставалось ничего другого, кроме как поверить ей.

Через некоторое время «Мандалей» занял свое место в доке гигантского корабля снабжения «Грэмпыен», и даже воздух внутри корабля очистился и обрел приятную свежесть.

Офицеров разбудили первыми, так как их вызывали на совещание, которое должно было пройти на борту флагмана. Судя по искоркам в глазах полковника Грюэна и майора Лофтуса, терапия Фарр и в самом деле привела к замечательным результатам.

— Всеобщую побудку проведем после нашего возвращения, Фарр, дабы создать видимость одновременного пробуждения, — сказал Грюэн медику, не обращая внимания на ее самодовольную улыбку. — Нам нужно раздобыть какие-нибудь хорошие новости, прежде чем сообщать им плохую.

— Жаль. Пока все дрыхли, на корабле было так спокойно!

Дэми Фарр отчаянно зевнула.

— Я тоже при случае попробую заняться С/С, Джэй!

— С/С?

— Не отпуск/отдых, так хоть сон/сновидение. Есть разница. Сам увидишь.

Оказавшись на флагмане, полковник увидел обеспокоенную жену, поджидавшую его у люка шлюзовой камеры. Ее изумление при виде посвежевшего и помолодевшего мужа было неподдельно.

— Джей, я не верю собственным глазам, — прошептала она, быстро, но пылко целуя супруга на глазах ухмыляющихся офицеров и одновременно обводя оценивающим взглядом прибывших вместе с ним. — Две недели назад на тебе лица не было... — она внезапно замолчала, вспомнив о деталях их последнего предосудительного разговора, и потащила его вниз по трапу, — ...а теперь тебя просто не узнать... Ну здравствуй, Петэ, ты тоже какой-то очень свежий и отдохнувший. Ну-ка, рассказывайте, как это вам удалось?

— Просто у нас Полк получше, чем у вас, — ответил Петэ Лофтус, улыбнулся и с наслаждением зевнул.

— Все Добровольцы Монтаны — настоящие бойцы, нет в нас ни единого изъяна, Памела, — ответил Джей Грюэн изумленной жене, — который бы не смог исправить здоровый и крепкий сон. Да еще со сновидениями. Мы теперь готовы к любой драке. Я обо всем расскажу тебе по дороге.

Интерлюдия. КОШАЧЬИ ЛАПЫ

Поддерживая халиан, Синдикат Семейств никогда даже мысли не допускал, что они способны разгромить Альянс. Но вместе с тем Синдикат рассчитывал на затяжную войну, которая продлится по крайней мере лет десять. Торговые Дома начали обучать и вооружать халианскую армию задолго до начала боевых действий, намереваясь создать буферную зону между Синдикатом и Альянсом, который неустанно стремился расширить свои владения. Для этого создали самостоятельную отрасль производства — только так можно было обеспечить участие халиан в операциях и своевременный ремонт их кораблей. В первую очередь это привело к обогащению нескольких крупных семейств и, в конечном счете, к возрастанию их власти, однако и перед отпрысками менее знатных фамилий открылись неведомые доселе возможности.

Жизнь доказала ущербность стратегии, избранной Синдикатом. Альянс, исходя из своей оборонительно-агрессивной сущности, всегда развивал экспансию в тех направлениях, где видел наибольшую опасность. В результате неуклюжих попыток создать вокруг себя буферную зону Синдикат лишь навлек на себя угрозу вторжения огромных соединений Флота. Пытаясь найти хоть какой-то противовес, Синдикат активизировал внешнеполитическую деятельность, подстрекая халиан все к новым дерзким набегам, и с его подачи незначительный пограничный конфликт постепенно перерос в крупномасштабную войну.

При этом никого не волновало, что подобная дипломатия — самая обыкновенная подлость по отношению к Халии. В руководящих кругах по-прежнему преобладали гуманоидно-шовинистические взгляды, присущие всему позднеимперскому периоду. Происходил рост эксплуататорских настроений в отношении всех негуманоидов, включенных в сферу интересов Синдиката. Типичный гражданин Синдиката отнюдь не был чудовищем, алчущим крови. Он нисколько не превосходил по жестокости среднестатистического британского гражданина девятнадцатого столетия, на которое пришелся пик расцвета Британской империи. Просто в рамках данной системы ценность негуманоидных рас определялась их вкладом в процветание Семьи, Поставленной «управлять» негуманоидами, и никого не волновало, какова цена подобной политики для местного населения. Несколько Семейств, объединившись, насыщали примитивное халианское общество современным оружием, втягивая хорьков в безнадежную войну.

И хотя Флот одержал целый ряд молниеносных побед, ошеломивших руководителей Синдиката, это не поколебало их веру в свою конечную победу над Альянсом. Как-никак, три десятилетия неустанно готовясь к этой войне. Синдикат добился превосходства в сфере разведки, а это, помимо возможности внедрять шпионов в тыл противника, давало и массу других преимуществ. По территории Синдикат уступал Альянсу, но количество кораблей враждующих сторон было вполне сопоставимо. Плюс более сильная разведка. Синдикат не только внедрил своих агентов в структуру Флота, но и приготовил массу других неприятных сюрпризов для войск Альянса внутри границ халианской империи. Сюрпризов, стоивших Флоту множества человеческих жизней и огромного количества боевой техники. Лишь иногда козни Синдиката раскрывались заблаговременно оккупационными войсками. Чаще всего по чистому везению, но бывало, что и в результате успешных действий контрразведки, применявшей нестандартные методы работы.

Дженни Вуртс. ТРОЙНОЙ КАПКАН

Лейтенант Дженсен дошел до середины каюты и, резко повернувшись, в ярости обрушил кулак на стол с навигационной картой. Вздрыгнула подставка, подпрыгнули разноцветные кнопки — словно в отсеке прогремел залп из невидимого орудия.

— Язви его душу, и за каким только дьяволом его снова понесло на Гилдстар?

— Кто его знает? Наверное, забрать свежие данные, — не открывая глаз, сонно промямлил Харрис, растянувшись на откидной койке в донельзя изжеванном комбинезоне.

Тесная каюта не очень годилась для бурного выражения чувств. А Харрис только что сдал вахту и собирался как следует-выспаться, но не тут-то было: командир просто помешался на своем бандите. Стараясь разгадать темные замыслы пирата, лейтенант и сам извелся, и окружающих замучил. Приходилось мириться с его идеей фикс, как с неизбежным злом.

— Бьюсь об заклад, Мак Джеймс собрался туда не для того, чтобы доставить партию товара, — пробормотал Харрис.

«Ничего не скажешь — просто образцовый офицер Флота — один комбинезон чего стоит!» — со злостью подумал Дженсен, темноволосый молодой офицер с чеканным профилем. Он склонился над столом и снова принялся разглядывать огромную карту воздушного пространства Альянса. Карта была испещрена скрещивающимися линиями, заканчивающимися стрелками трех цветов: синие обозначали места, где, согласно слухам, видели контрабандиста Мака Джеймса. Желтые — места, где его появление не вызывало сомнений. Красные стрелки указывали на станции, планеты и корабли, ставшие жертвами его разбойных нападений. В списках матерых преступников, за которым охотился Флот, Мак Джеймс не случайно числился как самый опасный пират — от красных стрелок на карте просто в глазах рябило.

— Либо источник, которому ты платишь, внаглую поставляет тебе «дезу», — добавил Харрис. Дженсен снова выругался про себя и пригладил подстриженную по последней военной моде челку.

— Моя информация — «деза»? Исклучено. Я плачу еще одному оппозиционеру, неведения проходят перекрестную проверку.

Харрис, не открывая глаз, поскреб рыжую щетину на подбородке и ничего не ответил. В данном случае молчание было красноречивее всяких слов.

— Эти двое просто не могли спеться, — решительно отмел его предположение Дженсен. Похоже, он разошелся не на шутку — еще пара кнопок вспорхнула в воздух и приземлилась в узком проходе, ударившись о рифленую пластиковую стену душевой кабинки, где их и подобрал раздраженный лейтенант. — Они вообще друг друга не знают. Да и где это видано, чтобы дикие договорились с калдлэндерами? Дело бы кончилось обычной поножовщиной.

Харрис приподнялся на койке. На его вальяжном, неизменно насмешливом лице промелькнула тень недоверия.

— Послушай, парень. Я знаю, ты богач. Знаю, что ты ухлопал уйму папашиных денежек, чтобы выследить пирата-контрабандиста. Но неужели ты до сих пор не понял — дикие друзей не продают. А Мака Джеймса, после того как он зацепил и увел с орбиты Фриермун станцию слежения, они теперь на руках носят.

Дженсен посмотрел на него исподлобья.

— У моего дикого после того набега родители оказались погребены под девятью тоннами радиоактивных отходов.

— Ну что же, тебе виднее, — сдался Харрис и снова плюхнулся на койку. Агент Харриса не стал бы лгать за мзду, у него сейчас одно на уме — отомстить за гибель близких. Харрис не стал ломать голову, кому еще, кроме оппозиционеров, его начальник-аристократ поручил проникнуть в тайны Мака Джеймса. Поведя плечом, он подвел итог: — Ну хорошо, значит, у этого чертового пирата есть какие-то делишки на Гилдстар. Что с того?

Карие глаза Дженсена сузились от гнева. «Чертовщина какая-то!» — подумал он. Внезапно лейтенант ушел в себя, отгородившись от собеседника стеной молчания — так

было каждый раз, когда он задумывался о пирате Джеймсе. Прodelки пирата не давали ему покоя с тех пор, как боевые действия против халиан пошли на спад. Теперь, когда война едва тлела на дальних подступах к Альянсу, не было более верного способа отличиться и заслужить повышение, чем поймать Джеймса. Но Джеймс-то не простачок. В чрезмерной беспечности его никак не заподозришь. Еще не было случая, чтобы он занимался честным бизнесом. В такой консервативной системе, как Гилдстар, его имя наверняка предано анафеме. Добрая половина коммерсантов, входящих в Совет, понесла ощутимые убытки из-за разбойных акций Мака. Теоретически его корабль «Мэрити» должны разнести на мелкие «кусочки», едва он попросит разрешение приземлиться.

Харрис вдруг рывком поднялся, скрипнув ремнями подвесной койки. Конечно, прогулку по полу, усеянному кнопками, не назовешь приятной, но опасение, что он пропустит раздачу кофе, пива и шоколада, взяло верх над инстинктивной осторожностью, выработанной за годы пилотской службы. Бормоча что-то себе под нос, он побрел на камбуз. Шоколад выдавался пилоту во время всех перелетов, но, видимо, не в коня был корм — даже парадная форма, сшитая на заказ, болталась на нем, словно мешковатый комбинезон.

Дженсен презрительно поджал губы. Он терпел расхлябанность Харриса лишь по одной причине — своим мастерством тот мог заткнуть за пояс любого пилота. Казалось бы, для такого аса, как Харрис, перевод на «Сэйл», трехместный разведывательный корабль под командой лейтенанта, которому влиятельный отец всячески вставлял палки в колеса, был фактом обидным, но Харрис слишком легко относился к службе, чтобы переживать по этому поводу. Дженсен презирал его за полное отсутствие амбиций, но старался держать свои чувства при себе. Без Харриса он никогда не сможет поймать «Мэрити». Обуреваемый охотничьим азартом Дженсен протянул руку к зеленой кнопке на карте. «Интересно, как отреагирует Харрис, когда узнает, что все папины деньги ушли на распространение дезинформации? — подумал он. — Подаст ли он рапорт о переводе на другой корабль, если сказать ему, что зеленой булавкой помечена хитроумная ловушка, в которую нужно заманить капитана „Мэрити“, где „Сэйл“ в одиночку сможет захватить его?» Однако коварный и совершенно непредсказуемый капитан «Мэрити» не спешил поддаваться на хитрости. Вместо этого «Мэрити» совершал уже третий «торговый» рейс на Гилдстар. И скорее всего торговлей там и не пахло.

Дженсен разжал кулак и, ухватив двумя пальцами синюю кнопку, решительно воткнул ее в карту рядом с Гилдстар, в добавление к уже имеющимся двум.

— Что за чушь собачья... — пробормотал он.

Наверняка Харрис слышал его с камбуза, но лейтенанта это ничуть не смущало. В то время как другие офицеры, получив увольнительную, спешили к женам, Дженсен лез из кожи вон, втираясь в доверие к чинам из разведки. Он первый из младших офицеров узнал, что Халию вооружает и финансирует Синдикат. Потом сверху стали просачиваться слухи, что войне, оказывается, конца не видно. Разведчики сбились с ног, стараясь выявить военные базы Синдиката. Источники в стане хорьков никак не могли подобрать ключик к этой тайне; пасовали даже шпионы, внедренные на самые ответственные участки противника. Медным каскам оставалось лишь сопоставлять противоречивые и разрозненные слухи, проводя время в бесплодных попытках установить местонахождение баз противника. Дженсен усмотрел здесь блестящую возможность отличиться. Его страстное желание заманить в ловушку Мака Джеймса объяснялось просто. Контрабандист, попутно приторговывавший секретной информацией — список его многочисленных преступлений включал в себя и государственную измену, — наверняка водил дружбу со всеми врагами Альянса. Конечно же, среди его клиентов числился и Синдикат. Если даже Джеймс не наведывался в их логово, он, без сомнения, располагал оперативной базой для прямой связи. В своем стремлении изловить Джеймса и снискать лавры героя, проникшего в святая святых врага, Дженсен не останавливался ни перед чем — он поставил на карту свое доброе имя и карьеру.

Итак, лейтенант Майкл Христофер Дженсен воткнул в карту синюю кнопку, помедлил, нахмурился и взялся за красную. Мак Джеймс украл чертежи оружейных разработок Флота.

Вопреки ожиданиям эти чертежи не всплыли у диких. Так кому же Джеймс продал добычу? Кому и где?

Ему показалось, что синяя кнопка, красующаяся на Гилдстаре, издевательски подмигнула.

— Бред какой-то! Ах, чтоб тебя хорьки кастрировали! — опять взорвался Дженсен. Как будто лукавый преступник, за которым он охотился, мог слышать эти проклятия.

А на камбузе, за столом, на котором не было ничего, кроме пустых чашек и журнала мод, оставленного прапорщиком, восседал Харрис. Он удивленно вскинул брови, обрамленные копной золотисто-рыжих волос.

— Совсем очумел, — еле слышно прошептал пилот. Ожидая, пока остынет кофе, он порылся в грудe мусора и извлек из тайника заветную банку с пивом.

За много тысяч миль от района, патрулируемого «Сэйлом», посреди запыленного поселка мятежников, стоял бар, сложенный из ворованных плит, некогда составлявших облицовку модульных строений на какой-нибудь военной базе. Пригнаны плиты были не очень плотно, и через щели внутрь бара то и дело врвался ветер. Под ногами противно похрустывал песок. В маленькой комнатушке, отделенной от общего зала обтрепанной занавеской, сидела женщина, на ее лице, спрятанном под капюшоном, играла зловеще-торжествующая улыбка. Она перевела взгляд на мужчину, укрывшегося в тени, и в ее прищуренных, привыкших к песчаным бурям глазах заплясали отблески неровного пламени свечи.

— Он получил самые точные данные, капитан. Он знает, что вы летите на Гилдстар, а также время и дату высадки. В общем, все, кроме ваших кодов связи. Думаю — ему и хочется, и колется.

В темноте раздался сухой смешок. В тусклых глазах мужчины вдруг вспыхнули веселые искорки, и ладони, сплошь покрытые кольцами ожогов, сжались с легкостью, неожиданной при такой страшной ране. Мрачный, скрипучий голос перекрыл шум, доносившийся из зала.

— Наверное, наш мальчик уже не такой простофиля, как прежде. Нет никакого смысла продлевать арендный договор с торговцем по завершении этого рейса. Я отзыва «Мэрити» после того, как он совершит посадку в гилдстарском порту. Хотите верьте, хотите нет — я решил заняться вложениями в частный сектор на «Чалисе».

Женщина выпрямилась, скрипнув стулом. Человек с ястребиным носом, облаченный в калдлэндэрское снаряжение, лениво развалившийся напротив, тяжело вздохнул. Угрюмо взглянув на женщину, он произнес:

— Я понимаю — дело стоящее, ради него можно слетать на «Чалис». Но не слишком ли рискованно становиться живой приманкой для корабля-разведчика — он ведь будет на боевом рейде?

— Понимаешь, Годфри, — заговорил, чуть вытягивая гласные, человек с обожженными руками, — если мне удастся проникнуть на корабль Флота, это будет выстрел в самое яблочко. Мой дружок Гибсен считает — лучше сорвать банк за одну игру, чем всю жизнь гнуть спину на Гильдию. И он прав.

Калдлэндер пренебрежительно хмыкнул, женщина молча поправила капюшон.

И в том и в другом сквозило сдержанное неудовольствие. Но капитан не обратил на него ни малейшего внимания. Он потянулся и встал, не выходя из тени. Повернувшись вполоборота к собеседникам, он сгреб за ремни целый арсенал оружия, с которым никогда не расставался. И, закинув ремни на плечо, ощерился, показав крепкие квадратные зубы. Собеседники достаточно хорошо знали его, чтобы принять этот зловещий оскал за улыбку.

— Леди, — произнес Макензи Джеймс дружелюбно, с каким-то ребячливым выражением на лице, — и джентльмены. Если после моего ухода вы вздумаете убивать друг друга, помяните мое слово — оставшегося в живых я выпотрошу, как рыбу.

В ответ не прозвучало ни слова. Лишь хриплый смех проституток за дверью разрезал тишину.

— Так-то вот, — завершил свою короткую напутственную речь Мак Джеймс. Поскрипывая ремнями, он повернулся к двери и, не попрощавшись, выскользнул из комнаты. Бесшумная походка как-то мало вязалась с обликом этого огромного, по-медвежьи могучего человека. С шорохом упала занавеска, и в комнатке остались лишь два непримиримых врага, разглядывающих друг друга в слабом мерцании оплившей свечи.

— Ну и самомнение, черт бы его побрал, — выругался калдлэндер, с досадой хлопнув себя кулаком по бедру — он не взял с собой ни кинжала, ни пистолета.

Женщина сидела молча, негодуяще подергивая пальцами с ногтями серовато-стального оттенка. В конце концов она заговорила:

— Никто не явился бы сюда просто, чтобы потешить его самолюбие. Ты думаешь, мне нравится быть на побегушках у этого сопляка-лейтенанта?

Калдлэндер вдруг застыл, пораженный догадкой. Глаза его заблестели.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что информация относительно «Чалиса» — липа?

Лицо женщины было по-прежнему скрыто капюшоном.

— Главный вопрос — подозревает ли об этом Макензи Джеймс.

Вскоре враги расстались, погруженные в свои мысли. Несколькими днями позже, когда уже нельзя было связаться ни с женщиной-фрийкой, ни с капитаном, у калдлэндера не осталось никаких сомнений — дьявольски проницательный Джеймс на этот раз дал маху. Он не отнесся с должным вниманием к одной своей операции, в результате которой оказались погребены под толщей шлака родители фрийки.

«Сэйл» бесшумно пронзал пространство со сверхсветовой скоростью, следуя проторенным маршрутом, — он торопился доставить депеши на базу, расположенную в секторе Кэрс. В шестигранной капсуле, служившей кабиной, дремал, не снимая наушников, Харрис. У него за спиной, в командирской нише, предназначенной для лейтенанта Дженсена, в расслабленно-жеманной позе устроилась Каплин — третий член экипажа, полностью поглощенная своим маникюром. Сара Эшли Каплин, которую сослуживцы именовали просто Капи, была невысокой, хрупкой особой, с пухлыми губами. В ее смуглой коже и грудном голосе крылось что-то манящее. Получая назначение на «Сэйл», она уже была наслышана и про красавца-капитана, холодного, как айсберг, и про Харриса — наглеца, большого охотника пощипать женщин за разные места. Каплин довольно спокойно сносила его приставания до тех пор, пока он не перешел все мыслимые пределы. Тогда-то Харрис и заработал синяк — правда, он клялся и божился, что просто упал в душевой, когда неожиданно включилась система искусственной гравитации. Что же касается красавчика-лейтенанта с ледяным сердцем, то основным и единственным объектом его вожделений оставался коварный Макензи Джеймс.

— А где же их милость? — насмешливо спросила Каплин, вывернув запястье, чтобы полюбоваться ногтями; на этот раз она выбрала лиловый цвет.

— Гм... — пробормотал Харрис. Он оперся локтем на навигационный пульт и поскреб грудь под расстегнутым кителем. — Лейтенант снова заступит на боевое дежурство, когда оприходуется все кнопки.

И тут из каюты донеслось нечто, весьма напоминающее боевой клич. Харрис встрепенулся, а Каплин развернулась на стуле, и ее миндалевидные глаза широко раскрылись от удивления.

— Уж не послышалось ли мне? Может, нас ждет увольнительная?

— Размечталась, — буркнул Харрис. — А потом, Дженсен и в увольнительных на добровольных началах шестерит на парней из разведки.

Досадливый стон Каплин оборвался, когда на трапе раздались торопливые шаги Дженсена. Через секунду его стройная фигура возникла в узком проеме; лампочки на пульте осветили лицо с горящими от возбуждения глазами.

— Он попался! — закричал лейтенант, возбужденно размахивая последней радиогаммой. — Заглотил-таки наживку!

Разумеется, слово «он» в пояснениях не нуждалось. Но как бы ни был Дженсен

поглощен сейчас планами поимки Мака Джеймса, от его внимания не ускользнуло, что один из членов экипажа самым нахальным образом забрался в его командирское кресло, да вдобавок с крайне вызывающим видом красит ногти.

— Так, я все понял, — протянул Харрис с пилотского места, — мы отправляемся в самоволку, на «Чалис», да? Полагаю, за посланиями, которыми нас осыпает частный сектор, вряд ли стоит любовная интрижка?

— Да и способен ли вообще наш мальчик на любовную интрижку? — осведомилась Каплин вполголоса, не выпуская из рук кисточку для лака.

Дженсен, пропустивший эту колкость мимо ушей, торопливо прошел по кабине. Нимало не заботясь о том, что брюки могут собраться в некрасивые складки, он склонился над приборным щитом. Харрис обиженно нахмурил брови — лейтенант полностью его игнорировал.

— Нет, мы пойдем ранее намеченным курсом, согласно корабельному журналу. Как только доставим донесение, я добьюсь, чтобы нас направили на патрулирование. Поскольку рудники на «Чалисе» — жирный куш для военных, этот объект, естественно, нужно держать под контролем.

Харрис запустил пятерню в копну рыжих волос, напоминавшую хохолок задиристого петуха, сдвинул набок берет с потертой флотской эмблемой.

— Ясно.

— А зачем нам «Чалис»? — поинтересовалась Каплин.

— Затем, — ответил Дженсен, не обращая внимания на ее язвительный тон, — что я несколько месяцев готовил операцию. Мы сцапаем Макензи Джеймса и с его помощью выясним расположение опорных баз Синдиката.

— Да? — Каплин удивленно вскинула тонкие, подведенные брови. — А Макензи что там ждет?

— Западня, — самодовольно улыбнулся Дженсен, — моего собственного изготовления. Джеймс рассчитывает пожить там нуклеокристаллами — они изготовлены по особой технологии; позволяющей использовать их для интерфейса. Но в последний момент окажется, что его добыча — всего лишь приманка. На «Сэйле» нет новейшей электроники, но орудия достаточно мощные. Так что с «Мэрити» мы справимся.

Каплин раздраженно отшвырнула кисточку с засохшим лаком и, тряхнув головой, откинула назад прядь пепельно-каштановых волос.

— Ты с ума сошел. Хочешь подвести нас всех под трибунал?

— Или под награждение, — вставил Харрис. — В прошлый раз так и случилось.

И тут взгляд Дженсена остановился на выкрашенных в ослепительно-фиолетовый цвет ноготках.

— Прапорщик Каплин, — произнес он с расстановкой, — еще одно нарушение формы одежды на корабле, и я отправлю вас под арест, будете сидеть в каюте. — И тут же, не меняя интонации, scomандовал пилоту: — Харрис, зарядите батареи, приготовьтесь к переходу в гиперпространство. Я хочу доставить донесения, пока они свежие, и тут же взять курс на «Чалис».

На деле все оказалось сложнее — на разные технические работы ушло несколько дней. Капитан, опасаясь опоздать на «Чалис», рвал и метал. Он нервно расхаживал по тесным коридорам «Сэйла», снова и снова прокручивая в голове во всех подробностях план захвата «Мэрити». Поскольку помещений на разведкорабле было не так уж много — пара спальных кубриков, камбуз со столовой и пилотская кабина, — товарищам по экипажу приходилось несладко. Харрис заперся в навигационном отсеке, просматривая свою коллекцию порнозаписей. Каплин же копила раздражение, и в конце концов ее прорвало:

— Послушай, ты хоть понимаешь, на какой риск идешь? Думаешь, парни из разведки, которых ты ублажал, сделают тебе это назначение? Как же, держи карман шире! — От возбуждения Каплин постукивала пальцами по столу.

— Ну, тут вообще не о чем говорить, — отмахнулся Дженсен. — Считай, что

назначение у нас в кармане.

Каплин бросила взгляд на его тарелку с давно остывшим супом — у капитана даже аппетит пропал от нетерпения, — и ноготь ее оставил на столе очередную отметину.

— А ты не боишься, что взрыватель, который рабочий установил в доке, не сработает?

— Ты просто не знаешь то, что известно обслуживающему персоналу на «Чалисе»: коробка с самоуничтожающимся устройством — пустышка. Кристаллы внутри фальшивые, они — наживка, на которую мы собираемся поймать Макензи Джеймса.

— Ах вот оно что! — Каплин вскинула брови. — Ты уже всем успел разболтать о своей затее? Всем до последнего дворника? Ну, тогда твой контрабандист должен быть просто глухим, чтобы попасться. А ведь у него разведка поставлена лучше, чем у Флота, — ты думаешь, даром он снюхался с Синдикатом? Так кто кого за нос водит?

— Если уж Маку что-то понадобилось, он идет напролом, — сказал Дженсен. — А интерфейсовые кристаллы ему нужны позарез.

Каплин возмущенно всплеснула руками, едва не задев за холодильник.

— Да это просто курам на смех! Успех дела зависит от того, окажется ли Макензи Джеймс большим олухом, чем ты сам.

Теперь уже Дженсен вспыхнул:

— Тогда предложи что-нибудь поумнее!

Пальцы с лиловыми ногтями исполнили взволнованное соло на крышке стола.

— Не знаю, — в конце концов сдалась Каплин. — Могу сказать только одно — спаси. Господь, наши задницы.

Едва уловимые колебания, сопровождающие выход из гиперпространства, наконец стихли. Но от этого не полегчало. «Сэйл» натужно возвращался в обычное временное измерение, его швыряло, словно самолет, захваченный вихрем в момент приземления. А через несколько секунд корабль содрогнулся от столкновения с каким-то металлическим телом.

— Мать честная! — вскрикнул Харрис с пилотского кресла. — Да мы ведь зарулили в боевую зону. — Он так резко повернул корабль, что Дженсена и Каплин вдавило в кресла.

Лейтенант, стараясь не обращать внимания на головокружение, присматривался к всплескам света на экране. По ослепительной плазменной вспышке он понял: нет, это не боевая зона. Просто станция, на которую они держали курс, взлетела на воздух, в мгновение ока превратившись в облако газов и осколков. Реакция Харриса и на этот раз его не подвела. Он мгновенно дал задний ход. Рев стремительно набиравших обороты гравитационных двигателей слился с сигналом тревоги.

Дженсен не отрываясь смотрел на эту вакханалию разрушения, в которую едва не угодил их корабль. «Что же произошло?» — мучительно размышлял он, съежившись в ожидании града язвительных насмешек, которыми сейчас осыплет его Каплин.

Однако Каплин сидела молча, уткнувшись лицом в ладони. Отблески аварийных огней окрасили ее пальцы в красный цвет.

— Господи, — вырвалось у Харриса. От волнения ирландский акцент, оставшийся с детства, пробился через более поздние культурные напластования — нормативный язык, привитый ему в академии. То ли по наитию, то ли благодаря тому, что иногда называют шестым чувством, он справился с управлением и в последнюю секунду, описав замысловатую дугу, вырулил в сторону, пройдя по самой кромке смертоносного облака.

— Что будем делать?

Все молчали, подавленные одной и той же мыслью — что с ними стало бы, задержись корабль в режиме гиперсветовой скорости на одно мгновение дольше? Дженсен бросил взгляд на свои побелевшие пальцы, сжимавшие подлокотники кресла. Поскольку теперь ничего не исправишь, нужно думать, как выходить из ситуации.

Следующий приказ напрашивался сам собой.

— Капи, — отрывисто скомандовал он, — включи сенсоры и проверь, нет ли поблизости боевого корабля.

— Что? Опомнися? — В тоне прапорщика читался невысказанный упрек. — Ты совсем очумел? Сам заложил заряд на «Чалисе», а теперь ищешь виновного?

Лейтенант Дженсен повторил команду уже более спокойно.

— Заряд, который я там вмонтировал, — компактная взрывчатка, используемая для заграждений. Если даже кто-то случайно зацепил ее, она могла разрушить максимум один сектор. Но не всю станцию. То, что мы видим, — лишь остаточное изображение плазменной вспышки. Так что начинай поиск. От этого зависит наша жизнь — враг, который выпустил ракету, наверняка где-то рядом.

— Может, это перебежчик халиан? — предположил Харрис.

Других версий никто не успел предложить. В тесной кабине взвыла сирена — кто-то подавал сигнал бедствия из открытого космоса.

Каплин запеленговала сигнал.

— Наверное, выжил во время взрыва, — торопливо сообщала она. — Находится в состоянии свободного падения, системы жизнеобеспечения в скафандре не действуют. — Она определила дистанцию и вектор движения, потом цифры, по которым Харрис мог рассчитать угол и скорость сноса. Крошечный живой комочек — без сомнения, это была жертва катастрофы — уносило от эпицентра взрыва вместе с тучей осколков. — У него код ремонтника, — сказала в заключение Каплин. — Наверное, занимался монтажными работами, когда станцию потрянуло взрывом.

— Курс на перехват! — приказал Дженсен. — По уставу следует подобрать этого парня. Пусть расскажет, что там стряслось.

Любой другой пилот заартачился бы. Шутка ли — нырнуть в тучу осколков? Однако Харрис не раздумывая принял к пульту. Полоумная усмешка появилась на его лице. Последние слова пилота перед началом маневра были обращены к Каплин — он посоветовал ей не отстегиваться и не бежать за успокоительным. Харрис понимал, что направление движения будет меняться очень резко и с большой частотой. Уж лучше пусть тебя стошнит, чем разmozжит голову о переборку.

То, что происходило дальше, напоминало какую-то дьявольскую пародию на карнавалы гонимых. Вряд ли кто-нибудь, кроме Харриса, получал удовольствие от происходящего. Низко склонившись над пультом, он напоминал лихого наездника, прижавшегося к крупу лошади. Наметанным глазом он следил за индикаторами, а пальцы его с какой-то воздушной легкостью касались кнопок на щите. И, подчиняясь этим едва уловимым, почти ласкающим прикосновениям, корабль, раскачиваясь и вздрагивая, пробивался сквозь хаотично разлетающиеся обломки. Переведя системы «Сэйла» на предельный режим, Харрис упивался каждым моментом этого безумного полета. Наконец, не в силах скрыть охватившую его эйфорию, он доложил: потерпевший в пределах досягаемости, можно приступать к эвакуации.

Лейтенант Дженсен, преодолевая тошноту, отдал необходимые распоряжения. Каплин, которая уже собралась отстегнуть ремни, он приказал остаться на станции.

— Сканеры не выключать. Если поблизости есть другой корабль, я должен первым об этом узнать, — сказал он и, выскочив из ставшей вдруг тесной ему кабины, отправился готовить грузовой шлюз и механические лапы для захвата.

«Сэйл» был как две капли воды похож на другие разведкорабли — отсеки его соединялись лабиринтом пустынных коридоров с рифлеными стенами и скудным освещением, напоминавших подземные штошки. Гравитация полностью отсутствовала. Проведший почти всю службу в полетах, лейтенант все-таки уступал в проворстве Каплин, которая перемещалась в невесомости с воистину обезьяньей ловкостью, никогда не теряя при этом ориентации. При мысли об этом у Дженсена на скулах заходили желваки. Казалось бы, какое ему дело до младшего офицера, тем более женщины? И все-таки. Благодаря интригам его могущественного папы он, офицер с немалым боевым опытом, получал повышения в самую последнюю очередь. Многие офицеры давно обогнали его. Наверное, обгонит и Каплин, несмотря на достаточно легкомысленное отношение к службе и

подпорченный послужной список.

Время от времени Дженсен с горечью отмечал, что его постоянно обходят в поощрениях. Поглощенный мыслями об этой вопиющей несправедливости, о нескладывающейся военной карьере, он проплыл в шлюзовую камеру, включил пульт управления механическими лапами и надел специальный шлем. Потом опустил забрало, щелкнул выключателем дисплея и навел приборы слежения, представляя, будто точка на координатной сетке была не жертвой аварии, а вражеским объектом, попавшим в оружейный прицел. Поскольку он не раз отмечался в приказах как первоклассный стрелок, эвакуация была проведена быстро и четко. Зависнув в воздухе перед трапециевидным входом, он одной рукой держался за переборку, а другой нажимал на кнопки шлюзового пульта. Стенки завибрировали — это закрывались внешние ворота шлюза. Потом воздух с шипением наполнил камеру. Только наркоманы или круглые дураки доверяют идиотским лампочкам на монитормом щите. Известно, что непогрешимой электроники не существует — случись сбой, и твоё тело, не защищенное скафандром, в мгновение ока окажется в вакууме. Когда стабилизировалось давление в камере, Дженсен щелкнул ручным предохранителем, и створки шлюзовых ворот плавно раздвинулись. В стальном боксе неуклюже плавало тело в огромном рифленом скафандре — из тех, что обычно используются для монтажных работ в открытом космосе. Вытертые локти, масляные пятна на коленях, обтрепанные карманы. Руки в перчатках с фосфоресцирующими линиями безвольно болтались в воздухе. Переведя взгляд выше, Дженсен понял причину — прозрачный щиток, прикрывающий лицо, был изнутри забрызган кровью.

У лейтенанта комок подступил к горлу. Такой поворот дела застал его врасплох — он никак не думал, что человек в скафандре может быть убит или ранен. Лишь сейчас осознал Дженсен свою ошибку. Сигнальное устройство, вмонтированное в скафандр, совсем не обязательно приводится в действие вручную. Такой ранец за спиной и карманы для инструментов обычно бывают у монтажников, а их оснастка включает в себя аварийную систему, настроенную на предельный радиус отклонения. Если рабочего уносит слишком далеко от станции, сигнал тревоги включается автоматически. Дженсен подавил приступ тошноты. Он и прежде не раз видел смерть, однажды даже сам в упор выстрелил человеку в затылок, выбив ему мозги. Сейчас, согласно инструкции, он обязан проверить, содержит скафандр труп или же раненого, нуждающегося в медицинской помощи.

Тошнота отступила. На смену пришло раздражение. Оттолкнувшись от переборки, Дженсен вплыл в камеру. Достигнув зависшей в воздухе фигуры, он неуклюже обхватил ее обеими руками и успел перекинуть через перила, прежде чем отлетел и врезался в переборку, словно бильярдный шар. Согнув руку в локте, чтобы зафиксировать положение, он ухватил тело за скафандр и, притянув к себе, растянул шлем.

Но едва откинулось забрало, как безвольное тело ожило и навалилось на Дженсена. Не успел он и глазом моргнуть, как рука в космической перчатке сжала ему запястье, и что-то твердое уперлось в бок.

«Наверное, какой-нибудь монтажный инструмент?» — промелькнула в голове Дженсена успокоительная мысль. Но стоило рассмотреть получше лицо, прежде скрытое забралом с пленкой запекшейся крови, как последние иллюзии рассеялись. В серо-стальных глазах не отражалось ничего, кроме беспощадной решимости.

— Господи, — раздался голос Макензи Джеймса, — до чего же легко тебя вычислить. — На подбородке виднелось пятнышко свежей крови, но ствол пистолета — теперь уже ясно было, что это пистолет, — прижимался к боку Джеймса с силой, какую от раненого вряд ли можно ожидать. Дженсен сразу вспомнил — Макензи Джеймс слыл человеком невероятной силищи и мгновенной реакции.

Ошеломленный появлением контрабандиста, свалившегося как снег на голову, досадуя, что в одно мгновение он растерял все свои преимущества, лейтенант постарался сохранить остатки хладнокровия.

— Полагаю, прежнего владельца скафандра ты просто выкинул в космос.

— Давай обойдемся без светской болтовни. — У Джеймса на лице заиграла безмятежная улыбка. Голос его эхом отдавался в железной камере. — Не строй из себя невинного агнца. — Встряхнув копной грязно-каштановых волос, он сильнее ткнул дулом пистолета под ребра пленнику. — Расстегни-ка лучше мой скафандр.

Дженсен скрепя сердце подчинился. Если Джеймс хочет сбросить скафандр, можно попытаться что-то предпринять, пока он будет возиться с рукавами. Дженсен был уверен, что пират напоролся на взрывной заряд, забирая контейнер с фальшивыми кристаллами, и что его сообщник, находящийся на «Мэрити», увидев взрыв, открыл огонь по «Чалису». И сейчас лейтенант попытался втянуть противника в беседу, стараясь отвлечь его внимание.

— Если ты собираешься угнать корабль, то напрасно тратишь время. «Сэйл» управляется автоматически, курс установлен заранее. Корабль находится под жестким контролем. А радиопередачи закодированы. — Макензи промолчал. — Так что сдавайся, приятель, — посоветовал Дженсен, отстегивая последнюю заклепку на скафандре. — Если ты отклонишься от графика полета хоть на тысячную долю секунды, все поймут — корабль захвачен неприятелем. За нами организуют погоню, объявят общеармейский перехват, а обнаружив, откроют огонь на поражение.

Джеймс взглянул на него, презрительно вскинув брови.

— Пошли, — приказал он. И, увидев, что офицер медлит, вывернул ему руку и подтолкнул вперед. Дженсен почувствовал, как на правом запястье стянулась петля крепежного ремня.

Решив не сдаваться так просто, он замахнулся локтем, целясь в лицо противнику. Но тот, видимо, ожидал удара. Устраивая такие засады в открытом космосе, пират научился обращать невесомость в свою пользу. Достаточно одного резкого движения бедром — и вцепившиеся друг в друга враги взмыли вверх и на полном ходу врезались в переборку. Джеймс, защищенный скафандром, перенес удар безболезненно. У Дженсена же, ударившегося головой и грудью, перехватило дух. Он чуть не потерял сознание от удара виском о переборку. Обессиленный, он ухватился за створку шлюза и потянулся к контрольному щиту — нужно подать сигнал на мостик, предупредить остальных.

Но Джеймс опередил его. Он дернул за ремень, и лейтенант снова полетел вниз. Дженсен еще пытался бороться. Он успел нанести противнику несколько ударов, но на жестком скафандре оставались лишь едва заметные вмятины. Получив короткий тычок в пах, Дженсен обмяк и после беспорядочного барахтанья почувствовал, что другое запястье тоже оказалось в петле. Теперь враг полностью контролировал его движения. Джеймс сбросил скафандр, и лейтенант увидел грубоватое-лицо и комбинезон в кровавых разводах, напоминавший камуфляжную форму. Сомнений не оставалось — прежний владелец скафандра закончил жизнь в космическом вакууме. Дженсена мучило — от боли, от красных шариков крови, плавающих по кабине, которые он невольно проглатывал вместе с воздухом. Ему оставалось лишь проклинать все на свете последними словами.

Дуло пистолета больше не смотрело ему в лицо. Расстегивая воротник комбинезона, Джеймс держал оружие в расслабленной руке, почти небрежно, давая понять беспомощному Дженсену, что несколько его не боится. Правда, лейтенант еще мог пнуть противника ногой, но в невесомости, без помощи рук, это ничего не даст — он просто получит сокрушительный удар по голове. Мак Джеймс, достаточно опытный в подобных драках, прекрасно это понимал и не ждал больше от лейтенанта никаких сюрпризов. Наглая самоуверенность пирата становилась просто невыносимой.

Дженсен снова выругался. Плевать, что Джеймс может догадываться о его намерениях. Будь что будет, лишь бы покончить с этим унижительным положением. Но прежде, чем он успеет что-то предпринять, пират ухватился за ремень, словно за поводок, и притянул лейтенанта к себе.

Болтаясь на веревочке, словно марионетка, давясь каплями крови, Дженсен попытался вытащить руки из петель. Но тщетно — он лишь содрал кожу на запястьях. Мак Джеймс с удивительной сноровкой — чувствовалось, что он прекрасно отработал тактику подобных

набегов, — протащил его через внутренний шлюзовой люк. Пальцы с малиновыми ожогами коснулись кнопок на контрольном щите. «Да он знает устройство флотских кораблей как свои пять пальцев!» — задышавшись от ярости, отметил про себя Дженсен. Люк с шипением закрылся, щелкнули автоматические запоры.

— А все-таки свой корабль ты прохлопал, — процедил Дженсен сквозь стиснутые зубы, пока бандит тащил его по узкому коридору мимо конденсатора и машинного отделения. — Чтоб его на миллион кусков разорвало!

— Прохлопал? — Мак Джеймс чуть повернул к нему голову, показав лейтенанту профиль со вздернутым носом и насмешливо приподнятой бровью. — О чем это ты, мой мальчик? У меня пока все идет по плану, а вот о тебе этого никак не скажешь.

Дженсен вполголоса выругался, когда Джеймс укоротил поводок и резко дернул, прервав его полет. Затем он через люк втащил лейтенанта на следующий ярус. Оказавшись в гравитационном поле, Дженсен плашмя шмякнулся спиной на палубу, а ноги его, оставшиеся, в невесомости, зависли в воздухе в коридоре. Вид у лейтенанта был глупейший.

— Вставай! — приказал Макензи Джеймс. В руке он опять сжимал шариковый пистолет, нацелив его прямо в лицо Дженсену. — Пошевеливайся!

В голосе контрабандиста отчетливо сквозило нетерпение — и дураку ясно, почему. Дженсен перекатился на живот и подобрал под себя согнутые в коленях ноги. Он вздрогнул, когда пират схватил его за плечо. Макензи рывком поставил лейтенанта на ноги и тычком подтолкнул вперед, а сам двинулся следом. Ремни так туго стянули запястья, что в плечах захрустело. В затылок уперлось дуло пистолета.

— А теперь, — зашептал ему на ухо Джеймс, — мы отправимся на мостик. В рубке ты прикажешь своему пилоту взять курс на станцию «Ван Мэр» в системе Аринат. — Дженсен попытался что-то возразить, но Мак Джеймс так его встряхнул, что мигом отбил охоту спорить. — Судя по твоим последним приказам, ты человек благоразумный. Сейчас здравый смысл требует, чтобы ты на гиперсветовой скорости повел корабль на Аринат. Если, конечно, тебе жизнь дорога.

Помимо дула пистолета, холодящего шею, Дженсена подталкивало вперед обыкновенное человеческое любопытство. Откуда Джеймс знает содержание его приказов? Вот что ему сейчас не давало покоя.

— Но почему именно Аринат? И почему «Ван Мэр»? Это ведь обычная торговая колония на окраине сельскохозяйственного района, обслуживающая военные заставы.

— Ну, не только, — заметил Джеймс уклончиво. И добавил, словно невзначай: — «Мэрити» не взлетела на воздух вместе с «Чалисом». Она в полной исправности и сейчас ожидает встречи с нами, чтобы миновать с твоей помощью контрольно-пропускной пункт в зоне безопасности Арината.

Ничто на свете не могло вызвать у Дженсена большей ярости, чем эти слова. Оказывается, хитроумный план, который он разрабатывал не один месяц, был не чем иным, как ловушкой для него самого. Охотник нежданно-негаданно превратился в жертву. Лейтенант Дженсен — обыкновенная марионетка в руках контрабандиста Макензи Джеймса.

— Давай, лейтенант, действуй, — раздался у самого уха хрипловатый голос.

И Дженсену пришлось подчиниться. Но в душе он поклялся, что еще сумеет все переиграть — пират все равно получит по заслугам.

Контрабандист и его пленник добрались до тупика, в котором располагался камбуз. Отсюда трап уводил на мостик. Дуло еще сильнее вдавилось в шею Дженсена, и лейтенант, зная, что Макензи никогда не останавливается на полпути, решил ему не перечить. Он поднялся по трапу и, встав так, чтобы его было видно из кабины, наигранно-бодрым голосом произнес:

— Прапорщик Каплин, выйти из поискового режима. Харрис, мне нужно, чтобы корабль взял курс на Аринат. Разработайте маршрут — мы должны на гиперсветовой скорости долететь до контрольно-пропускного пункта зоны безопасности. Оттуда мы направимся на станцию «Ван Мэр».

Лениво-расслабленное состояние, в котором по своему обыкновению пребывал Харрис, как рукой сняло. Повернув голову, он пристально взглянул на командира и с дерзостью, присущей большинству пилотов, переспросил:

— Так куда, вы сказали, мы летим?

Дженсен почувствовал, как дуло пистолета сильнее вдавилось ему в шею.

— Это как понимать, Харрис? Неповиновение командиру? — спросил он, сглатывая слюну.

— Ему не впервой, — ехидно прокомментировала Каплин, отключая системы слежения. Затем она развернула свое кресло и отметила, как сузились глаза у Харриса.

— Нет, — сказал пилот достаточно мягко, — мы слишком долго летали вместе, чтобы я купился на такую туфту. Я возьму курс на Аринат, сэр, но только при одном условии. Сделайте шаг к нам и покажите нам руки.

У насмерть перепуганного Дженсена не было никакой возможности предупредить своих подчиненных об опасности. Он был совершенно беспомощен. Мак Джеймс просто оттолкнул его в сторону, и вслед за этим раздался негромкий хлопок шарикового пистолета. Дженсен потерял равновесие и, падая, услышал, как вскрикнула Каплин. Он понял, что произошло: Мак Джеймс застрелил его пилота. Что ж, во время предыдущей операции он сам тоже убил помощника пирата на «Мэрити». Хотя Дженсен и руководствовался в своих действиях совершенно иными мотивами, он был не менее беспощаден к врагам. Когда, поднявшись с пола, лейтенант увидел в пилотском кресле обмякшее тело, он не был потрясен. Скорее он испытал прилив холодного бешенства. Берет у пилота слетел, на спутанных огненно-рыжих волосах запеклась кровь. Длинные, тонкие пальцы, еще недавно творившие чудеса на приборном щите, вздрагивали в предсмертной агонии. Шарик, выпущенный из пистолета Джеймса, пробил Харрису лоб. Наверное, пилот даже не успел ничего осознать.

Сдавленные всхлипывания напомнили Дженсену о том, что в живых остался еще один член экипажа. Сара Каплин побелела, как лист бумаги, и лишь яркая косметика, оттенявшая мертвенно-бледную кожу, маскировала полную потерю воли. Почти парализованная страхом, Каплин не нашла сил подняться с кресла.

Что было только на руку контрабандисту. Спрыгнув на мостик «Сэйла», он, не теряя времени, начал отдавать распоряжения прапорщику:

— Уверен, сударыня, во время учебы вас ознакомили с основами пилотирования. Неплохо, если бы вы хорошо усвоили пройденный материал. Потому что сейчас вы оттащите труп от штурвала и поведете корабль в Аринат, на станцию «Ван Мэр».

Каплин побледнела еще больше. Она испуганно вскинула широко раскрытые глаза на командира, который после очередного тычка пистолетом в спину сказал:

— У нас нет другого выхода, Капи.

Отрывисто кивнув в ответ, она поднялась и, вцепившись дрожащими пальцами с экстравагантным маникюром в недвижимое тело Харриса, поволокла его в сторону. Пересев в забрызганное кровью кресло пилота, Каплин включила приборы и принялась высчитывать маршрут.

Макензи Джеймс, не отрываясь, смотрел на цифры, вспыхивающие на пульте. Чувствовалось, что бандит прекрасно знает маршрут. Взгляды, которые он через плечо Каплин бросал на пульт, красноречивее всяких слов говорили, как много он поставил на карту, отважившись на эту вылазку. Гул прокатился по «Сэйлу», корабль вздрогнул всем корпусом. Начался цикл подзарядки батарей — это была подготовка к переходу в гиперпространство. И тут Дженсена осенило, словно встряска обострила работу его мозга. Он понял — «Мэрити» намеренно взорвала станцию «Чалис», чтобы замести следы за Маком Джеймсом.

— Значит, ты украл кристаллы для интерфейса, — начал было Дженсен обвинительную речь, но Мак Джеймс рывком пригнул его голову и прижал к плечу, так что лейтенант мог издавать лишь невнятное мычание, давясь собственным эполетом. Пират подтолкнул его к

подвесному шкафу с офицерским обмундированием.

— Ты упростил мою задачу, дружок, — объяснил он с ухмылкой, в которой не было ни тени юмора — Служба безопасности на «Чалисе» глаз не спускала с коробки, в которой лежала приманка. Он запихнул пленника в тесный шкаф. — Ты меня удивляешь, мой мальчик. Неужели ты до сих пор не понял — такой орешек, как я, тебе не по зубам?

Дженсен сморщился от боли, налетев локтем на дверной шарнир — удар пришелся прямо по локтевому нерву. Обливаясь потом, судорожно глотая воздух, он тщетно пытался найти точку опоры в тесном пространстве шкафа, в котором едва можно было пошевелиться.

— Будь ты проклят! — успел прохрипеть он, прежде чем Джеймс затолкал ему в рот скомканный офицерский шарф из тонкого шелка. Затянув кляп ремнем, контрабандист захлопнул дверцу.

Дженсен остался в шкафу, скрюченный, как эмбрион. Руки его, туго связанные за спиной, начали неметь. Щека упиралась в стенку шкафа, нос, вдавленный в колени, сплюснулся, а в ягодицы врезались солдатские ботинки Харриса. Не в силах пошевелиться, не в силах сказать ни единого слова, он весь обратился в слух. В кабине Макензи Джеймс сухо инструктировал Каплин, корректирующую курс, — она случайно пропустила запятую в десятичной дроби. В результате, по словам Джеймса, «Сэйлу» придется раньше запланированного срока встать на ремонт, поскольку астероидный пояс вокруг звезды «Ван Мэр» способен ободрать броню даже у крейсера.

Дженсен извивался, как червяк, до тех пор, пока его левое бедро не свело судорогой. Не имея возможности сменить неудобную позу, он морщился от боли, чувствуя, как все тело покрывается липкой испариной. В плотно закрытом шкафу не хватало воздуха. Тошнота и слезы отчаяния помешали ему отследить тот момент, когда корабль нырнул в гиперпространство. И лишь когда судорога немного отпустила, он догадался об этом, почувствовав, как затухает вибрация в конденсаторах.

Чьи-то легкие шаги слышались в кабине. «Это не Каплин», — решил Дженсен. Каплин при ходьбе постукивала каблучками, благодаря которым походка у нее получалась весьма игривая, с призывным покачиванием бедер. Почти никто из мужчин не в силах был устоять перед Кали, но случались и исключения. Например, Джеймс, действовавший всегда с целеустремленностью фанатика. Шаги стихли, и скрипнуло кресло возле пульта связи.

— Сейчас ты расскажешь мне о расписании контрольных сеансов связи «Сэйла», — пророкотал бас Джеймса. В ответ — молчание. Дженсен закрыл глаза и застонал в отчаянии. «Капи, — мысленно обратился он к ней, — сейчас ты отправишься вслед за Харрисом». — И замер в ожидании выстрела.

— Господи! — проговорил Джеймс устало. — Да не дрожи ты так. Запомни, девочка, я стреляю только тогда, когда меня собираются убить. Пилот в своем бандаже носил пушку. Ты разве не знала? — Молчание. — По глазам вижу, что не знала. А вот шлюхи, с которыми он развлекался, знали и поделились со мной этим секретом за умеренное вознаграждение.

Запертый в ящике Дженсен судорожно глотнул пропитанный потом воздух. Даже он не знал, что Харрис прятал пистолет под мешковатым комбинезоном. Дженсену и в кошмарном сне не могло присниться, что у пирата настолько разветвленная агентурная сеть, действующая под самым носом у Флота, покорившего не одну галактику. Амурные похождения пилотов отличались разнообразием. Злачные места, которые они успевали посетить во время увольнений, удаленностью друг от друга и многочисленностью могли сравниться разве что с самими звездами. Больше всего Дженсена потрясло то, что, как выясняется, весь экипаж «Сэйла» находился под колпаком у бандита.

— Давай, выкладывай шифр. — Теперь в голосе Макензи Джеймса зазвучали стальные нотки. Напряженную тишину, воцарившуюся в кабине, нарушал лишь гул гиперсветовых двигателей.

Каплин шумно втянула воздух, словно ее ударили.

— Я не могу тебе сказать, — солгала она. — Я их просто не знаю. — Чувствовалось, что Каплин держится из последних сил — еще немного, и она забьется в истерику.

И снова Дженсен съежился, ожидая выстрела, которого так и не последовало. Вместо этого заскрипело кресло у пульта связи — это Джеймс пересел туда.

— Дорогуша, — сказал пират вкрадчиво, — я выбиваюсь из графика. Так что или ты сейчас расколешься, или вашим медным каскам придется ох как туго.

Дженсен нахмурился. В напряженной тишине послышались торопливые шаги, а потом стук ключей на командирском пульте.

— Что ты делаешь? — спросила Каплин. В ее голосе слышались страх и недоумение.

— Отменяю прежний маршрут, — ответил Макензи Джеймс. — Мы останемся в системе «Чалиса» до прибытия крейсера. Пускай начинают расследование.

— Чего ты добиваешься? Чтобы нас сбили? — спросила, она язвительным тоном, так хорошо знакомым лейтенанту.

— Может, ты и права. — Джеймс поднялся с командирского кресла, и по тому, как отчаянно заверещала Каплин, Дженсен догадался, что пират без долгих церемоний привязал Каплин к пилотскому месту.

Потянулось томительное ожидание. Джеймс налил себе кофе и принялся перелистывать документацию, сложенную под пультом. Среди бумаг он нашел расписание контрольных сеансов связи и установил время ближайшего выхода в эфир. Потом, управляя кораблем в несколько более тяжеловесной манере, чем это делал Харрис, он вывел звездолет на траекторию, пролегающую вдоль тучи обломков, поднятую взрывом.

Почувствовав головокружение и страшную пустоту в животе, Дженсен, заживо погребенный в тесном шкафу, понял, что отключилась искусственная гравитация. В рубке вновь защелкали тумблеры — бандит отключил большинство приборов на «Сэйле», сделав его невидимым для приборов слежения — теперь только сканер с высокой фокусировкой мог обнаружить корабль.

Так миновал час, потом еще один. Через тридцать минут «Сэйл» должен был выйти на связь. Дженсен напряженно вслушивался, пытаясь предугадать, как Джеймс собирается объясняться с крейсером Флота, который должен был прибыть с минуты на минуту.

Наверное, он оставил Каплин сидеть перед экранами. Она первая заметила появление крейсера, сообщив не без злорадства:

— Это «Нью Морнинг». Флагманский крейсер с адмиралом на борту, его сопровождают шесть кораблей.

— Восемь, — поправил ее Джеймс. — «Чалис» успел выпустить торпеду с сигналом о бедствии.

Судя по голосу, это обстоятельство его совершенно не удручало. Дженсен слышал, как он подошел к пульту связи и принялся быстро выстукивать что-то на клавиатуре.

— Собираешься попросить о помиловании? — спросила Каплин, но уже без иронии.

— Нет. Просто хочу поговорить по прямой связи с одним человеком, — бросил Джеймс через плечо. — С вашим командующим, адмиралом Нортином. — Вскоре послышалось статическое потрескивание экрана, а потом прерывистые позывные, означавшие, что настройка закончена. — Алло, адмирал? Я что, потревожил вас в ванной? — заговорил Джеймс бодро.

Дженсен попытался нарисовать в воображении эту картину — суровый командующий, завернутый в полотенце или в наброшенном на плечи халате. Нет, представить подобное святотатство было выше его сил. Подтянутый, широкоплечий, излучающий энергию — таким ему виделся адмирал Нортин. Тонкие губы высокомерно поджаты. На груди поблескивают ордена.

— Давайте-ка сразу к делу, — произнес адмирал. В голосе проскользнуло удивление.

— И вправду. — Джеймс умолк на секунду. Дженсен отчетливо представил глумливую ухмылку, появившуюся в этот момент на лице пирата. — Мне нужен код безопасности корабля разведывательного класса под названием «Сэйл».

— В настоящее время он задействован в разведывательной операции. — Адмирал уже оправился от смущения, заговорив обычным властным тоном: — Почему именно «Сэйл»?

Вы уже на корабле? — В голосе сквозила угроза.

Джеймс не произнес ни слова. Он просто пробежался пальцами по клавиатуре. Спустя мгновение Дженсен услышал, как щелкнул драйвер считывающего устройства.

— Откуда у вас этот фильм? — Голос у адмирала пресекался.

— От одного вымогателя. Эта пленка влетела мне в копеечку. Но парень оказался чересчур жаден и потому отправился на тот свет. А вот коллекция пленок, как это ни прискорбно, пережила своего владельца. Словом, давайте код «Сэйла», и побыстрее. А не то я начну транслировать через спутниковую связь эти материалы. А из них следует, как вы за взятку согласились отмазать своего протеже от участия в Эглетинской кампании.

— Все это не так просто. — По голосу чувствовалось, что адмирал постарел в один миг.

— Это всегда непросто, сэр, — произнес Мак Джеймс притворно-участливым тоном. И так, он в открытую пошел на шантаж.

То, что адмирала Флота вынуждают пойти на столь недостойный поступок, привело Дженсена в ярость. Он слышал, как старик запрашивает службу безопасности.

Сразу после этого стали передавать коды «Сэйла», и Дженсен с отчаянием отметил, что не пропущено ни одной частоты. Мак Джеймс и на этот раз довел дело до конца. Он может скрутить в бараний рог кого угодно, будь то мелкая сошка или фигура крупного масштаба. За труды свои он получил в распоряжение разведывательный корабль с полной свободой передвижения и мог теперь беспрепятственно бороздить бескрайние просторы Альянса, залетать в любую из шести зон безопасности, избегая ненужных вопросов. «Мэрити» же будет открыто сопровождать его, маскируясь под корабль сопровождения.

Наглость пирата была просто несносна. Дженсен не оплакивал Харриса. Опозоренный генерал вызывал у него некоторое сострадание. Но это чувство не шло ни в какое сравнение со жгучей ненавистью, которую подпитывали уязвленная гордость и осознание того, что на карьере теперь можно поставить крест. Согнутый в три погибели — ящик был бы мал даже для собачьей конуры — Дженсен повел плечами, изо всех сил натягивая ремни. Заставив разжаться и снова сжаться одеревеневшие пальцы, он ухватился за какой-то предмет и на ощупь определил, что это старый ботинок Харриса.

Эти драные ботинки пилот-ирландец надевал в двух случаях — перед боем и когда собирался в увольнение, чтобы предаться своим излюбленным хобби — распутству и пьяным дракам. Носки ботинок были окантованы стальными полосками, и Дженсен принялся яростно водить ремнем о металлическую поверхность, тщетно пытаясь перетереть прочнейшую материю.

А на мостике тем временем кипела работа. Джеймс перевел управление в режим автопилота, потом с виртуозностью аса замкнул контакты, напрямую соединив гравитационные стабилизаторы и аварийные генераторы, и за долю секунды подзарядил батареи. Набрав максимальную мощность, двигатели «Сэйла» в головокружительном скачке преодолели гиперсветовой барьер. На «Нью Морнинге» заметили этот мощный всплеск энергии, но не успели определить его источник. За неимением других версий эту аномалию приписали случайному выбросу обломков с разрушенного ядерного реактора «Чалиса».

Убедившись, что «Сэйл» благополучно улизнул, Джеймс запер Каплин в подсобке за камбузом. Потом вернулся в — кабину. Дженсен не слышал его легких шагов. Он лишь почувствовал переход в обычное временное измерение, после чего Джеймс по радио отдал приказ «Мэрити» следовать за «Сэйлом».

— Я проведу вас через контрольно-пропускной пункт в безопасную зону, как мы и собирались сделать. В системе Аринат наши пути разойдутся. Пока «Сэйл» будет следовать патрульным маршрутом, вы передадите товар и получите деньги. После этого мы встретимся около девятой планеты системы Аринат, на темной стороне ее спутника под названием Кестра. Этот крошечный участок не просматривается системой слежения Синдиката. Но если вы хоть немного ошибетесь при расчете вектора, вас тут же сожгут. Так что будьте осторожны.

Когда контрабандист снова замкнул цепь по обычной схеме, Дженсен на какое-то время оставил попытки высвободить руки. Лихорадочно сопоставляя факты, которые узнал за последнее время, он через некоторое время пришел к потрясающему выводу — Сельскохозяйственная колония поблизости от «Ван Мэра» — не что иное, как прикрытие для форпоста Синдиката, невидимого для Альянса. Очень похоже на то. Система Аринат находится в пределах безопасной зоны Мольпен, в которую корабли заходят лишь после проверки на контрольно-пропускном пункте. Конечно, для шпионов это создает некоторые дополнительные неудобства, но, с другой стороны, разместить форпост в таком тщательно охраняемом месте — это просто ход конем.

Кому придет в голову искать сложное разведывательное оборудование на одном из трех континентов, почти полностью занятых посевами? Наверняка тайну эту берегли как зеницу ока. Захват «Сэйла» был очень рискованной операцией, и все же контрабандисту пришлось на нее пойти, чтобы провести корабль в эту звездную систему и завершить тут свою грязную сделку. Если шпионы Синдиката, засевшие на «Ван Мэре», не очень дорожат своими контактами с пиратом и собираются после передачи товара послать ему вдогонку ракету, то присутствие «Сэйла» при сделке — хорошо рассчитанный ход. Сенсоры «Сэйла», патрулирующие зону, обязательно обнаружат взрывы или плазменные вспышки. Капитан доложит командованию о чрезвычайном происшествии в зоне патрулирования и получит приказ выяснить обстановку. Шпионам Синдиката весь этот шум, разумеется, ни к чему — он чреват провалом. Станции, торгующие с сельскохозяйственными заставами, обычно ведут себя мирно, поэтому надежнее прикрытия не найдешь.

Маку Джеймсу всегда сопутствовала удача потому, что он мог предусмотреть любой, даже самый, казалось бы, неожиданный поворот. Снова принявшись за ремень, лейтенант с невольным восхищением отметил незаурядность противника. Операции Макензи, тщательно отточенные, точно спланированные, замаскированные под случайные совпадения, напоминали изящный танец.

«Сэйл» в руках изменника! Этот чудовищный факт просто в голове не укладывался. Лейтенант отклонился назад, до предела выгнул кисти рук и потрогал ремень. Ни одной ворсинки. Он натянул ремень, чтобы проверить узлы, и понял — его попытки оказались совершенно бесплодны. Он лишь содрал кожу на руках.

Человек, не испытывающий такой жгучей ненависти, наверное, давно бы сложил руки, признав свое поражение. Дженсен же уперся спиной в стенку шкафа и принялся за дело с удвоенной энергией, хотя мышцы уже сводило от перенапряжения. Все несколько часов, пока они летели к Аринату, он не переставая тер ремнем о металлическую полоску на ботинке Харриса. Сначала онемели пальцы, потом запястья и предплечья. Но лейтенант не сдавался. К тому моменту, когда «Сэйл» вынырнул из гиперпространства, на ремне появился едва ощутимый пушок. Лейтенант перевел дух, слушая, как Джеймс корректирует курс и на незнакомом языке переговаривается с агентом Синдиката, действующим на «Ван Мэре».

Согласно переданному приказу, «Мэрити» заняла исходную позицию, собираясь передать кристаллы покупателю. Потребовались долгие годы, чтобы изготовить нуклеокристаллы для интерфейса. Сколько неподвижных тел плавают сейчас в питательном растворе, ожидая, пока им вернут мозг! Каждый кристалл неповторим — чтобы избежать отторжения, их скрупулезно подгоняли к каждому индивидуальному организму. Потерять сейчас эти кристаллы означало лишить последней надежды абсолютно беспомощных людей, мужественно цепляющихся за жизнь. Дженсен потрогал распухшими пальцами едва заметные ворсинки на ремне и понял, что ничего не успеет.

А тем временем в рубке Джеймс проник в коды «Сэйла» и задал обычный патрульный маршрут рядом с Аринатом. Потом установил связь со своим заместителем на «Мэрити». Близилось время передачи кристаллов.

Дженсен закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Вспоминая до мельчайших подробностей жизнь Харриса, он пытался ответить на вопрос: почему пилот неизменно надевал перед дракой именно эти ботинки — ведь не только из-за стальных полосок?

— Хорькам меня живьем не взять — я не такой дурак, чтобы становиться подопытным кроликом, — разоткровенничался как-то раз Харрис за кружкой пива. Шлюхи, с которыми он развлекался, знали, что он носит пистолет в бандаже, натянутом поверх кальсон. Дженсен лихорадочно соображал. Ботинки, которые он носил в бою, укреплены стальными полосками, но при этом у них нет шнурков. Так вот оно что — наверняка Харрис носил нож за голенищем!

Дженсен приподнял кисти рук. Ему мешала задняя стенка шкафа. В шкафу было слишком тесно, и как лейтенант ни выгибался, он не мог ухватиться за верх ботинка, расположенного всего лишь в нескольких дюймах от его запястья. Постанывая от напряжения, он заставлял сокращаться застоявшиеся мышцы. Пользуясь тем, что плечи зажаты между стенкой и дверцей, он мучительно, дюйм за дюймом приподнимался кверху, стараясь откинуться назад. Наконец ему удалось сесть на ботинок Харриса. А тем временем Макензи Джеймс с убийственным хладнокровием руководил из кабины передачей кристаллов.

Дженсен повел рукой и ухватил голенище левого ботинка кончиками пальцев. Не обращая внимания на боль в суставах, он яростно мял и щипал старую, потрепанную кожу. И не нашел там ровным счетом ничего. Едва не плача, лейтенант рванулся и, обдирая кожу на спине, развернул туловище в другую сторону. Потом подтащил к себе правый ботинок. Там оказалось то, что он искал. Это был не нож, а тонкая и острая как бритва металлическая пластинка, вшитая в голенище.

Прошел еще один мучительный час, пока он распорол шов и, вытащив заточку, привалился к стенке, совершенно обессиленный. Судя по звукам, доносившимся из кабины, передача товара завершилась, и Макензи плавно вывел корабль на внешнюю спираль, взяв курс на Кестру.

Дженсен дважды порезался, прежде чем острая кромка пластины уперлась в ремень. Он с трудом удерживал заточку в скользких от крови пальцах. Наконец упрямая ткань поддалась. Дрожа от перенапряжения, он с наслаждением вытащил руки из-за спины и прижал ладони к груди. Теперь нужно подождать, пока Джеймс выйдет из рубки. Вытащив изо рта кляп, Дженсен расправил замусоленный офицерский шарф и обмотал им порезанные руки, а потом, все еще не в силах совладать с ознобом, обливаясь холодным потом, начал действовать.

Открыв задвижку, он неуклюже вывалился на палубу. Ноги подгибались, руки едва слушались. Понимая, что времени ему отпущено совсем мало, Дженсен отчаянным усилием, то перекатываясь, то подтягиваясь с помощью рук, преодолел расстояние до оружейного сейфа. Еще несколько секунд ушло на то, чтобы вытереть руки от крови — иначе сенсор не смог бы считать его дактилоскопические линии. Сейф, щелкнув, распахнулся. Обычное оружие в данной ситуации не очень годилось, и Дженсен выбрал нейробластер, предназначенный для подавления бунта на борту. С бластером в руке он по-крабьи прополз по кабине и замер за переборкой, заслышав в коридоре приближающиеся шаги Джеймса.

Увидев открытый сейф, пират, недолго думая, выхватил пистолет и бросился обратно в коридор, успев нажать на кнопку, закрывающую люк.

Но прежде чем люк закрылся окончательно, в плечо Джеймсу ударил выпущенный лейтенантом нервно-паралитический заряд. Пистолет вывалился из безвольно повисшей руки и, звякнув, упал на палубу, застряв стволом в направляющем желобке люка. Люк заклинило, и остался зазор, достаточный, чтобы Дженсен смог завершить дело.

Еще один удачный выстрел. Второй заряд настиг Мака Джеймса, наклонившегося за пистолетом. Пробормотав что-то нечленораздельное, пират рухнул на палубу и замер.

Дженсен был не в силах сдержать победный крик. Да, он упустил «Мэрити», потерял драгоценные кристаллы для интерфейса, но теперь у него в руках Макензи Джеймс! Взяв в плен опаснейшего контрабандиста, за которым столько лет охотился Альянс, он вдобавок представит неопровержимые доказательства шпионской деятельности Синдиката в пространстве Альянса. Поражение, которое он потерпел на «Чалисе», оказалось лишь

временным.

Сладость победы, сулящей стремительный взлет карьеры, с лихвой окупала те унижения, что он перенес за последние несколько часов. Сжимая пистолет в распухших, окровавленных руках, Дженсен рывком поднялся на ноги. Нужно окончательно обезвредить преступника. Теперь сомнений не оставалось — шпионы, окопавшиеся на «Ван Мэре», перехватывали военные радиogramмы Альянса. Он без лишнего шума уведет корабль из системы Аринат, как будто вообще ничего не случилось. И, развив гиперсветовую скорость, попросит подкрепления. «Мэрити» все еще на свободе. Помощник пирата, оставшийся на борту, поймет, что Джеймс попал в западню. Но не сможет сразу пуститься в погоню, потому что в этом случае обнаружит себя, и тогда по нему откроют огонь с «Ван Мэра». А когда он начнет преследование, будет уже поздно.

Опьяненный победой, торжествующий Дженсен протиснулся через полуоткрытый люк, ведущий к трапу. С мстительным наслаждением отвесив пинок парализованному пленнику, он тут же протиснулся в рубку, чтобы выпустить Каплин из кладовки. Она быстрее него скорректирует курс корабля — наверняка ее пальчикам с ярким маникюром пришлось не так худо, как его собственным. С трудом ковыляя на онемевших ногах, Дженсен размышлял, что же ему делать дальше. Осмотрев истерзанную форму, он вспомнил о парадном кителе, висевшем в шкафу, — интересно, не осталось ли на нем пятен крови?

После контрольного выхода в эфир в 17:00 прапорщик Каплин покинула рубку и, скрестив ноги, поплыла по тускло освещенному коридору к шлюзовой камере. Она вовсе не разделяла ликование Дженсена. Забыв о растрепанных волосах, прапорщик с угрюмым видом соскребала эмаль со сломанного ногтя. И мысли ее снова и снова возвращались к адмиралу Нортину с безупречным послужным списком, но далеко не безупречным прошлым. Вся ее будущая карьера теперь поставлена под сомнение из-за того, что она, сама того не желая, увидела компрометирующую запись. Только такой болван, как лейтенант, полагает, что адмирал обрадуется пленному, который сидит сейчас в шлюзовой камере. Ведь свидетелями адмиральского позора стали члены экипажа небольшого разведывательного корабля. Каплин понимала — Макензи Джеймс так никогда и не предстанет перед судом. Скорее всего он погибнет в результате несчастного случая или кто-то нажмет на нужные рычаги, чтобы освободить его. Джеймс давно бы попался, не будь у него высокопоставленных покровителей. Слишком уж многое он себе позволял.

Каплин с силой вонзила ноготь, сковырнув кусочек сиреневого лака. Итак, Дженсен — наивный идеалист и дурак, а Нортин — человек, загнанный в угол. Нетрудно догадаться, кто из них уцелеет, когда вся эта грязь полезет наружу.

Деликатное постукивание по воротам шлюза прервало размышления Каплин. Вздвогнув, она подняла глаза и увидела сквозь маленькое овальное окошко изможденное лицо Макензи Джеймса, плавающего по камере. Руки пирата были связаны за спиной, и, чтобы постучать, ему пришлось зажать в зубах ручку, лежавшую в нише для служебных бумаг.

— Проклятие! — вполголоса пробормотала Каплин, ноготь сорвался и вонзился в мякоть пальца. Посасывая поцарапанный палец, она оттолкнулась от пола и, все так же со скрещенными ногами, подлетела к окошку и стала рассматривать Джеймса через стекло.

— Что тебе нужно?

«Уж, наверное, не горло промочить!» — подумала она. Как правило, после парализующих наркотиков у людей возникает именно такое желание.

Мак Джеймс выплюнул ручку.

— Поговорить, — коротко ответил он, эхо разнесло его голос по пустой камере. Он повел плечами, натягивая ремень, которым его связал Дженсен. Такие путы и бык не разорвет. Каплин развела ноги и оперлась о ворота шлюза, ухватившись за раму.

— А стоит ли мне тебя слушать?

Джеймс ухмыльнулся. Лоб покрывали ссадины — наверное, кожа содралась, когда лейтенант волок его к шлюзу. На скуле красовался синяк.

— Думаю, тебе это не помешает. — Он встряхнул головой, отбросив спутанные волосы со лба, и добавил: — Не хотелось бы, чтобы меня отдали на милость адмирала.

— Решил взять быка за рога, — поджав губки, прокомментировала Каплин.

— Как всегда. — Усмешка исчезла с лица Джеймса. Прапорщик взглянула на свой большой палец со сломанным ногтем, элегантно движением выпрямилась и дотронулась до кнопок на пульте слева. Ворота шлюза открылись, и струя холодного воздуха вырвалась из пустой металлической камеры, задувая под комбинезон. Она зябко поежилась.

— Выкладывай поживее! Я все-таки не уверена, что мне следует тебя слушать.

— Напрасно. Я могу добиться твоего перевода на другой корабль. В другое соединение, под командование другого адмирала и с относительно чистым послужным списком.

Каплин внимательно посмотрела на него. Связанный по рукам и ногам, не имея возможности распрямить могучие плечи, пират, казалось, не испытывал ни малейшего неудобства. Спокойствие читалось в его серовато-стальных глазах. И абсолютная уверенность в себе. Заметив шрам над сонной артерией, Каплин перевела взгляд ниже и оценивающе посмотрела на ржавые пятна на комбинезоне — наверняка Джеймс снял его с какого-нибудь механика на «Чалисе». Этот человек повидал смерть с разных сторон. И теперь, когда пришел его черед умирать, не упал духом.

— Ты должна отпустить меня на Кестру, у меня там назначена встреча, — сказал пират почти безразличным тоном.

Каплин сразу, бросилось в глаза, что Джеймс слишком уж спокоен. Глядя на этого человека, просто не верилось, что за ним тянется длинный шлейф преступлений. Чувствуя на себе пристальный взгляд его серых глаз, Каплин погрузилась в раздумья, нервно постукивая по перилам. Странно, что контрабандист Макензи не застрелил вместе с Харрисом и остальных членов экипажа. Держа на коротком поводке адмирала, он вполне мог вести корабль в одиночку.

На гладких щеках Каплин проступил слабый румянец. А Джеймс словно читал ее мысли:

— Я не убил Дженсена, потому что он еще пригодится. Его одержимость ценна тем, что это неподдельное чувство. Человеческая ненависть всегда надежнее, чем самые хитроумные планы.

У Каплин сузились глаза.

— Кто ты такой? — резко спросила она. — Или скажешь правду, или разговор закончен.

Мак Джеймс испытующе взглянул на нее. И теперь в его глазах не было ни ребячества, ни ожесточения, одно лишь желание понять собеседника.

— Я работаю на спецслужбы, — сказал он, и лицо его вдруг напомнило ей изъеденный временем кусок гранита. — Но список моих преступлений подлинный. Если меня будут судить, то впечатают на полную катушку. И никто не станет меня вывозить. По законам Альянса я контрабандист, изменник и вымогатель. Потому я и стал агентом Альянса, выведывающим планы халианцев, а теперь и стоящего за ними Синдиката. — Бесконечная усталость сквозила в голосе Джеймса. Он старался говорить бесстрастно, но не мог справиться с охватившими его чувствами. — Иногда требуется раскусить плохое яблоко, чтобы узнать, что оно из себя представляет. Через выживших на «Сэйле» офицеров Флот сможет выйти на шпионскую базу, которая в качестве прикрытия использует «Ван Мэр». «Мэрити» не вовлечена в это, я сохраняю свою крышу, а лучшее разведывательное подразделение Синдиката попадет в сети контрразведки. И никто из шпионов не заподозрит, что они под колпаком.

Каплин поняла — он не вымаливает себе жизнь. Он просто вызывает к ее лояльности на более высоком уровне — к лояльности всему роду человеческому. Просит подняться над узким пониманием долга, ограниченного буквой воинской присяги. И еще Каплин поняла его невысказанную угрозу. «Мэрити» по-прежнему на свободе, «Сэйл» же находится в

пустынном районе, вдали от крейсеров и станций Флота. Всем известно, что спецслужбы не гнушаются ничем, дабы оградить свои операции от постороннего вмешательства.

— Нет! — резко тряхнул головой Джеймс. — Гибсен не станет нас преследовать. Он не посмеет нарушить мои приказы. Даже чтобы спасти меня от суда. Базы Синдиката — вот главная цель, ради которой мной можно пожертвовать.

— Проклятие! — прошептала Каплин и прикусила губу. — А как же нуклеокристаллы для интерфейса? И кто виноват в уничтожении станции «Чалис»? — Голос ее гулко звучал в холодной пустой камере.

Джеймс отвел взгляд. На беспощадном лице пирата промелькнула тень сострадания.

— Проданные нами кристаллы — настоящие. Тридцать слитков серебра должны были доказать присутствие противника в этом районе. Что же касается персонала «Чалиса», то эти люди дрались мужественно и, защищая станцию, пошли на смерть.

Судорожно втянув в себя воздух, Каплин нажала на кнопку, управляющую шлюзами, и ворота с шипением закрылись, оставив контрабандиста в холодной космической камере, наедине со своей больной совестью.

— Будь ты проклят, — вполголоса сказала она. — Провались ты в преисподнюю. — Ей вдруг захотелось сделать что-то обыденное, привычное — выпить кофе, к примеру, чтобы справиться с бурей, бушевавшей в ее душе. Помогая Джеймсу ради высших интересов Альянса, она совершила поступок, однозначно квалифицирующийся как государственная измена. Проплывая в направлении камбуза, она подумала о том, что Дженсен растерзает ее за такое.

Лейтенант Дженсен проснулся с тревожным предчувствием, уловив непонятные перемены в вибрации корабля. И тут же понял — «Сэйл» прервал гиперсветовой полет и включил гравитационные двигатели. Лейтенант взглянул на хронометр, и самые страшные опасения его подтвердились: «Сэйл» изменил курс. Дженсен спрыгнул с подвесной койки, влез в первый попавшийся комбинезон — судя по вьевшемуся запаху пота и пива, это был комбинезон Харриса — и стремглав помчался к мостику.

Первое, что бросилось ему в глаза — опустевшее пилотское кресло. Данные, мерцавшие на экране автопилота, подтвердили его догадку — произошла ужасная вещь. Плавно набирающий скорость «Сэйл» уже покинул систему Аринат. За кормой зловеще темнела изрытая кратерами каменная громада, которую какой-то давно забытый картограф окрестил Кестрой.

Дженсен даже выругаться не смог — он задыхался от ярости.

Сбежав по трапу, он помчался по узким коридорам.

Вот наконец и шлюзовая камера. Там он и застал Каплин, плавающую в воздухе, скрестив ноги, скручивая ремень, которым еще недавно был связан Макензи Джеймс. Лицо мокро от слез. Из камеры бесследно исчез скафандр механика, предназначенный для работ в открытом космосе, а вместе с ним и бандит, отправивший на тот свет прежнего владельца скафандра, а потом с его помощью угнавший корабль.

— Господи, Капи, зачем ты его отпустила? — Голос лейтенанта не сулил ничего хорошего.

Прапорщик вздрогнула и подняла на него испуганный взгляд.

— Сэр! Он из спецслужб и воюет на нашей стороне.

Эти слова окончательно взбесили Дженсена.

— Черт бы тебя побрал, девчонка! Да второго такого прохвоста во всей вселенной не сыщешь. Наврал тебе с три короба, а ты и уши развесила! Он самый обыкновенный предатель, а ты пешка в его руках! — Мысли вихрем проносились в голове у Дженсена. Конечно же, будет расследование по поводу гибели Харриса. На суде, под перекрестным допросом, неизбежно всплывет убогий план поимки пирата на «Чалисе», и тогда карьере конец. Оценив положение, лейтенант стал действовать, словно зверь, загнанный в угол. Одну за другой нажал на пульте зеленую, желтую и оранжевую кнопки. Ворота шлюза с шипением закрылись, и стальной лист приглушил отчаянные крики Каплин. Загорелись лампочки,

предупреждавшие о возможности выброса в космос. Однако сирена молчала. Каплин отключила ее, чтобы отпустить Макензи на назначенную встречу.

В наступившей тишине до него отчетливо доносились ее мольбы:

— Дженсен! Послушай! Самой полезной своей пешкой Макензи считает тебя. — Каплин оттолкнулась от стены и принялась отчаянно барабанить изящными ручками по внутренним шлюзовым воротам. — Мы могли бы остановить Джеймса, если бы действовали вдвоем. Лишись Макензи своего прикрытия — работы на спецслужбы, он не сможет больше оправдывать свое пиратство благими целями. Жаль, что ты не видел его лица. Его просто совесть замучит.

Губы Дженсена застыли в какой-то ледяной усмешке. Ни малейшей жалости, ни малейшего колебания не испытывал он в тот момент, когда нажал на красную кнопку выброса. Неудовлетворенные амбиции — вот что всегда двигало лейтенантом. Воздух хлынул наружу сквозь отворившиеся внешние ворота, унося с собой бездыханное тело Каплин, осмелившейся обратить его триумф в поражение.

Кабинет адмирала Нортина на «Нью Морнингге» потрясал своей огромностью и пустотой. Возле двери на массивной металлической скамье расположился Дженсен в парадной форме. Он смотрел прямо перед собой, борясь с искушением еще раз полюбоваться своим белоснежным кителем, с которого пришлось выводить пятна крови. Лейтенант напряженно ожидал, наблюдая, как адмирал перелистывает холеными пальцами страницы его рапорта.

Обстоятельства происшествия излагались довольно подробно. Державший курс на станцию «Чалис» разведывательный корабль «Сэйл» напал на след контрабандиста, похитившего кристаллы, предназначенные для создания искусственного разума. Лейтенант, командир корабля, отправился вслед за космическим пиратом Макензи Джеймсом на станцию «Ван Мэр» в системе Аринат. Записи, лежавшие на столе у адмирала, содержали неопровержимые доказательства того, что в данном районе находится шпионская база Синдиката. Момент, когда Джеймс передавал товар агентам шпионской сети на «Ван Мэре», был записан на пленку. «Сэйл» вначале придерживался обычного маршрута патрулирования, а затем начал преследовать «Мэрити». В завязавшейся перестрелке был сильно поврежден мостик «Сэйла», при исполнении служебного долга погибли пилот и прапорщик. А Дженсен — единственный уцелевший член экипажа, сумел довести корабль до базы.

Адмирал закончил читать и бросил колющий взгляд на безукоризненно одетого лейтенанта, сидящего напротив. Он не стал высказывать вслух очевидное — хотя данные о шпионской базе Синдиката и соответствуют действительности, события разворачивались совсем не так, как изложено в рапорте. Ни Дженсен, ни адмирал не хотели, чтобы запись эта подверглась детальной проверке. Дженсен поставил на карту свое будущее, уверенный, что адмирал Нортин обладает достаточной властью, чтобы изъять, подменить или просто стереть все записи в бортовом журнале и на контрольно-пропускном пункте, сделанные, пока «Сэйл» летел от «Чалиса» до системы Аринат. Дженсен делал ставку на то, что запись, свидетельствующая о его собственных преступлениях, одновременно содержит компромат и на самого адмирала. Лишь то обстоятельство, что у адмирала тоже рыльце в пушку, могло спасти его от военного трибунала и расстрела.

Прошла минута, нескончаемая, как вечность. На суровом, словно высеченном из гранита лице адмирала не отразилось никаких чувств, когда он наконец огласил свое заключение.

— Молодой человек, — сказал он с кислым видом, — за проявленную смелость и обнаружение шпионской базы Синдиката вы будете представлены к награде и повышены в звании. После чего вас переведут в соединение адмирала Дуэйна, и — я уверен в этом — мы больше никогда не увидимся.

Интерлюдия. КАВАЛЕРИЯ

Политика Синдиката в отношении эксплуатации местных жителей зачастую была жестокой больше в теории, чем на деле. Полезно иметь здоровое и производительное население. К тому же главы семейств не пренебрегали значением жадности как мощного побудительного мотива. Однако существовала раса, слишком ценная, чтобы ее эксплуатировать. Когда ваше содружество нуждается в защите, вы ищете расу, способную защитить ваших лидеров. Когда вы занимаетесь производством, вы находите расу, пригодную для промышленных работ. А если собираетесь ввязаться в военный конфликт, то вам нужна раса, способная на фанатичную преданность и беспредельную отвагу.

Среди нескольких сотен миров, входивших в состав Синдиката, имелось почти сто негуманоидных рас. В большинстве случаев такие расы считались непригодными для эксплуатации, и за их планетами велось лишь поверхностное наблюдение для того, дабы не возникало опасности для миров Синдиката. Никогда нельзя сказать, какая раса может оказаться полезной в будущем. С расами, которые начинали представлять угрозу, быстро «разбирались». Иногда более эффективным средством считалась эпидемия, иногда — бомбардировка из космоса.

Культура, существовавшая на планете Косанц, соответствовала земному бронзовому веку. Будучи потомками созданный, являвших необычное сочетание стадных и всеядных животных, напоминавших кентавров, существа с Косанца были наделены фанатичной преданностью своему роду и столь же фанатичной жестокостью. Когда их расу выбрали в качестве вероятного кандидата для «разборки», их ценность в грядущей войне была признана семейством Флейшей.

Флейши не относились к пятнадцати семействам, Отцы которых разделяли абсолютную власть над Синдикатом. Они принадлежали к двум дюжинам более мелких семейств, чья собственность редко превышала одну планету.

Двумя столетиями раньше существовало более четырех дюжин таких небольших семейств и десятков крупных. Из двух дюжин, претендовавших на более высокий статус, преуспело пять, а остальные были полностью истреблены. Среди тех, кто претендовал на усиление влияния, семейство Флейшей считалось наиболее вероятным кандидатом. Правящие Отцы семейства Флейшей считали, что с помощью Косанца им удастся добиться этого. Фигурально выражаясь, они собирались въехать в эпоху процветания верхом на жителях Косанца. Семейство, контролирующее отборные пехотные войска Синдиката, не могло не стать великим.

Флейши действовали осмотрительно и терпеливо. В течение десятилетий они вели торговлю с кентавроподобными существами. Более пяти лет обрабатывались главы кланов Косанца. Поскольку представители семейства Флейшей были способны предложить предметы роскоши и другие товары, технология производства которых намного превышала примитивные возможности жителей Косанца, они стали доминирующими фигурами в культуре этой планеты. Используя любовь местного населения к войнам, Флейши в течение двух лет захватили этот мир. Нетрудно быть блистательным полководцем, располагая данными, получаемыми со спутников, и используя высокотехнологичное оружие. Вскоре люди были признаны бесспорными лидерами всех кланов Косанца. Сомневающиеся уничтожались или уходили в подполье. Подавляющее большинство воинов Косанца было фанатично предано военным советникам Флейшей. Бойцы были готовы отдать за них жизнь. Принимая присягу, каждый воин Косанца получал кинжал из закаленной стали и значок с изображением герба семейства Флейшей — символы верности. Они бы предпочли скорее умереть, чем лишиться их. Все были готовы не щадя жизни броситься в атаку по первому приказу.

Джоди Лин Най. МЕНЯЙ ПАРТНЕРОВ И ТАНЦУЙ

Вооруженные халиане прижались к переборке истребителя «Колин Пауэлл». Выставив вперед когтистые лапы, хорьки свирепо рычали на десантников, нервно похлопывая по

предохранителям лазерных ружей.

Командир хорьков что-то яростно прошипел. Высокий нидиец в ярком оперении перевел:

— Не пытайтесь следовать за нами, — нидиец говорил на стандартном языке Альянса с ужасным акцентом. — Вы, голокожие, нам не нужна ваша помощь. Мы сами уничтожим предателей.

Халиане метнулись к открытому люку подъемника, ведущего к шлюзовому отсеку. С тоской взглянув на своего сержанта, десантники кинулись следом.

«Колин Пауэлл» следовал туда, где в последний раз видели знаменитого халианского пирата капитана Гудхарта. После трудной гонки, продолжавшейся почти тридцать часов, «Колин Пауэлл» настиг корабль, преследовавший пирата. Командовал этим кораблем легендарный адмирал Лоэнгрин Сэйлс, и эта охота, похоже, оказалась для него последней. Датчики однозначно свидетельствовали — осколки, кружившие вокруг «Коллина Пауэлла», принадлежали кораблю Флота и еще какому-то судну. Характерные включения говорили о том, что последнее было изготовлено из материалов, производившихся на верфях как Альянса, так и Синдиката. Очевидно, корабль Флота и пиратское судно уничтожили друг друга.

Достигнув этого района, «Колин Пауэлл» прежде всего занялся исследованием местной звездной системы. Следовало разыскать пристанище пиратов. По данным телеметрии, жизнь обнаружена на трех планетах из десяти и на двух спутниках, обращающихся вокруг желтой звезды. Для того, чтобы выработать оптимальный план действий, требовалось время. А потому десанникам оставалось только оттачивать свое мастерство, ждать и пытаться наладить дружеские отношения со своими новыми союзниками — подразделением халиан.

— Послушай, Блитван, достаточно уже того, что нам приходится сотрудничать с вами, вонючими комками шерсти, — жаловался сержант Шилитоу по кличке Тарзан. — Но ты еще без всякой надобности стремишься провалить учения, оспаривая любой приказ.

Переводчик-нидиец протягивал слова сержанта по-халиански, и хорьки ошетинились. Высокий сержант уже начал жалеть о том, что распорядился снабдить этих пройдох лазерными ружьями для проведения учений. Ему казалось, что рано или поздно эти болваны попытаются поднять мятеж или учинят еще что-нибудь столь же нелепое. Прошло совсем немного времени с того момента, как дежурный офицер объяснил халианам, как пользоваться подъемниками, обеспечив им тем самым доступ во все помещения корабля за исключением технических служб, арсенала и мостика. Сделано это было для того, чтобы хорьки не чувствовали себя запертыми в каютном отсеке. Халиане быстро освоились и столь же быстро обнаглели. Психиатры были, вероятно, правы, когда утверждали, что халиан можно напугать до смерти, но они никогда не посмеют показать, что им страшно. Корабли Альянса оставались для хорьков чужими, здесь их окружали враги, обладавшие неограниченной огневой мощью. Но даже самый закаленный и выносливый халианский воин должен когда-то спать. И сейчас эти вояки начали проявлять признаки усталости.

Блитван прорычал несколько фраз, и нидиец поспешно повторил его слова на сокращенном стандартном.

— Не стоит строить иллюзий. Устранить подлых воров из нашего племени — это дело чести, и мы не желаем вас вмешивать.

— Твое верховное руководство приказало тебе служить мне, — медленно и отчетливо произнес Шилитоу.

Он приблизился к Блитвану и с яростью посмотрел в горевшие злобой глаза предводителя халиан. Блитван был не слишком крупным для халианина, но достаточно задиристым.

— Я отвечаю за эту миссию, и ваши подразделения будут действовать так, как я сочту нужным. В противном случае десантного скутера вам не видать, а если вам все же удастся проникнуть на его борт, кислородного оборудования вы не получите.

Нидиец заколебался, опасливо спрятав клюв в нагрудное оперение.

— Переводи, черт возьми! — прорычал Тарзан. Его голос гулким эхом прогремел в металлическом шлюзовом отсеке.

— Он понимает вас, — быстро вмешался военный врач, доктор Мак Дален, наблюдавший за выражением лица халианина. — И еще кое-кто из них. Они немного знают стандартный язык.

— Тогда зачем он нам нужен? — Тарзан ткнул пальцем в дрожащего нидийца.

— Попрош чешти, — неожиданно зашепелявил Блитван на стандартном. — Я лишен другого моего окрушения, но я требую шоблюдения некоторых моих привилегий. Я буду ражговаривать ш вами на вашем языка, пошкольку этого шелает мое руководство. Но я протештую против унижительного отношения.

Тарзан с трудом сдержал улыбку. Блитван страшно шепелявил из-за своих огромных передних зубов. Парни из подразделения «Гориллы» открыто ухмылялись.

Когда пришел общий для всех приказ о том, что Халия сдалась и стала теперь частью Альянса, он вызвал недоверие и ярость всего личного состава Флота. Как могла Халия, бывшая злейшим врагом Альянса, неожиданно перейти на их сторону? Это казалось совершенно невероятным. Психиатрам медицинской службы пришлось заняться анализом ночных кошмаров тех десантников, что оказались не готовы принять новую ситуацию. Каналы связи были забиты протестами представителей Совета Альянса.

Но приказ оставался приказом. От личного состава Флота требовали, чтобы новых братьев по оружию встречали если не дружески, то хотя бы без явной враждебности. Интендантские службы занимались уничтожением гор внезапно обесценившихся военных трофеев: шуб из хвостов халиан, ковриков из их кожи, покрывал для кресел и других, еще более необычных предметов. Джордану из отряда «Горилл» пришлось спешно прятать свою коллекцию ушей, никто в мире не смог бы заставить его сжечь ее.

«Гориллам» было немного легче приспособиться к халианам как к союзникам, чем большинству десантников. Их опыт на Цели и то, что последовало в дальнейшем, сделали этот шаг естественным, хотя и не легким. Психологи выслушивали «горилл» по очереди в течение нескольких дней и объявили, что они готовы для ведения совместных действий в любой момент, когда это потребует командование. Коллеги дразнили Шилитоу за хорошее отношение к халианам и предрекали, что вероломные хорьки предадут его в самый ответственный момент. Тарзан не обращал на насмешки никакого внимания и старался относиться к нынешней работе как к самому обычному делу. В душе он гордился своими парнями за то, что они контролировали ситуацию лучше, чем другие подразделения.

Техник Пирелли и доктор Мак Дален провели много часов в лаборатории звукозаписи, обучая личный состав отдельным фразам халианского языка, в основном военным приказам и вопросам о самочувствии. Пирелли поменял свое мнение о хорьках после того, как халианские добровольцы, рискуя собой, спасли его, когда он был ранен на Цели. Некоторые «гориллы» были более восприимчивы к урокам, чем другие. Например, Сокота даже привязался к халианскому детенышу, которого он подобрал во время одной из операций.

— Как насчет ругательств? — зычно осведомился Доккерти, перекрывая голоса остальных десантников, старательно воспроизводивших визги и шипение. — Мы хотим знать, как они обзывают нас. Вы видели Блитвана.

— Да, это правда, — ответил Пирелли. — Он спросил: «Почему вас зовут гориллами? Разве не все люди гориллы?» Несчастный хорек. Интересно, почему мы сами любим оскорблять, но терпеть не можем, когда обзывают нас?

Доккерти не унимался:

— Вы же знаете, что мы не будем жить с ними душа в душу. Я хочу иметь возможность отвечать им должным образом. Это могло бы способствовать снижению напряженности.

Инструкторы переглянулись. Это было разумное требование. Конечно, халиане не могут в один присест превратиться из врагов в союзников. Мак пожал плечами и с разрешения Шилитоу запустил программу для подбора халианских эквивалентов фраз типа «пошел ты к такой-то матери».

В результате обучения десантники смогли кое-как понимать, о чем там ропщут хорьки. Ропот усилился, когда Блитван с недовольным видом выслушал приказ сержанта Шилитоу и велел своим воинам покинуть кабину подъемника.

— Но я не шоглашен на жвание проштого шолдата, — прошипел Блитван, когда к нему приблизились люди.

— Доккerti является моим заместителем, — заявил Шилитоу. — Вы с ним будете иметь равные звания. — Любезно улыбнувшись. Доккerti небрежно отсалютовал злобно глазевшему на него халианину. — Устраивает? Хватит болтать. Я возвращаюсь в лабораторию звукозаписи. Можете присоединиться ко мне, если хотите. Или вздремнуть. Не стесняйтесь. Все свободны.

Через несколько часов телеметрическая аппаратура указала на возможный объект в звездной системе, интересующей «Колин Пауэлл». Четвертая планета имела азотную атмосферу и гравитацию 0,9 «g». Она была населена: датчики обнаружили более сотни живых существ.

— Среди них есть гуманоиды, — объявил Дален, считывая данные, пробежавшие по экрану, встроенному в стол в кают-компании.

— Нам давно известно, что им помогают люди, — отозвался Шилитоу, водружая ноги на стол рядом с недопитой жестянкой пива. — Вспомните того уродливого коротышку, того крысеныша; как его там звали? Должны быть и другие. А сколько халиан? Командование считает, что их не может быть слишком много, вряд ли больше сотни. Но даже это слишком много для нашего подразделения. Я заявил протест капитану Слайну, но он по-прежнему считает, что разумно высаживать подразделения с промежутками в тридцать минут. Он уверен, что потери при этом будут минимальными. Похоже, на офицерских курсах его пичкали таблетками глупости. Подобный график погубит нас.

— Не могу понять остальные данные, — Мак продолжал изучать цифры на экране. — Кровяное давление и температура тела соответствуют халианским, но данные о массе совершенно ошибочны. Они слишком велики.

— Наверное, сбой в программе, — протянул Шилитоу, глянув на экран. — Потеря десятичной точки или что-то в этом роде. Запросите уточнение. Готов спорить, эта железка считает, что люди весят по пятьсот килограммов каждый.

Мак забарабанил по клавиатуре, на экране появился график.

— Внимание, внимание! — раздался мелодичный голос офицера связи. — Приближаемся к орбите. Группам высадки занять места в шлюзовом отсеке.

Тарзан залпом проглотил пиво и поднялся.

— Отлично, ребята, — прорычал он, и его раскатистый голос разнесся по комнате отдыха, заглушая звуки электронных игр и звон посуды. — Все, как на учениях! Марш!

В операции должно было участвовать три подразделения, командовать назначили капитана Слайна. «Гориллы» входили в подразделение А, выдвинутое вперед. Следом двигались два подразделения, полностью состоящие из десантников-людей. Задача «горилл» состояла в том, чтобы защитить командный пункт, максимально быстро уничтожив средства связи, и удержать противника до прибытия второго, и третьего подразделений. Халиане должны были помочь Шилитоу выявить и захватить главарей.

В скауте халиане с подозрением наблюдали за людьми, облачившимися в скафандры. На каждого халианина приходилось по два десантника, и это обстоятельство вызывало у хорьков неуверенность. Блитван наотрез отказался от скафандров, приготовленных для его группы, утверждая, что они лишают его воинов подвижности. Вместо этого им выдали медицинские браслеты, заплечные кислородные аппараты и наушники, являвшиеся устаревшей версией шлемофонов. Мохнатые уши халиан всякий раз подергивались, когда раздавался сигнал вызова.

— Как они узнают, куда мы направляемся? — спросил Залет, помощник Блитвана. — Их поэты, насколько я знаю, не используют магических заклинаний.

— Безмолвная молитва, — быстро прошипел Блитван. — Держи свои глаза и уши

открытыми так, как и подобает храброму воину, и мы сможем вернуться в родной мир.

Звуковые датчики донесли каждое слово до Шилитоу и его товарищей, десантники обменялись настороженными взглядами.

Скутер врезался в землю, опалив небольшой лесок и частично погрузившись в мягкую почву. Теплый, благоухающий воздух был подпорчен резким запахом промышленных выбросов.

— Должно быть, эти пираты ремонтируют или производят здесь какое-то оборудование, — проворчал Шилитоу. — Следовало бы разузнать, что они там делают. Мне не нужны лишние разрушения. Теперь по порядку. Вперед! Первый! Второй! Третий!

По команде сержанта десантники и халиане выпрыгивали из люка, держа наготове оружие.

— Загасите пламя, пока пираты не заметили дыма! — крикнул Тарзан, указывая на деревья, загоревшиеся при торможении скутера. Два десантника бросились выполнять приказ, прихватив ручные огнетушители.

Скутер приземлился на уединенном горном крыже. Солнце сияло над горами, мешая разглядеть десант возможному наблюдателю, затаившемуся в лесистой низине. Близился вечер. Вдали постепенно зажигались огоньки.

— Местные жители вряд ли ждут нашего появления, — сказал Эллис, шаря по кустам инфракрасным биноклем. — У них не должно быть современных систем слежения.

— Предатели не заслуживают того, чтобы иметь первоклассное оборудование, — прошипел Блитван.

— Мне кажется, хорьки действительно слишком много воображают о себе, — проворчал Верди.

Земля под ногами была мягкой и рыхлой. Каждый шаг поднимал в воздух маленькое облачко коричневой пыли. Сила тяжести здесь была заметно слабее, чем на кораблях Флота. Джордан без усилия подбросил вверх свою тяжелую плазменную пушку и поймал с довольной улыбкой. Макс забросил вторую пушку себе за спину и зашагал за Джорданом вниз, к долине. Доккerti подозвал кивком головы своих снайперов и развернул их веером в леске. Шилитоу одобительно кивнул.

— Если придется схватиться врукопашную, включите гравитационные сапоги. Я не хочу, чтобы вас расшвыряли, как щенков, не забывайте — вы здесь весите гораздо меньше.

Расстегнув кобуру лазерного пистолета. Мак Дален принялся и огляделся. Будучи врачом, он не имел боевого опыта, но доктор обладал жизнерадостным характером и острой наблюдательностью. Шилитоу мог положиться на него почти в такой же степени, как на своих «Горилл».

Халиане, сбившись в кучу в хвостовой части скутера, не отрывали глаз от расстилавшейся внизу долины, что-то рыча друг другу и не обращая внимания на приказы сержанта.

— Что с вами стряслось? — рявкнул Шилитоу Блитвану.

Вперед выступил нидиец-переводчик.

— Я хочу слышать объяснения от него. — Сержант ткнул пальцем в предводителя хорьков.

— Здесь не пахнет халианами, — настороженно твякнул Блитван, — здесь что-то другое.

— Объясни. И говори потише, в твои наушники встроено устройство связи.

— Огни слишком яркие, и их слишком много при таком светлом небе.

— Может, пираты захватили колонию людей? — предположил Эллис.

— Нет, — возразил Шилитоу. — В этой системе нет колоний Альянса. — Он снова встревоженно подумал о том, что капитан ослабил их силы, раздробив без необходимости войска. Действуя в незнакомой ситуации, подразделениям следовало бы свалиться с неба одновременно, как снег на голову. Он поспешил в начало колонны и занял место позади Юты, исполнявшей обязанности наблюдателя. Задав азимут телеметрической аппаратуре,

она зашагала вперед.

Десантники начали бесшумно спускаться по склону горы, стараясь держаться в тени кряжа. Ветер донес слабый запах кухни и отдаленное мычание. Тихо шелестела трава.

— Приятное местечко, — неожиданно произнес Дален из конца колонны.

— Но не халианское, — прошипел Блитван по радиосвязи. — Смотрите.

Выйдя из леса, они оказались примерно в трети пути от нижней точки долины. Вскоре отряд достиг загонов для домашнего скота и больших, напоминавших ангары строений, внутри которых различались контуры металлических механизмов и квадратные брикеты сушеной травы.

— Халиане этим не занимаются, — согласился Шилитоу. — Значит, это лавочка людей. Но откуда они здесь? Колония людей-беженцев на границе халианских владений? — Он изменил частоту передачи и прислушался. — Подразделение В? Подразделение С? — Он отключил связь. — Никто из них еще не приземлился. Нет никого в пределах досягаемости. Черт побери, это ненормально!

Через несколько сотен ярдов они оказались около приземистых деревянных домов, стоявших на прогалине. Дома располагались очень близко друг к другу, вдоль улицы тянулся общий огород, заросший невысокими растениями, увешанными плодами. Имелись там и связанные попарно шесты, густо увитые лозами.

В центре маленькой колонии располагалось высокое белое здание, сложенное из местного камня. Окна начинались только со второго этажа, а над квадратной центральной башней с зарешеченным окном высился лес спиральных антенн.

— Готов спорить, это здесь, — заявил Верди. — Мы либо найдем наших пиратов здесь, либо вообще не найдем.

Они осторожно двинулись по скользкой глинистой тропинке, которая вывела их в центр деревни. Дорожки между домами были хорошо утопаны. Влажные места то там, то здесь были заботливо посыпаны гравием. Деревянные стены свидетельствовали о старости домов. Бревна были в пятнах сырости, а торцы рассыпались в труху. Все двери смотрели на белое здание.

— Какая-то странная планировка. Из этого дома существует только один выход.

— Он построен давно, — сказал Мак. — Может быть, пираты нашли убежище у людей? Или восстание готовилось намного раньше, чем мы предполагали?

— Зачем вам или нам такие большие двери? — прошипел Блитван, раздраженный необходимостью отвечать на слова еще одного подчиненного Шилитоу. — Посмотрите, они двойные и распахиваются наружу в виде двух вертикальных секций.

Внезапно из-за широких ворот доносится топот.

— Ночная стража! Прячьтесь!

Десантники едва успели укрыться в тени, когда в воротах появилось шесть стражников. Охрана прошествовала мимо башни, на несколько мгновений оказавшись в круге света старого фонаря. Шилитоу облегченно вздохнул.

— Да, это люди, — сообщил он по связи. — Сколько их?

— Не знаю, — пожаловалась Юта. — Может, еще один, а может, и десятки. Эти белые стены экранируют сигналы. — Она вертела в руках универсальный сканер.

— Синдикат! — возбужденно передал Эллис по закрытому каналу Шилитоу, изучив приближавшихся людей. — Я помню, как показывали эту форму на инструктажах. Но что это за значки? Красный прямоугольник, пересеченный по диагонали синей «Х». Я не помню это семейство.

— Сержант, они идут прямо на нас. Должно быть, они знают, что мы здесь, — торопливо предупредила Юта.

— Неплохо для скрытного приближения. Юта, у них есть с собой какое-нибудь оборудование?

— Нет, сержант.

— Значит, рассчитывают на визуальный контакт. Приготовьтесь к отступлению. Нам

следовало изучить эту территорию, прежде чем затевать здесь драку. Блитван, веди своих людей, гм... да, людей за нами.

— Понял, — пробормотал халианин в свое связное устройство. — Кто там?

— Люди.

Блитван крался за Шилитоу в сопровождении своих десятерых халиан. Стражники прошли в футах от него и свернули налево на тропу.

— Но это люди Синдиката! — Его маленькие глазки замерцали красным огнем. Он повернулся к своим воинам и издал боевой клич. Воины ответили и кинулись к приближавшимся людям. Нидиец бросился за ними, хлопая оперенными верхними конечностями и пронзительно вереща.

— Что он делает! Блитван, вернись!

— Я же говорил, они никуда не годятся, — отрезал Доккерти. — Ими же командовал Синдикат. Они никогда не были верны нам. Придется перебить этих проклятых халиан, прежде чем мы доберемся до людей Синдиката. — Доккерти кинулся на землю и установил свое лазерное ружье, приказав снайперам следовать его примеру.

Шилитоу тоже опасался, что халиане могут перевертнуться на сторону своих прежних хозяев. Если хорьки выступят против, им придется туго. Но когда воины Блитвана добрались до людей Синдиката, Шилитоу понял, что его опасения были напрасны. Халиане кинулись на окаменевших от неожиданности стражников, пустив в ход свои острые как бритва клыки.

— Злые люди, мы вызываем вас на бой! — прокаркал нидиец, переводя торжествующий вопль Блитвана. — Мы служим нашим новым повелителям, людям Альянса. Смерть вам!

— Вот это да! Вперед, парни! — заорал Шилитоу и, взмахнув рукой, помчался за халианами. — Мы не можем позволить мохнатым братьям лишиться нас удовольствия.

Визжа и с трудом отбиваясь от низкорослых хорьков, стражники отступали к строению. От неожиданности ни один из них не успел вытащить оружие. Похоже, они были всерьез потрясены реакцией халиан. Как только один из стражников попытался ухватиться за ружье, острые зубы тут же смыкались на его пальцах, и хорек принимался яростно рвать своими стальными когтями тело ошалевшего от страха бедняги, стремясь добраться до горла. Десантники еще не успели ворваться во внутренний двор здания, как два человека уже были убиты.

Снайперы Доккерти прикончили еще парочку, а потом побежали за остальными.

— Спокойствие небес, — внезапно раздался низкий голос, прожектора залили ослепительным светом место сражения. Из прохода в башне появился высокий человек в форме, украшенной серебром.

— Он сказал, чтобы мы остановились, — перевел нидиец для «горилл».

— Старший кузен или первый сын, — заметил Эллис. — Вероятно, это его владение.

— Взять его! — приказал Шилитоу. — Это один из тех, кого мы должны доставить командованию.

Десантники бросились к высокому человеку. Он улыбнулся им, его серые глаза сверкнули. Человек отступил за двойную дверь. Из-за его спины стремительно выдвинулись два ряда гигантских кентавроподобных чудовищ, закованных в доспехи и вооруженных дротиками и огромными лазерными пистолетами. Сержант уставился на них, пытаясь разглядеть лица между жирными складками безволосой кожи. Глаза были видны — сверкающие щели под массивными полукруглыми жировыми валиками; странные пилообразные зубы рядами торчали в провалах безгубых ртов. Какие-то гребни защищали параллельные ряды изогнутых складок, окружавших глаза и рот. Уши? Носы?

Два ближайших чудовища вытащили дротики из колчанов, укрепленных за спиной, прицелились и метнули их. Потрясенные «гориллы» едва успели увернуться. Халиане, терзавшие стражу, не обращали никакого внимания на происходящее.

Как только последний серо-зеленый монстр выскочил наружу, дверь захлопнулась, обеспечив безопасность находившимся внутри людям Синдиката.

— Обойдите их, если получится! Возьмите его живым! — приказал Шилитоу. — Черт побери, кто они такие? — воскликнул он, перекатываясь. Он растянулся на булыжниках и вытащил свой лазерный пистолет. Серо-зеленые существа передвигались на четырех массивных слоновых лапах с плоской подошвой, крепких, как стволы деревьев, и таких же устойчивых.

— Телохранители! — выдохнул Эллис. — Но я не знаю, что это за существа. Господи, до чего же они безобразны.

— Это косанцы, — прощелкал нидиец, стараясь держаться в стороне. — Они не падают, даже когда умирают.

Косанцы, двигаясь с ленивой, какой-то неторопливой грацией, опять потянулись за спину и вытащили из колчанов новые дротики. Древко дротика казалось перышком между тремя массивными, подвижными пальцами, которые напоминали полюса подковообразных магнитов. Косанцы, все как один, вскинули дротики.

— Ложись! — крикнул Шилитоу, хотя во внутреннем дворе не было ни одного укрытия. Им пришлось бы перемещаться. — Стрелять по приказу! — Видимо, косанцы выполняли какое-то указание, осыпая десантников дротиками и не применяя своих огромных пистолетов.

Люди Доккерти сражались умело, попадая в тела косанцев не реже одного раза из двух выстрелов. Чудища истекали кровью, но огонь лазеров, похоже, не мог остановить их. Даже прямой выстрел в лицо не принес бы им особого вреда. Косанцы закрывали глаза и прятали их в складках кожи, оставляя снаружи бесформенные серые образования. К счастью, четвероногие гиганты двигались слишком медленно, давая людям время для маневра. Человек ни за что не устоял бы в прямой схватке с таким существом. Косанцы сражались очень эффективно — отличная охрана.

— Прекратить огонь! Джордан!

— Прикройте меня, — крикнул десантник, падая на одно колено и вскидывая на плечо плазменную пушку. Его товарищи, выдержав паузу, открыли непрерывный заградительный огонь из лазеров, пока Джордан прицеливался в ближайшего косанца.

Раздался оглушительный взрыв, когда сгусток плазмы поразил косанца прямо в грудь. Кентавр рухнул, его сородич, двигавшийся рядом, попятился. Оглушенный, он уронил дротик и пистолет. Шилитоу и еще три десантника кинулись к поверженному кентавру. Гибкой и сильной лапой косанец ухватил Сокоту за ногу и потянул к себе. Лицо десантника побелело.

— Сержант!

Шилитоу подскочил с обнаженным клинком и рубанул лапу. Сокота ударил косанца в лицо, но тот уже спрятал его в своих защитных складках. Существо не сдавалось, несмотря на то, что его грудная клетка была насквозь пробита зарядом плазмы. Через минуту косанец начал терять силы и ослабил хватку. Свободная лапа продолжала слепо шарить вокруг, пока не замерла. Шилитоу освободил Сокоту и помог ему доковылять до угла, где их ждали Дален с нидийцем.

Доккерти и Макс наметили еще одного косанца. Они обнаружили, что гиганты не только малоподвижны, но и практически не имеют шеи, а «талиа» их не отличается гибкостью. Поэтому можно было заставить их крутиться на одном месте, покалывая из лазеров и отыскивая жизненно важные органы и чувствительные точки. Прочная, толстая кожа, видимо, смягчала удары, которые скорее раздражали, чем наносили серьезный вред. Что-то начало доходить до сознания медлительного существа, его щелеобразные зеленые глаза замерцали. У него кончились дротики, и он взялся за лазер, но стрельба из пистолета давалась ему хуже. Косанц яростно зарывал, пытаясь поразить десантников выстрелами из лазера. Двор мгновенно заполнился оплавленными булыжниками.

— Как, черт побери, ты хочешь остановить эту тварь?! — задыхаясь, крикнул Верди, не переставая увертываться от выстрелов.

— В конце концов, должен же он истечь кровью, — прохрипел Доккерти. — Он устает.

Макс, будь готов, когда он повернется к тебе спиной. Лучше всего стрелять в хребет!

Макс установил на плече плазменную пушку, выждал и выстрелил. Заряд скользнул по спине косанца как раз в средней части спины и разорвался далеко за пределами поля боя. Существо с визгом уронило свой лазерный пистолет и прижало обе руки к дымящейся ране. Невероятно, но его руки были устроены так, что одинаково хорошо действовали и спереди, и сзади.

Доккерти потрясение смотрел, как косанц, снова выставив руки перед собой, встал на дыбы и ринулся к Макс. Больше не было неуклюжего гиганта — зверь обезумел. Вдвоем с Верди Доккерти попытался остановить кентавра, расстреливая его в упор, но чудище не обращало внимания на раны. Волоча ослабевшие задние ноги, он надвинулся на обалдевшего Макса. Пока десантник изучал его лицо, кентавр схватил его и сжал.

Все было кончено еще до того; как Доккерти успел развернуться. Плазменная пушка с грохотом упала с плеча десантника. Макс успел только сдавленно вскрикнуть, прежде чем из него была выжата жизнь. С видимым усилием косанц ударил мертвое тело десантника об стену. Покачиваясь, он наблюдал, как Макс бесформенным мешком соскальзывает вниз. Потом верхняя часть туловища кентавра обмякла и стала медленно клониться вперед, пока руки не коснулись земли. Но он так и не опрокинулся.

Шилитоу оставил Сокоту с доктором, занятым раной десантника, и осмотрел двор. Блитван и его братья были в беде. Халиане гораздо слабее людей. Малая сила тяжести давала им преимущество, но стражники были лучше вооружены и защищены, что делало их неуязвимыми для излюбленных халианами способов атаки. Три хорька были ранены и обожжены, но продолжали держаться. Через некоторое время кто-то должен был погибнуть: или оставшиеся халиане, или последние солдаты Синдиката. Шилитоу нуждался в пленниках.

— Блитван! — позвал он по связи. — Существует более подходящее место, где вы сможете использовать свою быстроту. Помогите нам разделиться с косанцами. Они двигаются очень медленно, но будьте осторожны! Они сильны!

Голова халианина дернулась в его сторону.

— Я имею право распоряжаться своими солдатами? А ваши пушки?

— Проклятие! Двигайтесь, пока они не поняли, что мы делаем! Джордан, стреляй, когда тебе скажет Блитван.

— Слушаюсь, сэр.

Блитван издал пронзительный лай, и халиане оставили потрясенных стражников. Начальник стражи пришел в себя и, вытирая кровь с лица, бросился за мохнатыми агрессорами. На полпути стражники были встречены десанниками Флота.

Халиане яростно крутились вокруг неповоротливых косанцев. Блитван был умным командиром. По его приказу хорьки наносили молниеносные удары, раздирая защитные складки, закрывавшие лица косанцев, вонзая когти в чувствительные глаза и носовые пазухи, разрывая части тела, не прикрытые доспехами. И спрыгивали прежде, чем медлительным гигантам удавалось схватить их. Один из халиан оказался сброшен, и затоптан огромными лапами, но Шилитоу решил, что это случайность. Ослепив косанца, хорьки брались за лазерные пистолеты, концентрируя огонь на массивной шее и хребте, и у существа вскоре отнимались ноги.

Один из ослепленных косанцев впал в настоящее неистовство, расшвыривая маленьких халиан во все стороны. По пронзительному приказу Блитвана три хорька подобрали брошенный косанцем дротик и уперли его древком в угол между стеной и вымощенным булыжником полом. Они выкрикивали гиганту насмешки, поощряя напасть на них. Разъяренный косанец метнулся вперед, выставив руки, стараясь ухватить маленьких и шумных врагов. Косанец с размаху напоролся на дротик, вошедший в его тело почти на восемь футов; кентавр забился в конвульсиях.

Шилитоу со своими десантниками надвигался на людей-стражников. Эллис ударил одного из них и сорвал шлем с головы человека. Огромный стражник, обнажив кривой

клинок, кинулся на сержанта. Шилитоу подбородком передвинул переключатель частоты и прислушался к голосам в наушниках, разглядывая своего противника. На груди у человека имелся серебряный значок вместо синего, как у остальных стражников. Если бы десантникам удалось захватить его живым, он мог бы оказаться ценной добычей, но человек виртуозно владел шпагой. Стражник поднырнул под клинок Шилитоу, зацепив грудь сержанта своим гибким оружием.

— Разве это радио не работает, сержант? — послышался голос Блитвана в наушниках.

— Что, они там жуют резину? — проворчал Альвин, уворачиваясь от шпаги врага и нанося ответный удар. Он чуть не снес стражнику голову.

— Я не знаю, переживем ли мы эту схватку, поэтому я задам вопрос, рискуя нанести вам оскорбление. Почему вас и ваших подчиненных называют Гориллами? Разве не все люди гориллы?

В другое время этот вопрос вывел бы Тарзана из себя, но сейчас он только мрачно улыбнулся.

— Да, но мы особенные. Мы в большей степени гориллы, чем все остальные.

— Считаю за честь быть знакомым с вами, сержант Горилл.

— Меня зовут Тарзан.

— Подразделение, вы меня слышите? — Это был капитан Слайн на аварийной частоте.

— Слава Богу, где вы, сэр? — воскликнул Шилитоу, отпрыгивая, чтобы избежать удара.

— Примерно в ста ярдах позади вас, в визуальном контакте с подразделением В. Подразделение С уже приземляется. Они наблюдали за вами и решили, что временной интервал слишком велик, я согласился с ними.

— Два человека из отряда Синдиката в бессознательном состоянии. Они пригодятся для допроса, но у нас возникли другие проблемы, — сказал Шилитоу, пытаясь отыскать слабое место у противника. Он не хотел убивать охранника, но стражник не позволял нанести себе оглушающий удар плоской стороной клинка. Собственные доспехи сержанта уже были повреждены в нескольких местах.

— Я их вижу. Святая Мать-Земля, кто они такие? — прозвучал голос командира подразделения В в шлемофоне Шилитоу.

— Новые прислужники Синдиката. Хочешь схватиться с одним из них.

— Господи, нет, конечно! Он же может наступить мне на ногу.

— Да, они сильны, но слишком медлительны. Не согласитесь ли вы подойти сюда и оказать нам помощь? Вы ведь не слишком надорветесь? Один из наших пленников только что вызвал подмогу!

— Ладно, сержант, — сухо и требовательно произнес капитан Слайн. — Если халианских пиратов здесь нет, то где же они?

Бывают же такие медные лбы! Шилитоу старался сдержаться.

— Капитан, я отношусь к вам со всем уважением, но пираты или любые другие халиане должны сейчас беспокоить вас меньше всего. Это база Синдиката. Вы не собираетесь что-нибудь предпринять в связи с этим? У нас слишком мало сил, чтобы ввязываться в такие драки. — Он быстро шагнул назад и окинул взглядом картину битвы. Почти половина халиан была повержена или ранена. Его собственные люди растянулись по периметру, расстреливая массивных врагов, как только предоставлялась возможность для прямого выстрела. — Халиане не смогут сдерживать их вечно.

В разговоре возникла пауза, во время которой сержант слышал какой-то металлический звон.

— Ладно, сержант, пора и нам танцевать. Прикажите своим людям залечь, когда я дам команду.

Шилитоу удалось треснуть клинком по незащищенной голове противника. Включив общий канал, он прорычал:

— Блитван и все остальные, ложись!

Огненный вал мощных лазеров через секунду накрыл врага. Лишь позднее Шилитоу понял, что он подумал и о людях, и халианах как о «своих парнях». Даже могучие косанцы не смогли устоять против прямого удара сверхмощных лазерных пушек. Воздух дрожал от лазерных лучей пятисантиметровой толщины, проходящих в каких-то дюймах над головой присевшего сержанта. Для Шилитоу это была самая восхитительная танцевальная музыка из всего, что он слышал в своей жизни.

Интерлюдия. ЛОЯЛЬНОСТЬ

Разведка и шпионаж — это кровавое пиршество для изощренного ума, и те, кто занимается этим делом, никогда не испытывают недостатка ни в людях, ни в средствах. Неудивительно, что во Флоте на всех его уровнях действовало множество вражеских лазутчиков. Уже полвека Синдикат получал информацию от своих торговцев об Альянсе, который мирным или военным путем поглощал каждую культуру, с которой сталкивался. Сама природа Альянса была такова, что он не мог мириться даже с призрачной угрозой своему существованию. Еще не забыты были тяжелые уроки долгой ночи, опустившейся над миром после падения Империи, и эти уроки не оставляли выбора. Безопасность превыше всего.

Политики Синдиката, в жестокой борьбе оспаривающие власть друг у друга, сходились в одном: присоединение к Альянсу — это конец привычного им образа жизни. Слишком разительно отличались жестокие законы одной империи от более демократичных порядков другой. Властители Синдиката не смогут держать свои народы в повиновении, если те увидят, какие безграничные возможности несет в себе другой образ жизни. Для Альянса Синдикат тоже был непримиримым врагом, ведь именно он повинен в бесчисленных жертвах войны с халианами. Именно по наущению Синдиката хорьки сочли себя обязанными ввязаться в войну с Альянсом.

Миры Синдиката существовали в течение долгих столетий. Там царили жесточайшие репрессии, но, с другой стороны, их жители чувствовали себя защищенными благодаря исключительно сильным семейным традициям и постоянной поддержке родных и близких. Рядовой гражданин Альянса нашел бы отвратительным то, насколько мало обитатель планет Синдиката свободен в своих поступках. Но и последний с такой же нетерпимостью воспринял бы политику невмешательства, обрекавшую многие миры Альянса на нищету и голод.

Итак, каждая держава полагала другую непримиримым врагом и считала любые действия со своей стороны необходимыми и оправданными.

Характерная черта жителей Синдиката — это преданность семье. Преданность простиралась так далеко, что шпионы Синдиката, как правило, оставались верны своему долгу даже после захвата. Многие из них являлись глубоко замороженными агентами и долгие годы жили в совершенно другом мире, но тем не менее не изменили своих убеждений.

Война с Синдикатом быстро разгоралась. Отдельные стычки переходили в полномасштабные операции с участием целых эскадр. Но это была война с незримым противником, ведь даже координаты военных баз Синдиката и те были неизвестны. В таких условиях Флот был обречен на поражение. Поэтому Альянс предпринял отчаянную попытку, чтобы получить хоть какую-то информацию. Задействовали самую современную технику и самые лучшие кадры, дабы определить местонахождение планет противника и оценить его военную мощь.

Дэвид Дрейк. НА АБОРДАЖ!

Хотя у администратора и не было при себе оружия, капитан Ковач не слишком обольщался на этот счет. Наверняка ее стол нашпигован смертоносными устройствами,

способными остановить кого угодно. Лицо женщины оставалось спокойным и абсолютно бесстрастным. На появление капитана она вообще никак не отреагировала — молчала и пялилась на него, как на пустое место. Капитан так же молча ждал своего сопровождающего.

«Будто проходишь через длинный ряд воздушных шлюзов, — подумалось Ковачу, — но то, что прячется за самой последней дверью, пострашнее вакуума».

Внутренняя дверь бесшумно распахнулась, пропустив в комнату охранника. Это был уже третий сопровождающий, начиная с того момента, когда, получив из рук в руки специальный приказ, капитан был вынужден немедленно покинуть казармы, где размещалась 121 — я рота штурмовиков звездной пехоты.

Его рота, его «Охотники за Головами». Дай ему Бог вернуться к ним живым и здоровым.

— Пожалуйста, сюда, капитан Ковач, — тускло сказал сопровождающий.

Это был молодой парень, здоровый и крепкий, с фигурой тяжелоатлета, наверняка хорошо тренированный. Однако Ковач не сомневался, что в случае нужды сумеет с ним справиться. Никакая тренировка не поможет в схватке против человека, хотя бы месяц прослужившего в штурмовиках и оставшегося в живых. А капитан Миклош Ковач прослужил там целых семь лет. И если это не рекорд, то чертовски близко к рекорду.

Ковач был невысок, коренаст. Крепкая шея, рубленые черты лица, курчавые темные волосы. Облик довершали холодно-прозрачные глаза, спокойно взиравшие на окружающий мир. Многоопытные хирурги из реабилитационного центра Флота на славу потрудились над Ковачем — на нем не осталось и следов ранений.

По крайней мере тех, что имелись когда-то на его теле.

— Пожалуйста, налево, сэр, — сказал сопровождающий. Он шагал вслед за капитаном, держась на один шаг сзади и немного сбоку, как и полагается хорошо выдрессированному псу.

«Хотя нет, — подумал Ковач, — это всего лишь половина правды. Внутри этого идеально работающего механизма, кроме мускулов, должны иметься и отменные мозги, иначе парень просто не попал бы сюда».

Дорогу им преградил корпус *N93 административной части штаб-квартиры Флота на Тау Кита*. Ковач не знал, что находится внутри. И не испытывал никакого желания узнать. Больше всего ему хотелось оказаться сейчас как можно дальше отсюда.

Мрачное серое здание отнюдь не походило на чиновничий улей. Бронированные двери скорее подошли бы хранилищу какого-нибудь банка; электронная система защиты выглядела гораздо сложнее той, с которой Ковач имел дело на космических кораблях; немногочисленный персонал действовал спокойно, без суеты, с большим знанием дела и был так же непроницаем, как и стерегущая вход администраторша.

— Пожалуйста, сюда, сэр. — Паренек остановился возле одной из неприметных дверей, жестом предлагая капитану войти. — Дальше я не могу вас сопровождать.

Ковач взглянул на своего спутника. Ему пришло в голову, что тот, пожалуй, пришелся бы ко двору в компании его «Охотников». Неплохой парнишка, лучше, чем большинство из тех, что к ним попадают. Роты штурмовиков постоянно нуждались в пополнении.

Капитан вздрогнул. Они нуждались в пополнениях, пока шла война, пока имелись хорьки, с которыми надо сражаться. Но война закончилась.

— Желаю тебе удачи, сынок, — сказал Ковач.

На дверной панели засветились синие огоньки, сложившись, в надпись «Тентелбаум — Специальный проект», вместе с тремя звездочками в круге — знак вице-адмирала.

Дверь распахнулась.

Сердце десантника болезненно сжалось, он вдруг вспомнил, что одет в драную спецовку, которую не успел сменить, когда на него как снег на голову свалился посыльный с приказом. Хотя, по правде говоря, его парадная форма тоже вряд ли бы подошла для встречи с адмиралом. На лице Ковача появилась недобрая ухмылка. Он одернул себя, собрался с мыслями и шагнул вперед.

Дверь за его спиной мягко закрылась, и капитан оказался в просторном и роскошно обставленном кабинете. За письменным столом сидел человек в штатском. Лет сорока пяти, крупнее Ковача, в отличной физической форме.

Капитан узнал его. Человек в кресле не был вице-адмиралом. Его фамилия была Грант, и это означало, что дело плохо.

Я надеялся, что он умер.

Грант вертел в руках голографический проектор, который казался игрушкой в его огромных лапах. После продолжительной паузы он поднял взгляд и оскалил в усмешке зубы.

— Что с тобой. Ковач? Ты выглядишь так, словно увидел приведение. Придвинь поближе кресло и садись.

Приглашение он сопроводил энергичным жестом. Затем Грант снова осклабил, и на этот раз его ухмылка не предвещала ничего хорошего.

— Думал, что я сдох, так?

Ковач молча пожал плечами и взялся за одно из кресел, стоявших у стены. Это оказалась не простая штучка. Твердая на вид поверхность кресла мгновенно принимала форму тела человека. Своим прикосновением Ковач включил магнитную подушку, и массивное кресло легко скользнуло по полу.

«Сохраняй хладнокровие. Постарайся понять, в какое дерьмо ты вляпался на этот раз и как выбраться отсюда».

Никто не любит иметь дело с гестаповцем. Хотя, если начистоту, то у штурмовиков тоже не густо с друзьями.

Всю противоположную стену комнаты занимал огромный топографический портрет — если ему верить, то вице-адмирал Тентелбаум был женщиной. Адмиралыша в парадном костюме важно стояла на фоне бесчисленных звезд галактики. Наверняка устройство могло создавать и другие шедевры: адмирал Тентелбаум в кругу семьи, адмирал Тентелбаум на встрече с политиками, молодой лейтенант Тентелбаум на поле брани и так далее.

Хорошо бы узнать, что это за специальный проект?

— Работаете на адмирала Тентелбаум? — запустил пробную утку Ковач, устраиваясь в кресле.

— Просто позаимствовал ее кабинет, — спокойно ответил Грант. Он повернул проектор так, что панель управления оказалась перед Ковачем, и бросил десантнику чип.

— Давай! — последовал приказ. — Просмотри это.

Ковач сунул чип в приемник и включил-прибор. Капитан не испытывал особых переживаний по поводу того, что находится внутри. По правде говоря, после капитуляции хорьков он вообще ничего не испытывал.

Дата на послании была трехдневной давности, в тот день Ковач со своей ротой был еще в пути на Тау Кита. Под официальной шапкой появился портрет Ковача в фас. Затем портрет исчез, уступив место светящимся буквам приказа.

ОТПРАВИТЕЛЬ: БУПРЕС/М32/110173/Сектор21(Чел)/СПЛ

ПОЛУЧАТЕЛЬ: МИКЛОШ КОВАЧ

ПРИЧИНА ПРИСВОЕНИЕ ЗВАНИЯ МАЙОРА

Действительно с момента получения

Картинка в воздухе замерцала, уступив место огромной порции бюрократической писанины, но Ковач уже не обращал на нее внимания. Он внимательно взглянул на сидящего за столом человека в штатском. Лицо Гранта оставалось абсолютно бесстрастным. Если тот и ожидал от бывшего капитана какой-то реакции на происходящее, то никак этого не показал.

Грант бросил на стол перед Ковачем пару майорских нашивок, два треугольника из соединенных друг с другом черных планок. Такие же треугольники, но только сплошные, полагались подполковнику.

— Отлично смотрятся на боевой форме, — сказал он. — Хотя, глядя на тебя, не

скажешь, что ты большой любитель красоваться в форме.

— Мне больше не нужна форма. — Ковач высказал вслух то, о чем думал, когда вместе со своими «Охотниками» принимал капитуляцию у Первого Консула Халии. — Я увольняюсь, в запас.

Грант громко расхохотался.

— Черта с два ты увольняешься! Ты слишком хорошо умеешь воевать.

Проектор на столе все еще передавал информацию. Теперь это был послужной список Ковача вплоть до сегодняшнего дня. Краем глаза десантник заметил список полученных наград и благодарностей и поразился его длине. О каких-то наградах он помнил, о других начисто забыл. Все это не имело никакого значения.

Его семья — вот что имело значение. Пока у него была семья. Пока ее не вырезали хорьки.

А еще имело значение, что 121 — я рота обрубил больше хвостов у мертвых хорьков, чем любая другая во всей звездной пехоте. И воевал он не ради этих паршивых благодарностей.

— Твою мать, — внятно и отчетливо произнес Ковач. — Война закончилась.

Холодные голубые глаза Гранта чуть сузились и только.

— Ошибаешься. У нас есть враг, и очень серьезный враг. Это Синдикат, который воевал против нас лапами хорьков, используя халиан как пушечное мясо. Наш враг — это люди, которые стоят за всей этой войной.

Ковач выключил проектор. Список наград напомнил ему о слишком многих вещах, о которых он старался не вспоминать, по крайней мере днем, ночные кошмары не в счет. Высадки десантов и кровавые сражения; мирные жители чужих планет, которых ни Бог, ни звездная пехота, ничто и никто не могли спасти от халиан; ребята, которые умерли или, самое страшное, попали живыми в руки врага.

— Я не собираюсь... — начал было Ковач, но Грант перебил его:

— Мы создаем смешанные воинские подразделения из самых лучших солдат, наших и халиан, чтобы выступить против Синдиката. Ты ведь не пропустишь по-настоящему горячего дела, майор?

Грант снова оскалился. Он знал *совершенно точно*, как отнесется Ковач к предложению работать вместе с хорьками. Десантник скорее проткнул бы себя раскаленным прутом.

— Кроме того, — продолжил Грант, — что такой человек, *как ты*, будет делать на гражданке?

— Придумаю что-нибудь, — ответил Ковач, вставая. — Все. Я уйду.

— Сядь!

В тоне, которым это было сказано, Ковач уловил знакомые нотки — он и сам часто так говорил. Такой тон означал, что, если приказ тотчас не будет исполнен, раздастся выстрел. Ковач посмотрел Гранту прямо в глаза и усмехнулся. И снова опустился в кресло.

— Скажем так, тебя пригласили сюда из-за твоего огромного опыта. — Грант говорил спокойно, но Ковач видел, как вздулись жилы на его бычьей шее. — Ты, как видно, знаешь, кто я такой и чем я занимаюсь. И если думаешь, что можешь просто повесить свою форму в шкаф и уйти, то глубоко ошибаешься.

«Но я честно заработал свою форму».

Вслух Ковач сказал:

— Как видно, меня сюда вызвали не ради повышения.

— Это ты верно *сообразил*. — В голосе Гранта явственно прозвучало презрение человека, не носящего форму, к военным. — У меня есть работенка для тебя и твоих «Охотников».

Ковач расхохотался:

— За чем же дело стало? Задействуй банду своих костоломов.

— Не умничай, — спокойно ответил Грант. — Это как раз по твоей части. Синдикат

вел дела с халианами через специальные базы, и хорьки не располагают координатами их миров. Но нам удалось заполучить координаты одной из действующих баз. От вас требуется захватить пленных и любую ценную информацию с этой базы до того, как Синдикат поймет, что дело неладно, и взорвет все к чертям.

Ковач нахмурился, обдумывая услышанное.

— Понятно. Значит, нужно провести захват.

— Да нет, это не совсем захват.

— Послушай, приятель. Если ты намекаешь, что с задания никто не вернется, так и скажи. Я и сам знаю, что это не обычное дело, раз меня вызвали сюда вместо того, чтобы просто передать приказ по восьмому корпусу.

«Хотя нет, они бы не стали разводить столько церемоний ради такой мелочи, как операция, из которой не возвращаются. Не раз и не два его роту посылали на смертельно опасные дела и без всяких проволочек и колебаний, обычным приказом. И его „Охотники“ тоже без колебаний шли на такие дела».

— Нет, дело не в этом, — сказал Грант. — Не в опасности. Это простое дело, безопаснее, чем в отпуск съездить, даже насморка не подхватишь.

Ковач молча ждал.

— Понимаешь, чтобы проникнуть туда, вам придется использовать оборудование АПОТ.

«Так вот, значит, о каком захвате идет речь».

Девяносто вторая рота штурмовиков использовала это оборудование на Бычьем Глазе. Иногда оно работало, а иногда люди умирали. Но *смерть была не самым страшным из того*, о чем рассказывал Тоби Инглиш и его ребята.

— Я, — Ковач замялся, — не знаю, как отнесутся к этому мои парни. Сдается мне, что в таком деле лучше использовать подразделение, которое уже имеет опыт обращения с...

— Неправда, майор Ковач. — Грант говорил тихо, голос его так и сочился ядом. — Вы прекрасно знаете, как должны отнестись к этому и вы сами, и ваша рота. Потому, что это приказ, а каждый солдат знает, что происходит с трусами, нарушающими приказ в военное время.

На какую-то секунду Ковач перестал видеть собеседника — глаза закрыла красная пелена. Когда зрение вернулось, он заметил, что одна рука Гранта скользнула под стол.

Нужды в этом не было. Комната имела автоматическую систему защиты, которая мгновенно среагирует на любую попытку атаковать человека, сидящего в кресле адмирала.

И уж, во всяком случае, Миклош Ковач не собирался выходить из себя. Это было не в его привычках.

— На самом деле, — голос Гранта звучал почти примирительно, — предполагалось поручить это дело именно 92-й роте, но они сейчас на задании, а время не ждет. Поэтому их заменили на дублеров. На твою роту.

Ковач проглотил оскорбление.

— Вы получили координаты базы, захватив один из кораблей Синдиката? — спросил он просто, чтобы переменить тему. Самообладание, конечно, хорошо, но лучше не рисковать.

Десантник ожидал услышать, что источники информации и способы ее получения его не касаются, но ошибся.

— Из мозга заключенного. До того как он умер. Кстати, это тот самый тип, которого вы захватили на Бычьем Глазе.

— Из его *мозга*? Как вы это делаете?

— Спаси тебя Бог когда-нибудь узнать. — Грант опять продемонстрировал свою чудную улыбку.

— Хорошо, — сказал Ковач, вставая на ноги. Он подумал, стоит ли еще за дверью его сопровождающий. Вполне возможно.

— Я подниму по тревоге роту. Полагаю, что все необходимые инструкции уже...

Грант кивнул:

— Да, они уже сброшены в ваш банк данных. Я позабочусь, чтобы информацию разблокировали немедленно.

— Хорошо, — снова сказал Ковач. Он подошел к двери и уже взялся было за ручку, но передумал и повернулся к Гранту.

— Еще одна вещь, *мистер* Грант. Мои «Охотники» не трусы. А если вы думаете иначе, то попробуйте как-нибудь лично принять участие в одной из наших операций.

— Да, разумеется, — отозвался заплечных дел мастер со своей ужасной улыбкой. — И именно в этой, майор Ковач.

— Наше задание, — начал Миклош Ковач, когда личный состав его роты собрался в помещении десантного модуля, — заключается в том, чтобы...

Его перебил резкий визг мощного резака, который кто-то включил снаружи. Сержант Брэдли недобро огляделся, разыскивая источник шума. Визг раздавался откуда-то сбоку, между двойными стенками модуля. Сержант вытер вспотевшие ладони рук о спецовку и направился было к входному люку, но Ковач перехватил его одной рукой, а другой нацепил себе на голову шлем.

— Надеть шлемы! — скомандовал он по селектору.

Майор внимательно следил, кого из новобранцев соседям пришлось подпихнуть прежде, чем до них дошло, что дальнейший инструктаж пройдет по радио.

— Наше задание, — повторил Ковач, — заключается в том, чтобы захватить персонал, информационные накопители и все, напоминающее навигационное оборудование. Мы не собираемся ничего уничтожать, наоборот...

Резак замолчал. В дверях появилась женщина, из-под ее рабочего халата выглядывала форма с командирскими нашивками, за ней следовали двое мужчин-техников, тихо переговаривавшихся друг с другом.

Охотники обернулись, разглядывая вошедших. Сержант Брэдли скорчил недовольную мину.

— ...наоборот, нам нужно получить информацию и скрыться до того, как враг взорвет там все к чертям. У нас будет только 17 минут. Еще раз повторяю — только 17 минут. Каждый, кто...

Трио в рабочих халатах жестами попросило десантников освободить часть палубы. Один из техников вытащил из сумки какой-то инструмент и, опустившись на колени, начал устанавливать его на палубе, озабоченно нахмурившись. Остальные склонились над ним. Женщина что-то недовольно проворчала.

— ...позабудет о цели операции, будет отвечать лично передо мной.

— И он пожалеет, что родился на свет, — добавил Брэдли. В голосе сержанта содержалось немало яда, очевидно, бравый вояка счел, что его командир говорит недостаточно грозно.

Ковач собрал своих людей прямо в десантном модуле по очень простой причине. Среди всех помещений огромного штабного комплекса только сюда можно было запихнуть сотню десантников и быть уверенным, что их разговор не будет прослушиваться. К сожалению, модуль все еще проходил контрольное тестирование, и потому приходилось мириться с бандами техников, которые проверяли оборудование.

Десантники не возражали, ведь они сами и будут использовать это оборудование в гуще врагов. Но от этого неудобств не становилось меньше.

Ковач нажал кнопку на специальном пульте, который получил от высококвалифицированного специалиста по технической поддержке Флота. Система работала на удивление хорошо. Круглая переборка, окружавшая его людей, исчезла, уступив место искусственно смоделированному голографическому изображению внутренностей базы, которую они собирались штурмовать.

— Мы высадимся внутри одного из доков. — Одновременно с голосом майора раздался грохот молотка где-то над головой. — По всей вероятности, там есть искусственная

атмосфера, но на всякий случай у вас будут кислородные маски.

Оба техника встали и направились обратно к люку — темному треугольнику с закругленными углами, находящемуся чуть ниже голографической картинки. Женщина последовала за ними. По дороге она остановилась, чтобы бросить еще один хмурый взгляд на палубу корабля.

— Защитные костюмы будут? — спросил Лаурел, начальник отделения в третьем взводе.

— Взвод огневой поддержки будет в костюмах. Его задача обеспечить безопасность десантного модуля. Остальные налегке. Мы разделимся на группы по три человека. У каждой группы будет конкретная задача — что искать, и я не хочу, чтобы вы хватали первое, что попадется под руку.

Что-то громко хлопнуло между стенками корпуса. Голографическое изображение померкло, а потом разом исчезло вместе со светом. Через секунду-все вернулось на место — сначала голограмма, а потом и освещение. Кто-то из десантников тихо выругался.

Капрал Синкевич, самая высокая, и, вполне возможно, самая опасная, и, вне всяких сомнений, самая стойкая из бойцов 121-й роты, лениво откинулась назад. Она оперлась спиной о перегородку и исчезла за изображением какого-то коридора на станции врага. Капрал уже поняла, что предстоит «Охотникам» на этот раз, а детали операции мало ее интересовали. У нее была одна забота — прикрывать спину Ковача и следить за тем, чтобы он каждый раз возвращался из боя живым. Все остальное мало для нее значило.

— Сэр, — обратился к Ковачу один из новобранцев по фамилии Бомин. Парень служил в десанте уже пять лет, но это была его первая операция с «Охотниками».

— Сэр, я внимательно осмотрел корабль, и вот такая штука — на нем нет двигателей. Вообще нет.

— Корабль, — жестко отрубил Ковач, — это не ваше дело. Корабль просто доставит нас туда, а потом вернет обратно. Все слышали?

После грозных слов начальства полагалось воцариться тишине, но на этот раз традиция была нарушена.

— Может быть, вернет обратно, — раздался чей-то недовольный голос.

— Послушайте, вы! — прорычал Ковач. Он вынужден был говорить жестко потому, что все десантники хорошо понимали, куда они вляпались на сей раз, и, если немедленно не взять ситуацию под контроль, случится беда.

— Если среди вас есть такие, которым надоело испытывать судьбу в штурмовой роте, можете подать прошение о переводе прямо сейчас. Я никого не держу. Хотите быть поварами? Набирать рекрутов? Пожалуйста! Скажите только слово.

Все молчали. Большинство десантников сидели, опустив головы и разглядывая что-то у себя под ногами.

«Это хорошие ребята, самые лучшие из всех. Они и в преисподнюю полезут, если он отдаст такой приказ. И не только потому, что командир полезет туда вместе с ними. Они сделали бы это и в одиночку».

Снова взревел резак, вгрызаясь в переборку где-то за их спинами.

— Приказ пришел из восьмого корпуса? — спросил лейтенант Тимонс, командир взвода огневой поддержки.

— Да, — спокойно ответил Ковач.

Майор внимательно смотрел на твердые, словно вырезанные из дерева, лица своих солдат. Некоторые из десантников опустили забрала шлемов, и теперь их лиц вообще не было видно.

— Если кто-то из вас передумал, то мое предложение о переводе в другую часть остается в силе.

— Все в порядке, — отозвался Тимонс. — Я просто хотел узнать.

— Проклятые ублюдки! — пробормотал один из десантников, парень с острыми чертами лица, по фамилии Флеур. — Никогда не знаешь, для чего тебя используют.

Ковач подозревал, что причиной появления Флеура в его роте было дисциплинарное взыскание. Похоже, парню пришлось выбирать между штурмовой ротой и военным трибуналом. Но служил он исправно, и претензий к нему не было. А что до морального облика, то Ковач сильно сомневался, что хоть кто-нибудь в его роте, включая и самого командира, мог служить образцом добродетели.

— Любой, у кого есть власть, может тебя использовать. И ты не будешь знать, для чего, — сказал майор. — Беда в том, что начальники всегда остаются в стороне, а нам с вами приходится подставлять свою шкуру. Но, по крайней мере, в этой операции будет не так. К нам присоединится представитель штаба.

— Честь ему и хвала, — хихикнул Брэдли.

Резак замолчал. Сержант снял шлем и постучал костяшками пальцев по своему голому, покрытому шрамами черепу.

— Как только я увижу этого ублюдка, я прошью его очередь, — негромко, но отчетливо проворчал Флеур. — Вот что он от меня получит.

Прежде чем Ковач успел вмешаться, Брэдли сменил тему и громко спросил:

— Неужели нам придется нацепить на себя эти гребаные скафандры АПОТ, с которыми «Дикие Жеребцы» из 91-й роты натерпелись бед на Бычьем Глазе?

Брэдли подмигнул Ковачу. Он хотел намекнуть, что они с капралом Синкевич вправят Флеуру мозги, но чуть позже.

Человек, облаченный в белый халат, вошел в помещение и начал прокладывать себе путь через внимательно следящих за развитием событий десантников. Сначала его никто не узнал, его просто проигнорировали, как до этого игнорировали техников, занимающихся своими делами.

— Сожалею, — сказал майор, — но мне придется...

Здоровенный ремонтник, которого Ковач видел краем глаза, неожиданно превратился в хорошо знакомую личность: человек в халате был Грант.

— Ах ты... — Синкевич тихонько выругалась, почуяв неладное.

— Я позабочусь об этом, — сказал Грант с такой уверенностью, как будто рота подчинялась ему, а не Ковачу.

На шее у Гранта болтался микрофон, а к уху прицепился маленький беспроводной приемник. Шлема, чтобы погасить посторонние шумы, у него не было.

Какое-то время Грант разглядывал десантников, потом посмотрел на добровольную телохранительницу, сидевшую рядом с Ковачем.

— Учтите, капрал, что внутри модуля из всего мыслимого оружия лучше всего использовать каменный топор. Не дай вам Бог стрелять из лазерного или плазменного оружия в области АПОТ-поля, — Грант рассмеялся, — поверьте, никому от этого не поздоровится.

Грант снова окинул взглядом десантников, которые смотрели на него кто со злобой, кто с недоумением.

— Для тех из вас, кто со мной не знаком, моя фамилия Грант. Вы все работаете на меня. Приказы будете получать от вашего непосредственного начальника, — он не глядя ткнул пальцем в сторону Ковача, — но это будут мои приказы. Всем ясно?

Ковач, находившийся позади Гранта, утвердительно кивнул головой. Глаза его ничего не выражали.

— А раз вы работаете на меня, — Грант замолчал и сунул руку в карман халата, — одному из вас придется кое-что для меня сделать. Рядовой Флеур!

Грант вытащил из кармана пистолет.

— Держи.

И он бросил оружие десаннику. Это был большой пистолет с двумя обоймами, флотского образца, такой же смертоносный, как акулья пасть.

Десантники, сидевшие рядом с Флеуром, отшатнулись в стороны, словно Грант швырнул в них гранату. Ковач, Брэдли и Синкевич вскочили на ноги, они не могли остаться

в стороне, командиры отвечали за своих людей.

— Рядовой Флеур, — сказал Грант, — я беспокоюсь за свою жизнь. Какой-то ублюдок хочет меня убить. Поэтому проверь и почисти мой пистолет, я должен знать, что оружие исправно и в критический момент не подведет.

Воцарилось молчание. Флеур оказался в центре пустого круга, все отодвинулись от него так далеко, как могли. Каждый помнил, что в 92-й роте вдвое меньше людей, чем в 121-й.

Флеур уставился на штатского, а его рука привычно схватила оружие. Рядовой вытащил оба магазина, потом мягким движением послал их обратно.

— Осторожнее, — улыбаясь, сказал Грант. — Один заряд уже в стволе.

— Я... — начал Флеур.

Если палец рядового на спусковом крючке дернется, то Ковач бросится между ним и Грантом. И ему придется сделать это, опередив Си, иначе она прикроет командира своим телом. Непонятно, что предпримет сержант — бросится защищать Ковача с Грантом или попытается сграбастать Флеура, ясно было только, что Брэдли тоже не останется в стороне.

— Я оставил свой инвентарь для чистки оружия в казарме, — рядовой сглотнул, — сэр.

— Ну тогда тебе лучше вернуть пистолет, парень. Не так ли?

Лицо Флеура перекошилось. На мгновение показалось, что он хочет швырнуть оружие обратно, но рядовой шагнул вперед и протянул пистолет рукояткой вперед человеку в штатском.

Снаружи опять взвыл резак. Грант взял пистолет и прицелился в открытый люк. Десантники пригнулись, хотя ни один из них не был на линии огня.

Грант нажал на спусковой крючок. Раздался характерный «крак» выстрела и звук взрыва где-то за пределами ангара. Оружие определенно было заряжено боевыми патронами.

Резак заткнулся, и снаружи донеслись удивленные вопли техников. Но никто не засунул голову в люк, чтобы поинтересоваться, чем развлекаются десантники.

— Хорошо, Флеур, — сказал Грант. — Ты смещен. Возвращайся в казарму и упакуй свой инвентарь в ранец. Там будешь ждать дальнейших распоряжений.

Ковач чувствовал себя как выжатый лимон. Синкевич дружески стиснула его плечо. Они оба в этом нуждались.

— Твое следующее место работы, Флеур, грузовая баржа на внутренних перевозках, — добавил Грант. А затем рявкнул не хуже, чем пистолет: — Убирайся отсюда, парень!

Бывший «Охотник» заковылял к выходу. Несколько десантников скользнули сочувственным взглядом по его спине, но вслух никто не произнес ни слова.

— Отлично, — сказал Грант и с шумом выдохнул воздух. — Ваше задание — это просто детская прогулка. Тамошние ублюдки ничего не будут подозревать. Есть только одна вещь, на которой я хочу заострить ваше внимание, прежде чем майор продолжит инструктаж.

Грант снова оскалился.

— Десантный модуль будет находиться на базе врага семнадцать минут. Это означает не восемнадцать минут, ни даже семнадцать минут и одну секунду. Ровно семнадцать минут, и тот, кто не успеет вовремя вернуться на борт, навсегда останется в лапах Синдиката.

Имейте в виду, я не смогу изменить это время. Даже если захочу.

Пронзительно заверещал предупреждающий сигнал. До начала операции оставалось ровно три минуты, но люки десантного модуля все еще были открыты. Переборки опять скрывала голограмма ангара, теперь это была не учебная модель, а тот ангар, в котором стоял корабль. Модуль располагался в центре круга, образованного двенадцатью небольшими черными башенками. Эти башни, опечатанные устрашающего вида пломбами, и были устройством, призванным забросить корабль в неизвестность.

— Все наши на борту, — доложил сержант Брэдли.

Ковач и сам знал об этом, так как на специальном экране в верхней части его шлема горела зеленая полоска.

— Гранта еще нет, — ответил майор, автоматически проверяя привешенные к поясу гранаты.

— Не понимаю, — ни к кому конкретно не обращаясь, посетовал один из десантников. — Мы же не можем проделать весь путь от Тау Кита до пункта назначения, сидя в этой железной коробке! Разве не так?

— Гребаный Грант, — тихо сказала Синкевич.

Восемнадцать солдат, составлявших взвод огневой поддержки, имели при себе трубы, треножки и прочие приспособления для пристегнутых к поясам плазменных пушек. Их жесткие тяжелые костюмы, сделанные из черной керамики, резко выделялись среди легко экипированных десантников. Как изюминки в тесте.

Наконец появился одетый в спецовку Грант, который большими шагами шел по ангару, таща с собой небольшой чемоданчик. Шлем на его голове был гораздо больше обычного. В кобуре под мышкой болтался пистолет.

— Отлично, — сказал Ковач. — Шестой на связи.

Селектор автоматически переключил его с частоты, которую майор использовал для разговоров с Брэдли и Си, на общий канал.

— Командирам групп. Дайте солдатам противоядие и примите его сами.

Грант залез внутрь, и люки тут же захлопнулись. В круглом модуле едва хватало места для девяти троих «Охотников» и оборудования. Если бы в соответствии с уставом рота была полностью укомплектована, то Ковачу пришлось бы отстранить часть людей от операции.

Сейчас должно было произойти то, чего не понимал и на что жаловался в пустоту бедолага десантник. Майор знал не больше него и просто принимал происходящее как должное. «Охотников» ждало не обычное путешествие. Им предстоял туннельный переход за световой конус, который перенесет их из космопорта Тау Кита на базу Синдиката.

По крайней мере должен перенести, если все сработает, как надо. Хотя чем ближе был момент старта, тем больше Ковач в этом сомневался.

— Не двигайтесь, сэр, — сказал Брэдли, отвечавший за группу, куда входил сам Ковач. Сержант держал в руке автоматический шприц.

Ковач почувствовал укол иглы, вливающей в его жилы химический раствор. Это было временное противоядие против контактного парализатора, баллоны с которым имел при себе один десантник из трех в каждой группе.

Прозвучал звонок. Две минуты.

Грант положил свой чемоданчик на пол и вытянул ноги. Затем откинул крышку. Появился дисплей с клавиатурой, и чемоданчик превратился в управляющую станцию. Манипуляциям Гранта никто не мешал. В модуле яблоку упасть было негде, но десантники расположились так, что у человека в штатском было достаточно места.

Какой-то солдат из третьего взвода приложил к руке шприц и вдруг, скорчившись, упал. Похоже, организм парня плохо среагировал на лекарство.

Лейтенант Аль-Хабиб, командир третьего взвода, с проклятиями бросился к пострадавшему. В его голосе слышались беспокойство и страх. Каждый десантник должен был пройти тест на реакцию к противоядию, и отвечали за это командиры взводов.

Глаза Ковача сузились, но майор ничего не сказал: сейчас это не имело никакого смысла. Если и он, и Аль-Хабиб вернутся живыми, то командиру третьего взвода не ходить больше в «Охотниках».

Если.

Снова прозвучал сигнал. Одна минута.

Голографическое изображение ангара вокруг модуля пропало, явив голые переборки.

Затем освещение мигнуло и исчезло. Только на лице Гранта мерцали отсветы его дисплея, оно казалось лицом злого демона. Впрочем, у Ковача и так не было никаких сомнений на этот счет.

Свет зажегся снова.

Но теперь лампы горели красным.

Ковач закрыл смотровое окошко своего шлема. Конечно, вряд ли его лицо перекосится от страха, но лучше не рисковать, а вдруг кто-то из солдат разглядит выражение панического ужаса в глазах командира.

Это была не просто невесомость. Ковач испытывал жуткое ощущение, словно их несет куда-то, причем они не могут ни управлять этим процессом, ни даже просто наблюдать его. Как будто корабль на огромной скорости скользит по неровному льду в темноте ночи. Майор слышал, как некоторые из солдат постанывают от ужаса, и не мог винить их за это.

Реальный мир вернулся обратно с такой же внезапностью, с какой формируется кристалл в перенасыщенном растворе. Освещение стало нормальным, появилась голограмма, демонстрируя то, что находится снаружи.

Только это уже не был ангар. Это вообще ничем не было, просто сплошная серая муть, сквозь которую не пробивался ни один огонек.

Грант что-то злобно орал, но его слова не доносились сквозь шлем. Толстые сильные пальцы лихорадочно нажимали кнопки. Серый цвет сменился зеленым, голограмма напоминала ряску, затянувшую поверхность пруда.

— Что с нами случилось?! — завопила одна из десантниц. — Куда...

Нож сержанта Брэдли оказался рядом с глазами запаниковавшей десантницы. Конечно, лезвие не могло пробить стекло шлема, но один вид сверкающей стали заставил паникершу замолкнуть. Она прекрасно поняла, что вслед за следующим воплем ей просто перережут горло.

— Эй, Грант, — спокойно позвал Ковач.

Грант продолжал говорить сам с собой, не подключаясь к общему каналу. Но и без слов было ясно, что он в бешенстве.

Ковач поднял стекло своего шлема и наклонился к Гранту так, что тот не мог его больше игнорировать. Грант в ярости замахнулся кулаком, но майор легко перехватил толстое запястье и сжал. На какое-то время они оба словно окаменели. Краем глаза Ковач заметил, что Си придвинулась к нему, но это было лишнее. Майор в помощи не нуждался. Рука Гранта опустилась, он поднял стекло шлема и прорычал:

— Какого хрена тебе нужно?

— Где мы находимся?

Каждый десантник в модуле смотрел на них, хотя разговор слышали только те, кто стоял рядом. Грант потряс онемевшей рукой и недовольно буркнул:

— Ничего страшного не произошло. Мы попали не туда, куда предполагалось, но ничего ужасного в этом нет. Если даже те, кто нас послал, не смогут ничего исправить, мы просто вернемся обратно через семнадцать минут.

«Будем надеяться, что мы вернемся через семнадцать минут», — подумал про себя Ковач, вслух же сказал:

— Хорошо. Я успокою людей. Но клянусь, что те, кто заслал нас сюда, заплатят за это.

«И они действительно заплатят. Хотя, возможно, Грант этого еще не понимает».

— Ну что, парни, — громко заговорил командир. — Считайте, что большое начальство из специального проекта подарило нам всем пятнадцатиминутный отпуск. Но как часто бывает у нас на Флоте, все, что мы можем поймать, так это одну жалкую комнату отдыха. Ни ласкового моря, ни теплого песочка.

Синкевич громко расхохоталась.

— К черту песок, — отозвался Аль-Хабиб, — мне бы только узнать, нет ли тут поблизости борделя.

Ковач широко улыбнулся своему схватывающему все на лету лейтенанту, который только что опять заслужил право зваться Охотником.

— Штурмовикам платят неплохие премиальные, Джамал, но, похоже, на них здесь не разгуляешься.

Теперь улыбались уже почти все десантники.

Ковач стянул шлем и провел ладонью по своей короткой шевелюре.

— А теперь послушайте меня, парни, — сказал он повелительно. — Сейчас самое время для того, чтобы каждая группа повторила свое задание. Даже Специальный Проект, — Ковач ткнул в сторону Гранта с его чемоданчиком, — и наш родной восьмой корпус иногда доводят дело до конца. Скоро нам придется потрудиться, и я не хочу, чтобы вы опростоволосились. Всем ясно?

— Есть, сэр! — проревели дюжие глотки.

Животный страх испарился из глаз солдат.

— Тогда займитесь делом! — прорычал Брэдли.

Десантники повернулись друг к другу, образовав маленькие группки из трех человек. В центре каждой группы появилась голографическая карта неприятельской базы. Солдаты начали повторять свои маршруты.

Разрядив напряжение. Ковач снова повернулся к Гранту. Майор ожидал, что хозяин чемоданчика в бешенстве от того, что стал мишенью для насмешек, но лицо штатского ничего не выражало. Это лишний раз доказывало, что Грант хитрая бестия.

— Я все время на связи, — сказал Грант. — Все идет нормально.

— Если не считать того, что мы попали не туда.

Брэдли и Синкевич стояли неподалеку от майора, в тесном модуле все находились рядом, но помощники не смотрели на своего командира. Они поддерживали порядок в роте.

— Техники исправили значения параметров. Когда закончатся семнадцать минут, мы сможем прямо отсюда перескочить в пункт назначения.

— Отлично. — Лицо Ковача ничего не выражало. — Но было бы гораздо лучше, если бы это дерьмо сработало с первого раза.

— Ваше дело держать людей в боевой готовности, майор, — огрызнулся Грант. — Ясно?

— Можешь не сомневаться. Только доставь нас на место, а уж со своей работой мы справимся.

И они справились.

Прозвучал звуковой сигнал, красное сияние снова залило модуль, а потом десантники оказались в большом цилиндрическом ангаре. Здесь поместился бы пассажирский лайнер или боевой крейсер, но сейчас, к счастью, внутри находилось только три небольших курьерских шлюпки, жалкие карлики в гигантском пустом чреве.

— Атмосфера в норме, есть искусственная гравитация, — проорал в передающее устройство Ковач на случай, если кто-то из «Охотников» не увидел данных на мониторе своего шлема.

Люки, точнее, лишь два гребаных люка, словно это автобус, а не корабль штурмовиков, распахнулись.

Голографическое изображение внутри модуля показывало, что снаружи стоят человек десять-двенадцать из персонала базы. Они удивленно глазели на внезапно возникший из ничего корабль.

Брэдли, вооруженный скорострельным оружием ближнего боя, выскочил из люка первым и сразу открыл огонь, рядом с модулем было слишком много людей Синдиката, и они могли представлять опасность, хотя и выглядели безоружными. Возможно, самую большую проблему представляла женщина, которая бежала к одной из шлюпок, находившихся метрах в ста от десантников. Женщина двигалась слишком быстро и вполне могла успеть скрыться и предпринять ответные меры.

Ковач тщательно прицелился и подстрелил ее. Майор выскочил из люка вторым, опередив Си, которая вечно лезла вперед в любом опасном деле. Но и он тоже не привык прятаться за солдатскими спинами.

Женщина взмахнула руками и упала на дорожку. Пули прошли ее насквозь, превратив грудную клетку в кровавое месиво.

«Охотники» пока не могли брать пленных, большая часть солдат еще не выбралась из

модуля.

Брэдли устремился в коридор, над входом в который красовалась желтая цифра шесть. На картах восьмого корпуса он был помечен буквой «D». Согласно информации, вырванной из мозга пленника, именно в этом крыле временно размещалась административная часть базы. Майор бросился туда же, опередив сержанта и посылая короткие очереди в застекленные двери и стены. Люди в комнатах валились на пол, стараясь укрыться от огня за своим рабочим оборудованием.

Сзади десантников настиг отблеск чудовищной вспышки. Это начала действовать Си. Кроме полагающегося ей по штату оружия, капрал вечно таскала с собой тяжеленную ручную плазменную пушку, и теперь, выбравшись из люка, она, не долго думая, послала пылающее кольцо плазмы в направлении орудийных башен двух шлюпок, находившихся с ее стороны.

Если кому-нибудь из уцелевших людей Синдиката происходящее и казалось безумным наваждением, то молния, осветившая весь огромный ангар, и грохот взрыва убедили их в реальности кошмара.

Оружейная башня первой шлюпки просто исчезла, она была стерта в порошок. Вторая башня устояла, но через мгновение внутри нее сдетонировали боеприпасы. Шлюпка подпрыгнула, из открытых люков вырвались языки пламени.

То, что осталось от навигационных компьютеров этих кораблей, пожалуй, не стоило тащить с собой обратно на Тау Кита, что, в общем-то, не отвечало цели операции, но десантники не могли рисковать — вдруг кто-то доберется до орудийных башен раньше, чем шлюпки займут группы, специально предназначенные для захвата кораблей в ангаре.

Вернуться назад, так и не добыв нужной информации, было бы очень плохо, но вообще не вернуться было бы еще хуже. Даже Грант, который остался внутри модуля и следил за действиями десантных групп по мониторам, согласился с этим.

В руках Брэдли был теперь баллон с парализатором — быстро испаряющейся жидкостью в основном контактного действия, хотя ее пары также могли нейтрализовать противника. Сержант поливал из пульверизатора комнаты, обстрелянные Ковачем, и щедро орошал ядом обезумевший персонал, скорчившийся за своим измочаленным оборудованием.

Позднее специальные расчеты подберут пленных и побросают их в модуль. Предполагалось, что десантники будут использовать пленных в качестве сидений, иначе в модуле просто не хватит места.

Коридор раздвоился, и в соответствии с планом Ковач и Брэдли свернули налево.

Двери здесь имелись с обеих сторон. Кто-то попытался открыть изнутри третью по счету дверь, и Мгновенно среагировавший майор изрешетил ее пулями. Дверь распахнулась, оттуда вывалился толстый ярко разодетый человек со знаками отличия на груди.

Ковач, приостановившись, чтобы зарядить в магазин новую обойму, подумал, что его-то как раз и надо было взять в плен. Но сделанного не воротишь.

Сзади слышались частые звуки характерных разрывов: это взвод огневой поддержки занял наконец активную круговую оборону вокруг модуля. За долю секунды до каждого взрыва происходила световая вспышка, на мгновение отбрасывая причудливые тени.

С того места, где находился Ковач, ангар виден не был. При желании он мог его увидеть, переключив экран шлема на изображение модуля. Точно так же майор мог увидеть, чем занят в данный момент каждый из десантников, и отдать ему приказ по двустороннему каналу. Но в этом пока не было никакой необходимости. «Охотники» — тертые ребята и свое дело знали отлично. Кроме того. Ковачу вполне хватало и собственных забот.

Защитный барьер начал перекрывать коридор метрах в двадцати от майора. «Ложись!» — проорал Ковач, левой рукой нащупал на поясе гранату, швырнул ее вперед и сам растянулся на полу.

Два охранника в форме, вооруженные автоматами, выскочили из поперечного коридора сразу за барьером. Брэдли послал в них струю из баллона, но расстояние было слишком велико. Ковач, который неудачно упал, тоже не успел выстрелить.

Бронебойная граната ударилась о барьер, на мгновение словно повисла на нем, а потом взорвалась с оглушительным треском. Барьер выгнулся назад, смявшись рядом с направляющими рельсами. Взрыв кумулятивного заряда проделал примерно двухсантиметровую дыру в броне, в которую полетели осколки и куски расплавленного металла.

Ударная волна отбросила Ковача примерно на метр от зоны взрыва, не причинив ему вреда. Хрупкая внешняя оболочка гранаты раскрошилась в порошок, и в сторону «Охотников» не полетел ни один осколок, а шлемы защитили их барабанные перепонки.

— Вперед! — скомандовал Ковач.

Синкевич, нагнавшая их еще у развилки, первая проскочила мимо так и не успевшего захлопнуться барьера. Дальше начинались жилые помещения станции. Капрал на секунду задержалась, чтобы убедиться, что Брэдли уже тут со своим баллоном, а потом пинком распахнула первую дверь.

Сержант включил пульверизатор, и через несколько секунд комнату заполнил туман из мельчайших капелек жидкости, которые мерцали в отблесках далеких разрывов.

Другая группа десантников появилась за их спинами и повернула влево по поперечному коридору. Навстречу им выплеснулись автоматные очереди.

Первый номер группы перевернулся в воздухе и упал. Второй, женщина, не медля, отбросила свой баллон и втащила товарища за угол, в основной коридор, прямо напротив Ковача. Третий номер, также находившийся под прикрытием, хотел выскочить вперед, чтобы открыть ответный огонь. Ковач жестом вернул его обратно, а затем швырнул за угол связку осколочных гранат, причем его тело ни на секунду не попало в обстреливаемое пространство.

Связка с силой ударилась о стену коридора и рассыпалась, гранаты со стуком покатались по полу. Полыхнуло белое пламя, даже грохот взрыва не смог заглушить удары осколков о стены.

Ковач первым нырнул в облако дыма, Брэдли за ним. Си прикрывала их со спины на случай, если кто-то появится из противоположного конца поперечного коридора.

Перед ними валялись несколько изодранных в клочья тел. Один охранник, шатаясь, брел к спасительному барьеру, который медленно перекрывал коридор перед ним. Ковач и Брэдли выстрелили одновременно.

Охранник взмахнул руками и, сделав еще пару шагов, упал. На его спине ясно были видны здоровенные отверстия от пуль со смещенным центром тяжести, которые использовал сержант, и три аккуратные дырочки от оружия майора.

Железный барьер остановился — голова охранника попала точно между ним и стеной. Возможно, устройство все равно закрыло бы дверь, но на голове солдата был шлем, который остановил движение механизма. Свободное пространство между дверью и стеной позволяло протиснуться одному человеку.

Кто-то открыл огонь с той стороны бронированного барьера. Пули рикошетили от стен с диким завыванием, звук был такой, словно неподалеку работала циркулярная пила. Эти летящие во все стороны кусочки свинца были смертельно опасны.

— Прикройте меня! — крикнул номер второй из пострадавшей группы и, подхватив свой баллон с газом, бросился вперед мимо Ковача и Брэдли.

Майор выпустил все, что оставалось в его магазине, прямо в зияющую щель. Брэдли приготовил связку гранат. Сержант не мог стрелять, его оружие давало слишком большой разброс, и пули обязательно срикошетили бы в самих десантников.

Пули со свистом пролетали мимо бегущего «Охотника», одна ударила в патронташ на поясе, крутанув солдата, но десантник достиг мертвой зоны возле барьера невредимым. Он подобрал баллон с газом. Одновременно Брэдли замахнулся связкой гранат.

«Не бросай!» — хотел крикнуть ему Ковач, но не стал, сержант не промахнется, да и все равно он бы не послушался.

Связка из трех гранат, описав пологую дугу, точно вошла в узкую щель и, не долетев

до пола, взорвалась далеко за дверью.

Сразу же после взрыва номер второй выставил вперед свой баллон и начал поливать коридор парализатором. Оттуда больше никто не стрелял. Там оказалась всего одна женщина, она бросилась на пол, чтобы избежать осколков, и угодила прямо под струю парализатора. Она была облачена в яркое богатое одеяние — верный признак того, что это большая шишка.

Неожиданно «Охотник», стоявший рядом с дверью, выронил баллон и упал.

«Это семнадцатиминутная задержка виновата. Противоядие больше не действует».

— Говорит шестой. Всем «Охотникам», — Ковач бросился на пол: с той стороны двери опять начали стрелять, — прекратить использовать парализатор. Противоядие...

Синкевич послала через щель последний заряд из своей плазменной пушки. Огненная струя плазмы мгновенно испарила стену в конце коридора метрах в тридцати от них.

— ...противоядие потеряло силу, — закончил майор, вскочил на ноги и бросился к барьеру на шаг впереди замешкавшегося Брэдли и на два шага впереди Си, которую отбросило назад взрывной волной.

Ковач боком протиснулся сквозь щель. Увешанный оружием пояс зацепился за дверь, но десантник легко отцепил его.

В конце коридора бушевало пламя. Четыре комнаты по левую сторону просто исчезли. Правая сторона сохранилась лучше. В дверях одной из уцелевших комнат на коленях, уронив оружие, стоял охранник. Он держался руками за ослепшие глаза. Ковач пристрелил его, скорее из милосердия, чем из необходимости.

«Те, кого мы притащим живьем на Тау Кита, позавидуют мертвым».

Вдруг майор краем глаза заметил, что первая дверь с правой стороны, прежде чуть приоткрытая, захлопнулась. Стараясь двигаться побыстрее, чтобы его не опередили другие десантники, Ковач прыгнул вперед и, ударив ногой по замку, ворвался внутрь.

Комната была ярко освещена. В ней находились два человека и какое-то устройство в виде большого ящика, привязанное к задней стене. Люди, мужчина и женщина, оба очень молодые, были одеты в скафандры и как раз прилаживали на головы шлемы.

Мужчина потянулся к своему автомату, лежавшему тут же на кровати. Ковач выстрелил одновременно с Брэдли. На этот раз сержант наглядно продемонстрировал сильные стороны своего оружия — его пули оставили на корпусе скафандра дыры величиной с тарелку.

Раздался приглушенный взрыв, и в задней стене комнаты возникла большая дыра. Ящик был прикреплен специальной лентой с взрывающейся начинкой, и, надев шлем, женщина хладнокровно взорвала ее. Ковач успел мельком увидеть ее лицо, и оно показалось ему смутно знакомым.

За разрушенной стеной оказался открытый космос. Воздух с ревом устремился в отверстие, втянув за собой женщину, которая спаслась таким образом от пуль «Охотников». Вслед за ней полетели листы бумаги, постельное белье, шлем ее менее удачливого спутника и прочий мусор.

Ковач почувствовал, как его ноздри и рот обхватила аварийная система подачи воздуха. Жизни десантников ничто не угрожало, но преследовать противницу, облаченную в специальный костюм, они не могли. Когда налетчики уберутся восвояси, она использует встроенный в скафандр реактивный ранец и благополучно вернется назад через один из воздушных шлюзов.

В комнате сгустился пар, воздух быстро выходил наружу. Ковач осторожно подошел к трупу мужчины, но потерял равновесие, и его чуть не утащило в дыру.

Майор бы непременно погиб, не успеет Си ухватить его за ремень.

— Пошли отсюда! — проорала она. Голос, чуть ослабленный селектором, неприятно резанул по ушам. — Мы выходим из графика!

— Помогите мне забрать тело! — приказал Ковач.

— На что нам мертвяки? — удивился Брэдли, ухватившись за одну из ног трупа.

Поток воздуха ослабел, видно, что-то заткнуло дыру, но все равно оставался очень сильным, и тело в громоздком скафандре тащить было неудобно. Десантники с трудом выволокли его в коридор.

— Этот нужен.

— Я о нем позабочусь, — сказала Синкевич и, подхватив тело, одним движением пропихнула его в щель.

Коридор был пуст, не считая трупов охранников. Десантники уже подобрали все, что могли, утащили пленных и убрались подобру-поздорову в свой модуль. У группы Ковача оставалось совсем мало времени, через двадцать секунд люки их корабля захлопнутся.

— Нам нужен этот покойник, — задыхаясь, прокричал Ковач, в то время как его люди бежали по коридору, преодолевая ветер.

Тело тащила Си.

— Потому что на нем нашивки...

Они увидели модуль. В открытом люке стоял Грант и, разрази его гром, если он не помог им — подняться наверх.

— ...лейтенанта нашего флота, — договорил наконец майор.

На этот раз администратор обратила внимание на присутствие Ковача, более того, она с ужасом смотрела на вооруженного до зубов десантника, ворвавшегося в святая святых ее кабинета, хотя, по правде говоря, на майоре было только оружие, которое он не успел использовать во время налета.

Сопровождающий чуть ли не на цыпочках проскользнул в комнату.

— Пожалуйста, сюда, сэр. Он ждет вас.

— Я тоже жду, — просипел Ковач. Вся эта гарь, чад, пороховой дым, пары парализатора, которыми он дышал, не прошли даром: майору казалось, что его горло изрезано множеством маленьких лезвий.

— Жду более теплой встречи, черт бы вас всех побрал!

Сопровождающий шел впереди, эдакий важный, чистенький, с иголки одетый эльф. Ковач с трудом плелся следом. Напряжение спало, и теперь он чувствовал, каким тяжелым выдался этот день. Майор уже видел предварительное донесение о потерях.

Три человека из его роты пропали без вести.

Сам Ковач, не считая синяков и царапин, получил здоровенный ожог на тыльной стороне левой руки. Видимо, приложился к раскаленному дулу автомата, хотя, убей Бог, он не помнил, как это произошло.

Знакомая табличка «Специальный проект — Тентелбаум» мелькнула на двери, прежде чем та распахнулась.

Грант приказал майору явиться немедленно, не переодеваясь, как есть. И теперь он был крайне недоволен задержкой.

— Где тебя черти носили?

Открытый чемоданчик лежал на столе, подключенный к голографическому проектору. В воздухе мелькали расплывчатые картины недавней баталии. С противоположной стены строго взирала точная трехмерная копия адмиральши Тентелбаум.

— Я должен был проверить своих людей.

Ковач прислонил черный от копоти автомат к одному из роскошных кожаных кресел. На груди майора скрещивались две ленты с боеприпасами. Он стянул их через голову и бросил на сиденье кресла.

— Я сказал, немедленно! — огрызнулся Грант. — Для такой работы у тебя есть командиры взводов. Разве не так?

— Я догадывался об этом.

Ковач расстегнул ремень со всеми прицепленными к нему гранатами и пистолетами и сам поразился его тяжести. Затем бросил пояс в кресло.

«Черт, я чувствую слабость».

Грант улыбнулся.

— Ладно, давай сюда шлем.

Ковач позабыл, что даже не снял еще с себя шлем. Он аккуратно стянул его. Идеально чистую атмосферу адмиральского кабинета заполнили запахи пота и гари.

Грант перевернул шлем и прикоснулся к выступу на крае электронным ключом. Ковач знал о таких ключах, но никогда не видел их в деле, полевым десантникам не позволялось вытаскивать из шлемов записывающие чипы, это было привилегией особого отдела, который проверял, насколько грамотно вели себя солдаты в бою.

Грант прошептал какую-то команду своей рабочей станции, и призрачные фигуры в воздухе исчезли. Затем он поместил чип из шлема майора в приемник проектора. Грант тоже пришел сюда сразу после конца операции — его портупея вместе с оружием висела тут же на спинке кресла.

— Разве ваше оборудование не записало автоматически всю информацию из наших шлемов? — Ковач продолжал стоять, садиться ему почему-то не хотелось.

— Далеко не все, — фыркнул Грант. — Ровно столько, чтобы я понял, что именно мне нужно.

Он прокрутил трехмерную картинку того, что происходило вокруг Ковача во время боя, на десятикратной скорости. Маленькие фигурки людей в воздухе дергались, падали и умирали. Потом резко полыхнул огнем взрыв плазменного разряда.

— Слишком много каши от этих плазменных пушек. Неужели непонятно, — Грант злобно взглянул на майора, — что стрелять в узком пространстве коридора — безумие? Взрыв мог уничтожить внешнюю оболочку станции.

— Но не уничтожил. А если у вас есть жалобы на нашу работу, то в следующий раз пошлите других.

Грант остановил изображение. В красной от всполохов выстрелов комнате лежал молодой человек в развороченном космическом скафандре. Его лицо осталось неповрежденным, но было залито брызнувшей из рта яркой легочной кровью.

— Это умно придумано принести оттуда тело, — безразличным голосом сказал Грант. — Но очень плохо, что вам не удалось захватить его живым.

— Плохо, что ваша система не сработала как следует с первого раза. Тогда мы бы смогли использовать парализатор, — спокойно ответил Ковач. Ему было тошно смотреть на весь этот кошмар снова.

Грант увеличил изображение лица умирающего.

— Нам удалось узнать про него кое-что, используя остаточную активность мозга. Кроме того, все его идентификаторы оказались при нем. Имя — Хейли Дж. Стокер, лейтенант.

— Шпион Синдиката?

— Готов спорить на свою пенсию.

Грант начал прокручивать изображение назад на минимальной скорости. Струйки крови исчезли обратно во рту жертвы, тонкие губы, искривленные в безумном крике, сложились в улыбку, которая появилась на лице за мгновение до смерти. Перед ними был симпатичный молодой человек.

— Только вот еще что, — продолжил Грант, — лейтенант Стокер пропал без вести тридцать пять лет назад.

Он посмотрел на Ковача так, как будто ждал от десантника объяснения этого безобразия.

— Невозможно. Ему же лет двадцать. То есть было лет двадцать.

— Правильно. Точнее, двадцать с половиной стандартных лет, как сказали в лаборатории.

Грант опять запустил проектор. Снова брызнула кровь, и шпион, совсем еще юноша, снова умер. Ковач молчал. Это было выше его разума. Происходящее казалось майору нереальным.

— Не понимаю, — выговорил наконец Миклош Ковач.

Грант и сам выглядел не столько усталым и удивленным, сколько каким-то потерянным. Ему тоже нелегко далась эта операция, иначе он бы не стал так доверительно разговаривать с простым десантником.

— Похоже, мы до сих пор еще не разобрались со всеми тайнами этой безумной системы АПОТ. Самая правдоподобная догадка — это то, что второй прыжок перенес нас на место раньше, чем нужно. На тридцать пять лет раньше.

Грант остановил изображение проектора, а затем увеличил его. Перед Ковачем снова предстало лицо женщины, еще совсем девчонки, которой удалось спастись. Теперь он узнал его. Изображение было слегка искажено, но сходство оказалось таким разительным, что ошибиться невозможно. Это была вице-адмирал Тентелбаум.

Интерлюдия. ГЛУБОКОЕ ПРИКРЫТИЕ

Космос велик. И это слабо сказано. Однако лучшего определения еще не придумали. Не придумали потому, что не существует слов, которые называли бы понятия, недоступные человеческому мозгу. Представьте себе три предмета, красные шарики к примеру. Теперь представьте пять. Ладно, семь. А попробуйте миллион. Не число, а каждый из миллиона шариков в отдельности. В том рукаве нашей галактики, где нашли приют Альянс и Синдикат, мерцают миллионы звезд. На самой большой скорости расстояние между двумя соседними светилами можно преодолеть за неделю. Но расположены они, разумеется, неравномерно. Некоторые скопления содержат сотни звезд. В пустынных областях корабль может лететь неделями, не регистрируя ровным счетом ничего. Даже если бы у Флота нашлось время, ему было бы очень трудно отыскать родные миры Синдиката. А теперь, когда небольшие флотилии вражеских кораблей уже бороздили халианское пространство, времени больше не было.

Где-то среди сотен тысяч звезд, лежащих на границе Альянса и Халии, наверное, и можно было бы обнаружить миры Синдиката. Тайна, у каких именно из пятидесяти тысяч звезд скопления находятся эти миры, — вот что являлось той самой жизненно необходимой информацией, без которой Флот не мог начать действовать. И никакие усилия, направленные на то, чтобы выяснить это, нельзя было назвать чрезмерными. А пока Флот походил на слепца, который бессмысленно размахивает клюкой, стараясь защититься от банды вооруженных дубинками убийц.

Вблизи халианских миров достаточно часто обнаруживали тайные военные базы, подготовленные Синдикатом. Многие из этих баз предназначались для действий в будущем, так что на них обычно проживало несколько охранников с семьями. Так как техники Синдиката полностью контролировали способность халиан путешествовать в пространстве, для них не составляло труда закрыть те области, где посетители были бы незваными гостями. Поэтому даже после того, как халиане присягнули на верность Альянсу, ни один из них не мог предупредить Флот о грозящей опасности.

Когда такой мир все же находили, необходимо было действовать очень быстро. Только на базах имелись люди, которые располагали необходимой информацией о скоплении, в котором таились родные миры Синдиката. Однако обломки и мусор, остававшиеся от базы, имели привычку хранить молчание. Даже самые плохо защищенные базы можно было взять только штурмом. И обороняющиеся всегда располагали временем, чтобы подорвать себя. Так что местоположение Синдиката или хотя бы даже намек на него были воистину бесценны.

Дженет Моррис. ПОДАРОК КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Записка, которую Инглиш оставил у клерка КВП/АСД, гласила: «Ушел на осмотр ни Станцию Электроисследований. Кап. Толливер Инглиш, 92-й ДБР, САЭМИ/ІЗ/ТАКОПС».

Сорок пять дней в тылу, даже в самый жгучий мороз, отнюдь не гарантируют, что

человек полностью остынет. И Тоби Инглиш был живым тому доказательством. С того самого момента, когда, согласно приказу. Девяносто Вторая Дивизия Быстрого Реагирования Флота («Красная Лошадь») отправилась в бой с новым оружием класса X, эта самая дивизия стала еще более «специальной». А на Инглиша с того дня сыпалось все больше и больше неприятностей.

Термин «специальный» здесь, на Комплексе Военной Поддержки, означал неприятности. Специальное Агентство Электромагнитных Исследований (САЭМИ) обзавелось своей собственной огромной и привилегированной станцией на базе КВП/АСД, которая вращалась вокруг газового гиганта, который команда управления и контроля базы использовала в качестве источника энергии.

Когда Инглиш впервые увидел эту космическую базу, он понял, что ему повезет, если удастся вытащить отсюда своих ребят живыми. Девяносто Вторая только что вернулась после чистки, которую провела по заданию МАП — Межведомственного Агентства по Поддержке. Не к чему было бранить начальство за то, что их хотели отделить от остальных: большинство во Флоте не питали особой любви к «Красной Лошади». У каждого из тех, кого Девяносто Вторая, выполняя задания МАП, арестовала или уничтожила как вражеского шпиона, были друзья. Но, черт возьми, после этого командование передало их САЭМИ, где приходится играть роль подопытных кроликов весь отпуск. Или всю оставшуюся жизнь...

Однако Инглиш не видел другого выхода. Ничего не поделаешь. Придется торчать здесь, пока их не заберет «Хэйг», который сейчас на перевооружении, или пока их не прикончат эти эксперименты САЭМИ.

После полутора месяцев психотестов и всяческих исследований Инглиш так и не решил, что лучше. Теперь он командовал не просто Дивизией Быстрого Реагирования. САЭМИ превратило их в нечто, что именовалось «Электроисследования». И Инглишу вовсе не улыбалось быть чем-то вроде тактического подразделения САЭМИ.

И здешнее оборудование ему тоже не нравилось. Словом, Инглишу было не по душе то, что стояло за той переподготовкой, которую они проходили. Но никого, за исключением терапевтов, не интересовало, что ему нравится, а что нет, а эти болваны никак не могли понять, почему он не пользуется их услугами.

Вся терапия, которая Инглишу нужна, — здесь, в модуле виртуального моделирования.

Он приложил руку к идентификатору отпечатков на двери и приблизил глаза к сканеру сетчатки. Волна холодного воздуха ударила в глаза.

Дверь открылась, впереди был короткий, голый коридор.

— Пожалуйста, проидентифицируйте себя голосом.

— Это Инглиш. Я жажду провести пару приятных часов в комнате смеха. — Не важно, что тут говоришь. Компьютер просто хотел убедиться, что он не пьян.

Он сравнил голос Инглиша с записью в файле, потом считал его отпечаток пальцев и электропроводимость кожи, цвет радужной оболочки, форму зрачка и давление глазного яблока.

Дверь скользнула назад, а это означало, что компьютер решил — капитан не собирается впадать в неконтролируемое буйство. Что действительно было немаловажно, принимая во внимание оружие, хранившееся за этой тяжелой дверью СЭИ.

На командно-контрольном комплексе это было время отдыха. Инглиш не ожидал встретить здесь людей. Поэтому ему показалось странным, что коридор освещен.

В прошлый раз, когда он в этот час был здесь, в коридоре царил сумрак. Инглиш собирался немного потренироваться в специально подогнанном под него скафандре с АПОТ-вооружением, которое к нему полагалось.

Инглишу вовсе не требовался обслуживающий персонал, чтобы начать тренировку. Он знал, что где расположено. Большую часть своего рабочего времени он проводил, «консультируясь» с техниками САЭМИ, стараясь довести это чертово оружие до состояния, которое можно было бы назвать «боевой готовностью». Девяносто Вторая ждала пополнение.

Инглишу уже прислали трех новых парней. Их снабдили скафандрами и сняли нейтрограммы для того, чтобы подогнать вспомогательную электронику, усиливавшую боевые схемы, встроенные в шлемы. Все было в порядке, и вдруг два дня назад у Греко, одного из новичков, во время прохождения седьмого уровня сложности случился сердечный приступ.

Теперь техники решили разобрать оборудование и выяснить причины происходящего. Инглиш завернул за угол, лампочка над дверью мигнула, и дверь раздевалки открылась.

Как только капитан вошел внутрь, дверь с тихим шипением захлопнулась. Лампы мигнули красным, потом снова переключились на белый. Инглиш приложил руку к замку своего шкафа. Греко, тот парень, что погиб, просто был на грани сердечного приступа. Так объяснял себе Инглиш. Он уже видел это раньше, во время десантных высадок на планеты. «Специальные» операции отличаются повышенным риском. А когда операции становятся настолько «специальными», то сюрпризы начинают происходить даже во время тренировок.

Это было на руку Инглишу. Смерть приносит гораздо меньше неприятностей, если случается в светлой и чистой исследовательской лаборатории, а не за пять минут перед высадкой, когда план действий уже нельзя скорректировать, и люди напряжены до предела.

Сбрасывая с себя антистатический костюм, Инглиш старался не смотреть на свое отражение в зеркале. Он смотрел на труса, на того, у кого не хватает смелости настоять на своем и избавить своих парней от подобной судьбы.

Забавно, это никак не отражалось на его результатах, даже на его психотестах. Психотерапевтов его сны, полные трупов, волновали не больше, чем странный, едва заметный тик, появившийся у него после использования оружия на основе А-потенциального (АПОТ) электромагнитного луча, или загар, вызванный долгими часами, проведенными под лучами искусственного солнца.

Он соответствовал «общей кривой» и казался здоровее, чем когда бы то ни было. Тонус мышц был просто великолепен, здесь сказалась искусственная гравитация, а также чудесные условия, созданные на станции. Его обычно тощая фигура раздалась; тело Инглиша обзавелось прослойкой молодого жирка; пульс в спокойном состоянии составлял около шестидесяти пяти, а в состоянии стресса — восемьдесят пять.

Вот только чувствовал он себя, как ходячий мертвец, только этого в отчете не напишешь. Хотя Инглиш и пытался. Его преследовал какой-то страх, который, как утверждали все, был совершенно нормален, принимая во внимание то, что, когда халиане наконец сдались. Альянс обнаружил, что за спиной Халии притаился враг куда более сильный, мощный и технически подготовленный — враг, которого люди пока не могли одолеть.

Ходили слухи, что эти враги из Синдиката — тоже люди. Тоби Инглиш вырос, убивая хорьков, врагов, покрытых шерстью, хвосты которых он собирал до тех пор, пока не набрал на большущее покрывало.

Не то, чтобы ему не хотелось убивать людей. Но ему не хотелось погибнуть самому, да так, чтобы потом лежебоки из САЭМИ доложили командованию, что да, действительно существует угроза со стороны гуманоидов.

Он чувствовал себя старым и уставшим, к тому же у него действительно развилась патологическая ненависть к ружьям АПОТ. И к черту болванов из САЭМИ с их уверениями в том, что то жуткое дерьмо, которое он видит, когда палит из ружья, не больше, чем пучок возбужденных электронов, которые врываются в его мозг из другой вселенной — короче, бояться нечего.

Когда он забрался в скафандр и навесил на себя металлопластиковую броню, стала видна наклейка на задней стене шкафа, напоминавшая: «Помехи — твой враг».

— Черта с два! — возразил он.

Человеческая ошибка — вот наш враг. Ему все еще казалось, что он и его люди не прошли удовлетворительной нейротипизации и оборудование подогнано кое-как. А если оно все-таки подогнано нормально, то возможна ли перенастройка этого оборудования в боевых

условиях, то есть если теряешь солдата, то можно ли будет передать снаряжение кому-нибудь другому, как передаешь обычное оружие?

Инглиш взвалил на спину ЭЛВИС (Электромагнитный Векторный Интегрированный Сканер), снял с крюка АПОТ-ружье и подключил к системе шлем и перчатки.

Он опустил забрало шлема, включил дисплей и занялся тестированием. Потом скомандовал:

— Первый отсек. Сценарий столкновения. — И направился в коридор. Теперь оставалось только ждать, когда встроенный компьютер сообщит ему, что на сегодня в программе комнаты смеха.

— Сценарий в работе, — сообщил компьютер.

Черт, он вовсе не имел в виду, что хочет включиться в игру на ходу.

— Смена программы. Вывести опции.

Головные экраны показали ему сложное, разбитое на квадраты поле, которое ничем не отличалось от реального плана сражения, с разноцветными точками и сигналами связи внизу.

Мускулы Инглиша напряглись. Что-то было не в порядке с имитатором с того самого момента, как с Греко случился сердечный приступ. Инженеры утверждали, что смерть человека никак не отразилась на компьютере, но, с другой стороны, люди из САЭМИ говорили то, что было на руку САЭМИ...

Когда он добрался до топографического отсека, то понял, что там уже кто-то есть. Он расслабился. Значит, с системным оператором этой чертовой комнаты смеха все в порядке. И, что еще лучше, с его встроенным компьютером тоже все в порядке. С предыдущей моделью у него были неприятности: Дельта-Один вдруг узурпировал его prerogatives командира.

Теперь у него был переключатель, который позволял в случае, если такое повторится снова, перейти на голосовое управление электронной системой.

И если понадобится, то он с удовольствием вырубит этот чертов встроенный...

Имитатор уже разошелся вовсю. Дыхание и пульс Инглиша участились в ответ на картины сражения, мелькавшие на экранах его шлема, несмотря на то, что он уже уйму раз бывал в имитаторе и знал, что модуль виртуального моделирования — это всего лишь большой пустой отсек, оборудованный топографическими и проекционными системами.

— Какой у нас сценарий? — осведомился Инглиш у своего компьютера.

На экране загорелось: «Десант на базу Синдиката. Десятый Уровень Сложности».

Да тот парень умер от страха на седьмом уровне сложности. Кто, черт возьми, здесь развлекается?

Он попросил компьютер выяснить, кто в игре. Здесь, как было известно Инглишу, тренировались и другие команды — небольшие десантные группы от семи до двенадцати человек. Ничего, что могла бы сравниться по размерам с его полудивизией в пятьдесят человек. Может, это Сойер? У Сойера, лейтенанта Инглиша, могло хватить ума на то, чтобы довести систему до предела только для того, чтобы убедиться, что она безопасна для его парней...

— Эй, Сойер! Это ты? — Двухсторонний канал включился, когда Инглиш заговорил.

Нет ответа.

Инглиш начал набирать код на дверях шлюза. Черта с два он будет стоять в очереди. Эта комната смеха принадлежит Девяносто Второй... И тут он услышал голос:

— Помехи... конфликт систем, подключающийся пользователь. Посылаю 3, 5 гигагерц; повторяю, вам предоставлен стабилизатор частоты F.

Ну, ладно. Инглиш ввел последнюю цифру кода, и дверь распахнулась. Он узнает, чего стоит этот парень из другой части, только дайте ему войти в игру.

Десятый уровень сложности не пугал Инглиша. Ему уже довелось испытать чертово вооружение в боевых условиях, и без всякой предварительной подготовки. Он выжил, но ему запретили говорить об этом.

Дверь скользнула в сторону, и он оказался в центре хаоса, ворвавшегося в его сенсорные приемники. Перед глазами все поплыло. Инглиш сконцентрировался. В этой комнате смежа чувствуешь себя так, будто палишь по-настоящему.

Насколько ему было известно, каждый раз, когда он нажимал на курок в этом отсеке, он действительно протыкал настоящую дыру в пространстве-времени. Палец на спусковом крючке слегка одеревенел, как это случалось во время боя. Проблемы безопасности стрельбы, однако, оставались очень серьезными, и никто не мог признать, что эти тренировочные ружья полностью соответствуют боевым.

И все же ты стреляешь по мишеням, мелькающим у тебя на дисплее, и тебе кажется, что ты действительно защищаешь собственную шкуру.

Кто-то еще выстрелил — или второй игрок, или системный оператор. Инглиш повалился на пол. Его монитор отключился — значит, в него попали.

Игра идет.

Он на животе двинулся вперед, потребовав у системы оценки повреждений и ожидая, когда дисплей вновь просветлеет. Когда этого не произошло, он испугался, что имитатор сейчас сообщит ему, что он мертв. Поэтому он запросил местоположение врага и своих «людей».

Перед ним немедленно зажглась картинка, очень напоминавшая футбольное поле с пятью черными башнями, которые уже успел заметить. Потом его компьютер показал предположительную сетку огня с двадцатью тремя командами, главный корабль и три команды-двойки, разбросанные в разных местах поля.

А вот и второй игрок: желтая точка, загоревшаяся в левой верхней четверти экрана. Раздался голос:

— Видишь меня, И-Три-У?

— Дельта-Два, — взяла верх привычка, — Желтому Стрелку. И что такое И-Три-У, черт возьми?

— О, извини. Принял тебя за другого. Интуиция, Изобретательность, Интеллект и Удача. Ты почти достиг этого, Дельта-Два. Хочешь присоединиться ко мне? Вместе с тобой появилось много дополнительных стрелков.

— Ага. Прими командование Омегой. Это рядом с твоей позицией. — Он отключился, сообщил своему компьютеру, что теперь в команде Омега три человека с живым игроком во главе, который имеет право на двухстороннюю связь, и потом снова обратился к Омеге:

— Давай. Что за цель? Ты играешь дольше, чем я.

— Цель — Черная Башня, двенадцать часов по моему времени.

— Отлично, — отозвался Инглиш. Это переставало быть игрой. По крайней мере уже не чувствовалось, что это всего лишь игра. Враг открыл шквальный огонь, и компьютер настойчиво требовал отступить к главному кораблю.

— Омега, я хочу взять цель.

— Ну так вперед, Дельта-Два.

— Иду. Если доберемся туда, выпивка за тобой.

— Это будет первый раз в истории имитатора, к твоему сведению. Доберешься живым — получишь.

Инглиш отключил двухстороннюю связь и включил общую. Пот застилал глаза. Система микроклимата скафандра заработала, и капитан почувствовал холодок.

До Черной Башни было достаточно далеко, а к нему уже приближались четыре мерцающих точки. Враги.

Здесь можно и погибнуть. Греко же погиб. Тут все казалось настоящим, в особенности снаряжение. Инглиш выпустил очередь в силуэт, мелькнувший справа. Прицелился за него компьютер. Сегодня они синхронизированы лучше, чем когда бы то ни было. Но проклятые видения не исчезали, у Инглиша внутри все так и переворачивалось. Он чувствовал дыхание раскаленного ветра, видел странные облака, незнакомую флору и фауну.

Черта с два, его ружье не стреляет всерьез! Инглишу казалось, что земля ходит у него

под ногами ходуном.

Теперь для него было делом чести провести атаку и не потерять ни одного бойца из своей воображаемой команды. Сегодня он заставит этого сукина сына, который командует Омегой, заплатить за выпивку. И плевать, что Омега — тоже воображаемая команда.

Тоби Инглиш не любил проигрывать.

Он распределил свои команды по местам, вызвал главный корабль и запрограммировал его так, чтобы тот расчистил путь к цели.

Потом капитан бросился бежать, как угорелый, увертываясь от имитируемого огня, отдавая распоряжения командам с помощью условных знаков, которые выработал вместе со своим компьютером. Наконец он оказался в соседнем с Омегой квадрате, прямо под Черной Башней.

Инглиш запросил сведения о потерях. Все целы. Потом программа виртуальной реальности, которая по его просьбе могла выводить на экраны шлема план местности, показала настоящего человека и двух вымышленных членов команды.

Он узнал настоящего по тому, что голова была повернута к нему, на опущенном щитке шлема выведено «Клиари», и этот болван в шлеме направлял на него АПОТ-ружье.

В этот момент у Инглиша мелькнуло: «Ясно. Грант послал агента, чтобы меня убрать. А я-то, дурак, попался».

От этой мысли его прошиб пот, и скафандр загудел и начал вибрировать, пытаясь обрести утраченное терморавновесие. Прикончить мерзавца! Инглиш рванулся вперед, он ударил прикладом по дулу направленного на него ружья, рванул человека на себя и тут же отскочил в сторону.

Если это был агент Гранта, то он не мог просто так пристрелить его. Потом выпутывайся из расследования. Оба ружья и в самом деле казались настоящими.

В динамике раздалось проклятие:

— Какого дьявола? Ты что думаешь, я тут врага изображаю?

— Не направляй оружие на старшего офицера, сынок! Никогда, ни при каких обстоятельствах. Давай, Омега, ты сам этого хотел. Вперед, к Башне!

Потом ворота Башни открылись, и на них обрушился поток вражеских солдат.

Инглиш рухнул на землю и запросил у главного корабля поддержку с воздуха.

— Быстро и точно! Все ракеты, какие есть. Сровняй эту штуку с землей.

И вдруг все кончилось.

Тоби Инглиш лежал ничком, его грудь тяжело вздымалась, ружье впечаталось в плечо. Сквозь размеченное на квадраты стекло шлема виднелся пустой отсек.

Командир Омеги лежал рядом с ним. «Не слишком высок этот Клиари», — подумал Инглиш, а вслух спросил:

— Что, тысяча чертей, это было?

Зажегся индикатор двухстороннего канала, и Клиари ответил:

— Конец десятого уровня, надо полагать. Первый раз доходим до этого. Дай мне снять эти железки и принять душ, а потом выпивка за мной, Дельта-Два. — Со стоном поднявшись на ноги, Клиари протянул ему руку в перчатке.

После небольшого колебания Инглиш пожал ее. Молокосос, похоже, никогда не был в настоящем бою и не знает, что на своих оружие направлять нельзя никогда.

— Заметано, — ответил капитан. — Душ и выпивка.

Ковыляя по белому, девственно чистому отсеку с ружьем на плече, Инглиш разглядывал голографические проекторы. В нескольких местах на стенах виднелись вмятины, словно в них со всего размаху что-то впечаталось. Но беспокоиться о повреждениях — не его работа. Снаряжение казалось тяжелее, как и всегда после операции.

Он обогнал невысокого командира Омеги. Клиари не к чему знать, с каким трудом скафандр Инглиша удерживал внутри приятную прохладу.

Проверив снаряжение и заперев его в шкаф, капитан забрал одежду и направился в душ. Должно быть, шкаф Клиари находился в другой части станции. Это был первый раз,

когда Инглиш встречал человека из другой команды.

Он порядком устал; трусы, майка, даже носки — все насквозь пропиталось потом. Он кинул их в воздушную сушилку, врубив ее на полную мощность, после чего направился в душ, откуда уже шел пар.

— Эй, Клиари! — крикнул он, открывая дверь, и вдруг осекся.

Вода, хлеставшая из душа, попала ему в рот, напомнив, что не следует его так разевать.

Ему ничего не оставалось, как переступить порог, закрыть за собой дверь и взять себя в руки.

Ничего удивительного, что Клиари невысок. Это была женщина.

Наклонившись, Клиари намыливала ноги, и глазам Инглиша предстал довольно симпатичный тыл недавнего напарника.

— Ты что, Дельта-Два?

Он не мог придумать, что бы ответить. Ему не часто доводилось, едва выбравшись из боевой операции, столкнуться с мокрым и на редкость очаровательным задиком.

Он едва устоял на ногах. Это означало, что он был не в том состоянии, чтобы приветствовать товарища, если только товарищ был вымотан не меньше, чем он.

— Отличная имитация, — запинаясь, произнес он и потянулся за мылом, стараясь не пялиться на подробности фигуры Омеги.

Но он не мог смотреть ни на что другое.

— Спасибо, Дельта-Два, — сказала она. У нее был глубокий, слегка хрипловатый голос, по радио он напоминал мужской. Но тогда Инглиш был уверен, что это мужчина.

Для женщины она была довольно высокой, стройной и отлично сложенной. Там, где надо, имелись приятные округлости, а кожа казалась такой мягкой...

Он шагнул в кабину рядом и включил воду на полную мощь, ничуть не заботясь о том, горячая она или холодная. Главное, делать что-нибудь.

В Девяносто Второй не было женщин. И не по каким-то особым причинам. В большинстве отрядов они составляли добрую половину. Инглиш подставил лицо под тепловатые струи, закрыл глаза и замер. Перед глазами все еще стояли ее округлости. Казалось, он мог бы одной ладонью накрыть обе половинки ее зада, такой Омега казалась хрупкой.

Он никак не мог сосредоточиться и взять себя в руки. Инглиш сделал глубокий вдох, и тут раздалось сдержанное проклятие, и брусок мыла шмякнулся на пол у его ног.

Она потянулась за ним.

Он потянулся к ней. Его рука сама собой скользнула к ее задку, и оказалось, что его первое представление было абсолютно правильным.

Она вскрикнула от удивления и выпрямилась. В этот момент он пребывал в состоянии, в каком бываешь перед боем. Пути назад не было, даже если бы ему удалось убедить себя...

Его правая рука обняла ее. Омега и не пыталась освободиться.

Она ничего не сказала, когда его пальцы нащупали ее грудь. Лишь откинулась назад и прислонилась к нему.

Их тела соприкоснулись, охваченные дрожью. Инглиш пробормотал, уткнувшись в душистые волосы:

— Пожалуйста... не останавливай меня.

Пальцы, скользившие по ее телу, говорили — у него есть шанс.

Но она повернулась, и он отпустил ее, давая понять, что не будет настаивать. Это не нападение, но и отступать поздно.

И тут он увидел ее мокрое лицо, пухлые губы шевельнулись:

— Тебе лучше не останавливаться, солдат, пока не докажешь, что ты умеешь любить не хуже, чем драться.

Она шагнула к нему и вжала свои губы в его.

Остального Инглиш не помнил. Единственное, в чем он был уверен, так это в том, что она вскарабкалась на него, как на дерево.

И еще он был уверен в том, что ее сердце билось в такт с его собственным. И что она дала ему все то, что никогда в жизни не смог бы дать ни один сексотерапевт в мире. Он не помнил, что, когда колени ослабели, он прошептал:

— Полегче, Омега, я давно не пользовался этой штукой.

Но она просто рассмеялась и потянулась, чтобы выключить душ. У нее были темные волосы, голубые глаза и белая нежнейшая кожа. Самая белая и самая нежная, какую он когда-либо гладил. И еще тренированное тело пловчихи.

— Думаю, ты все еще хочешь, чтобы я купила тебе выпивку, — сказала она наконец. У него не хватало духу противиться ей.

Так он и сказал.

— Увидимся на имитаторе, — ответила она и направилась к своей раздевалке.

Так что он даже не спросил, где она живет.

Когда Инглиш оделся и отправился ее разыскивать, она уже исчезла. «Хэйг», как он узнал, добравшись до своей комнаты, должен прибыть завтра утром и забрать Девяносто Вторую.

Так что у него не было бы времени разыскивать ее, даже если бы он этого и захотел. Он должен подготовить к отправке снаряжение, новое оружие и все остальное. И на все про все у него оставалось каких-то семь часов.

Инглиш не почувствовал особого восторга, узнав, что теперь на «Хэйге» также установлено вооружение АПОТ. К тому же, если слухи не врут, его оборудовали и новыми гипердвигателями.

Джей Падова, капитан «Хэйга», должно быть, плохо слушал Инглиша, когда Девяносто Вторая вернулась после операции на Бычьем Глазе, лишившись команды Бета-Три и проклиная оружие класса X, из-за которого погибли ребята.

Но все же чертовски приятно снова оказаться на маленьком истребителе Падовы, несмотря на тесноту и все протоколы Флота. Когда они были уже в пути и Инглиш вместе с Сойером разместили своих людей в знакомом чреве корабля, Инглиш отправился с традиционным визитом вежливости к Падове, предоставив Сойеру проверять распорядок и заниматься новичками.

И если Сойер, заросший щетиной первый лейтенант, решит организовать частную встречу с штатным офицером разведки «Хэйга», Джоанной Мэннинг, то это его личное дело.

Инглиш не мог официально осудить их связь, пока это не влияло на то, как Сойер выполняет свои служебные обязанности. Пока лейтенант с ними справляется, его, Инглиша, это не касается. Как бы там ни было, Мэннинг осуществляла связь с командованием, она числилась одновременно и в десантных войсках, и в Разведке Флота.

Теперь, когда Девяносто Вторая обзавелась Специальным оборудованием, Мэннинг нарушала субординацию. Возможно, им, как никогда прежде, будет необходима, помощь офицера разведки. Быть может, Инглиш не чувствовал бы себя настолько скверно, если бы ему не было очевидно, что Сойер спешит отделаться от него как можно скорее.

Инглиш все еще в ответе за Девяносто Вторую, ведь так?

Кабинет Джея Падовы ничуть не изменился, прежним было даже голубоватое облачко сигарного дыма.

— Расслабься, капитан, — сказал Падова, как только Инглиш вошел. — Как прошло перевооружение.

— Почти так же, как ваше, сэр, — ответил Инглиш, усаживаясь в кресло напротив массивного стола капитана. Что-то здесь было не так. По лицу Джея он ничего прочитать не мог: этот скуластый лысеющий человек превосходно владел собой.

Инглишу вдруг показалось, что он понял, в чем дело: значки САЭМИ, которые теперь должны были носить и он сам, и его ребята. Он полез в карман рубашки, вытащил свой приказ и, словно ничего не изменилось, протянул бумагу капитану.

Падова, как ни в чем не бывало, взял приказ и положил его перед собой. Он помолчал, не делая никаких попыток вскрыть конверт, сосканировать приказ через шифровальщик или

просмотреть приложенный чип. Наконец он заговорил:

— Думаю, ты имеешь право знать: мы увязли так, что ни один эксперт не скажет, что из этого выйдет, Тоби.

Так. А Падова пытается выглядеть спокойным.

— Я слышал об этом, сэр, — бесстрастно ответил Инглиш. — Если вы позволите мне высказать свое мнение, то я не думаю, что нам особенно понравится эта куча черных ящиков...

— Нам вместе предстоит это выяснить, если только я не ошибаюсь. — Падова затаился, вынул сигару изо рта и критически посмотрел на нее. — Ты знаешь, я горжусь тем, что «Хэйг» всегда находится на гребне последних технических достижений.

До такой степени на гребне, что иной раз это выходило за дозволенные законом границы. Каждый, кто работал с Падовой, гордился технической оснащенностью корабля и был уверен, что истребитель и его командир способны выполнить самую невозможную задачу.

— Эта техника действительно... непредсказуема, сэр. Надеюсь, вам рассказали о... ее влиянии... на человека... — Черт, он ведь не знает, есть ли у него право говорить то, что он сейчас говорит.

Падова сделал ему знак замолчать.

— Мы просто пытаемся догнать вас, ребята. Я тебе говорил, Тоби, как я горжусь тем, что ваша команда вышла с «Хэйга»? И я рад, что вы снова вернулись домой.

— Нет, сэр, не говорили, — тихо ответил Инглиш. Здорово. Теперь вдобавок ко всему для Флота Девяносто Вторая сделалась какой-то элитной техчастью. Даже если во время их следующего задания не произойдет серьезного отказа аппаратуры, такая слава может убить их сама по себе.

— Сэр, так уж получилось...

— Мы знаем, Тоби. И каждый матрос на «Хэйге» горд принять в этом участие. — Падова заговорил более естественно. Он подался вперед. — Когда мы с Джоанной Мэннинг познакомимся со всем этим делом, то пригласим тебя и вместе все обсудим. Но я хочу, чтобы ты знал, насколько важным считает твое новое задание СИНКФЛОТ. Важным для всего хода войны.

Это был, не тот Джей Падова, которого знал Инглиш. Это был парень, который плюхнул себе на тарелку больше, чем может съесть, он перестал быть той властью, к которой Инглиш всегда мог прибегнуть, если Девяносто Второй прищемит хвост.

— Сэр, у нас два новичка, которых надо ввести в курс дела, и я должен вернуться к ним. Когда вы и Мэннинг будете готовы встретиться со мной... — Это был всего лишь вежливый повод откланяться. Сейчас не время предупреждать Падову, что жажда быть на гребне прогресса на этот раз может погубить его. Как бы там ни было, если истребитель взорвется, вознамерившись испытать свои новые двигатели, Инглиша с его ребятами либо не будет на борту, либо они так и не успеют узнать, что же их прикончило.

Так что надо выбираться отсюда. Туда, где понятно, чего от тебя ждут.

— Понимаю, ты занят, Тоби. Но если ты захочешь поговорить или просто обменяться мнениями, заходи, не стесняйся. В любое время.

Невозможно. Немыслимо. Инглиш провел рукой по волосам и поднялся, уже не так недоверчиво глядя на нераспечатанный конверт, лежащий на столе Падовы. Он никак не ожидал, что Падова не станет распечатывать его приказ...

— Спасибо, сэр, обязательно. — Он стоял и ждал, когда Джей позволит ему идти.

Короткие толстые пальцы капитана барабанили по конверту.

— Не тревожься, Тоби, мы к этому готовы. Нас уже проинструктировали. Я уверен, и не без основания, что «Хэйг» способен справиться с десятикратным перевесом кораблей Синдиката. Мы доставим тебя туда, куда ты отправляешься. И назад. Даю тебе слово.

Так, значит, Падова знал, что было в приказе Инглиша. Или думал, что знает. Инглиш в упор взглянул на капитана корабля и сказал:

— Тогда вам известно больше, чем мне, сэр.

Падова не отвел взгляда. У Инглиша задергалось веко. Игра в гляделки продолжалась до тех пор, пока Падова не сказал:

— Давай считать, что я, как и полагается хорошему моряку, просто знаю, куда дует ветер.

Наконец капитан опустил глаза на свой настольный хронометр.

— Тут прислали твоего нового технического советника. Мэннинг умеет убеждать. Что, если мы займемся этой головоломкой, когда все лягут спать, а пока...

— Технического советника? — Дело становилось все загадочнее. Да, со смертью Греко в Девяносто Второй появилась вакансия, но... — Никто мне об этом не сообщил...

— Ты же знаешь, как это бывает, Тоби. Как я слышал. Девяносто Вторая должна была получить либо этого советника, либо хорька в качестве советника, и у меня от сердца отлегло, когда Мэннинг удалось выпросить человека.

Теперь Инглишу хотелось просто поскорее выбраться отсюда. Падова с ним закончил, и можно забраться в какую-нибудь дыру и заняться зализыванием ран.

— Да, сэр. Ладно, думаю, что Мэннинг все же представит мне моего нового советника, когда ей будет угодно, черт возьми.

— Думаю, представит, — хихикнул Падова. — Ладно, ты свободен.

Слава тебе. Господи!

Инглиш брел по коридорам, пытаясь не думать о том, на что так упорно намекал Джей. Конечно, «Хэйгу» пришлось пройти перевооружение, чтобы сравняться с кораблями Синдиката, тем более раз ему предстояло доставить Девяносто Вторую...

И, конечно, Падову все это не могло радовать, тем более что к Падове поступало гораздо больше секретной информации, чем к Тоби Инглишу. Куда строевому капитану до капитана Флота!

Ты просто делаешь все, что в твоих силах. Инглиш решил, что раз на «Хэйге» нет комнаты смеха, то лучшее, что ему остается — это удалиться в офицерскую кают-компанию и послушать, что там поговаривают, а потом отправиться на инструктаж.

Все равно на корабле не найти места, где можно было бы укрыться от Джоанны Мэннинг. Чертова баба, вечно во все дыры сует свой нос!

В офицерской кают-компании Инглиш пробрался в самый темный уголок и задремал там, предварительно обеспечив себе круговую оборону. Кинетический пистолет положил рядом с полупустым стаканом пива.

Было время, когда он мог сказать, что, в какие бы передраги он ни попал, этот пистолет так или иначе, живым или мертвым, но вытащит его оттуда.

Теперь это было не так. Его самый преданный союзник, 10 — миллиметровый помощник, больше не в силах помочь ему. Нельзя пристрелить Мэннинг, нельзя пристрелить Гранта, начальника МАП, который ненавидел Инглиша лично и всю Девяносто Вторую в целом за то, что происходило между Мэннинг и Сойером.

Инглиш и Сойер уже пытались пристрелить Гранта и потерпели неудачу.

Если бы Сойер столько раз не спасал ему шкуру, Инглиш уже давно бы съел живьем своего лейтенанта за то, что тот завел слишком близкое знакомство с особой, которая получает приказы напрямую от ублюдков, подобных Гранту. Но Сойер спасал его, и не раз, так что Инглишу оставалось довольствоваться пустыми сожалениями.

Вот таким размышлениям предавался капитан Тоби Инглиш, когда вдруг в кают-компанию в окружении толпы гогочущих десантников, среди которых были кое-кто из Девяносто Второй, появилась Джоанна Мэннинг.

— Эй, Мэннинг! — через всю комнату окликнул ее Инглиш. — Можно вас на минутку?

Он с удивлением отметил, что от ярости у него подрагивают пальцы. А может, он просто выпил больше, чем следовало?

Пока Мэннинг пробиралась к нему, Инглиш взглянул на часы. До встречи с капитаном

еще три часа. Ладно.

— Привет, капитан Инглиш, рада вас видеть.

Джоанна Мэннинг была маленькой хрупкой женщиной с острыми чертами лица и коротко подстриженными волосами. Она была не одна, но Инглиш слишком накачался, чтобы смотреть на что-нибудь еще, кроме ее холодных карих глаз.

— А вот я не рад вас видеть, Мэннинг. Что за слухи здесь ходят? Говорят, вы распорядились поселить моего технического советника не с командой, а на палубе разведки? Вы что, считаете, что имеете право безнаказанно менять флотский устав и субординацию?

Эта Мэннинг уж чересчур вмешивается в дела Инглиша и его команды. Не ее дело отдавать такие приказы! С этим надо покончить раз и навсегда. Капитан не может допустить, чтобы история с Сойером помещала ему высказаться.

— Заткнитесь, Инглиш, — спокойно ответила Мэннинг, сделав еще один шаг вперед. Подойти ближе ей помешал стол. Она подобрала пистолет и сделала вид, что осматривает его. — Тут со мной ваш технический советник, он готов доложить вам обо всем. Мне пришлось ввести ее в курс дела. Только технические вопросы. Все согласно уставу.

— Чей же это устав, черт возьми? — пробормотал он. — Вы заставляете моих людей нарушать субординацию и еще называете себя офицером разведки? На кого вы работаете? — спросил он почти шепотом.

Ему не следовало затевать этот спор. Он понимал это.

И Мэннинг тоже это понимала.

— Посмотрите на меня, Инглиш.

Он посмотрел.

— Вы пьяны, а вам через три часа на инструктаж. Возможно, самый важный инструктаж в вашей жизни. Так что забудем об этом. Вы помогли мне, когда я слегка промахнулась. Я этого не забыла. Мы на одной стороне. Вы должны это понять.

Она не ответила, может, не захотела уточнять при людях Гранта. Все вокруг старательно делали вид, что заняты своими делами.

Но Инглишу было совершенно ясно — все внимательно прислушиваются к их разговору. Никто из вновь прибывших даже не присел, хотя кое-кто все же направился к бару.

— Мы, — мягко повторила она и положила пистолет точно на то же место, откуда взяла. — Я приведу вашего технического советника.

— Не нужен мне технический советник.

— Командованию безразлично, что вам нужно, а что нет, Инглиш. Вы получаете то, что необходимо. Вы и ваш отряд должны остаться в живых. Вы лучшее, что у нас есть. И считайте, что вам повезло. Вам достался техник-землянин. Так что улыбнитесь и будьте хорошим мальчиком. И не портите другим жизнь, она и так не из веселых. Слышите, дружище?

А иначе ему придется иметь дело с ней. Среди самых крутых офицеров разведки, которых знал Инглиш, Мэннинг полагался главный приз за жесткость.

— Ладно, Мэннинг. Мир. — Он бросил на нее косой взгляд и попытался улыбнуться.

— Отлично, — отрезала она. — И позвольте мне пополнить ваш отряд до должного состава. — Она повернулась, свистнула и махнула рукой.

Кто-то сквозь толпу начал пробираться к их столу. Инглиш уставился на свои руки. Ему лучше постараться заключить с Мэннинг вечный мир. Он даже не представлял себе, как его угораздило зайти так далеко, да еще с офицером разведки.

Инглиш поднял взгляд, готовясь изречь что-нибудь официальное и поприветствовать нового технического советника Девяносто Второй, он уже протянул руку за папкой, которую держал советник...

И заморгал. И тихо выругался. Мэннинг пристально наблюдала за ним. Так вот кто этот технический советник!

Папку ему протягивала Клиари — Омега.

Принимая бумаги, Инглиш старался выглядеть спокойным.

— Благодарю вас, офицер Мэннинг. Прошу прощения, мне необходимо посоветоваться с моим новым советником.

Он поднялся.

— Вам придется с полчаса посидеть здесь, Инглиш, — сказала Мэннинг, — а корабль покажете позже.

Он даже не спросил, почему. Ему и так с трудом удавалось скрывать свое изумление и растерянность.

— Сядьте, пожалуйста, — пригласил он Клиари.

Ее широко раскрытые голубые глаза взглянули на него, она опустила на стул, а Мэннинг отправилась к своей группе.

— Назовите мне хоть одну причину, почему мне не следует немедленно выкинуть вас под каким-нибудь веским и уважительным предлогом, Мисс Технический Советник? — сказал он, изо всех сил стараясь снизить голос до шепота. Черт! Его голос предательски дрожал.

Клиари подалась вперед, рукава ее форменной блузки размазали по столу мокрые отпечатки кружек.

— Тебе придется поверить мне, Дельта-Два. Я не знала. Ни моего нового назначения, ни того, кто ты. Мне было известно только, что там, в имитаторе, у тебя был ранг командира. — Она наклонилась вперед, будто для того, чтобы коснуться его руки.

— Проклятие, не смей делать этого! — Он отшатнулся от нее, словно от прокаженной, и торопливо заговорил: — Послушай, в нашем отряде никогда не было женщин. И нам не нужны технические советники.

— Нет, нужны, сэр. — На ее новенькой форме уже красовались все необходимые нашивки, включая и нашивку «Красной Лошади». Но там еще были и перекрещенные молнии на фоне галактической спирали: МАП.

— Послушай, майор. Да меня уже в дрожь бросает от всего этого. У меня тут Мэннинг, которую милашкой никак не назовешь, тут и ее босс, ублюдок Грант, который из-за Мэннинг давно уже дышит мне в затылок. Черт, если бы не Мэннинг и Грант...

— Я не хочу этого слушать, сэр. Думаю, когда вы ознакомитесь с моими приказами, вы поймете, что при данных обстоятельствах вы не можете вышвырнуть меня. Так что давайте-ка просто забудем обо всем, что произошло до этого момента, и начнем заново. — И она решительно выставила вперед подбородок.

— Хорошо, красотка, давай так и сделаем. Только скажи мне, почему мне нужна ты или любой другой технический советник? В трех словах. Немедленно.

Клиари даже не взглянула через плечо, прежде чем заговорить. Из нагрудного кармана она извлекла маленький генератор. Включила его, и Инглиш почувствовал, как волосы у него на руках встали дыбом.

— В двух словах: САЭМИ попыталась отследить разведывательные действия Синдиката. Грант и кое-кто еще отправили корабль по Следу А, он собрал данные о целях и прочее. Его сбили. Теперь мы идем по Следу Б. И если мы не вернемся, то данные просто необходимы. Вот что ты услышишь сегодня на инструктаже.

— Ну и зачем же мне ты? Мне уже удавалось вернуться после... ста двенадцати боевых десантов.

— Потому что «Хэйг» доставит нас в расположение Синдиката и прикроет нас, пока мы станем заниматься чем-то, очень похожим на десятый уровень сложности. Помнишь, как мы с тобой?

— Давай-ка обойдемся без «мы с тобой».

— Мистер... капитан Инглиш, вы не только нуждаетесь во мне, вы не можете даже покинуть пределов базы, если я не засвидетельствую вашу готовность. Так что будьте со мной полюбезнее. Или вы останетесь сидеть здесь, а повеселится ваш заместитель. — И она весело улыбнулась.

Он рассмеялся вслед за ней. Заметив, что их закрытое совещание окончено, Мэннинг снова направились к ним. На сей раз вместе с Сойером.

Инглиш осмотрелся и заметил, что в комнате собралась почти вся Девяносто Вторая (им не полагалось здесь находиться, кают-компания предназначалась только для офицеров), а также Джей Падова и большинство офицеров корабля. Кажется, сюда явились все, кто не был занят на вахте.

Свет погас.

Инглиш схватился за пистолет, но тут над стойкой бара замерцала голограмма.

«С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, КАПИТАН ИНГЛИШ» — было написано огромными сияющими буквами.

И налетевшая с разбегу Джоанна Мэннинг первая обняла его.

— Все забыто, Тоби. Любой был бы сам не свой в день рождения, если ему перевалило за третий десяток.

Сойер держал торт, в котором, как показалось Инглишу, пылало больше миллиона свечей.

Он уже не помнил, сколько ему — в искаженном времени открытого космоса релятивизм старит быстро. А потом сообразил. Не важно, сколько тебе лет по стандартной системе исчисления.

Однако Мэннинг права: оказаться старше тридцати не так-то приятно, особенно когда вступаешь в новую фазу эскалации межзвездной войны.

Может, этим объясняется все, что с ним происходит: стукнуло тридцать. Но Клиари, черт! Что же ему теперь делать?

Во время гиперперехода в пространство Синдиката он не мог поверить, что Клиари действительно собирается принять участие в атаке Девяносто Второй.

В десанте возможно, но только не в атаке. Словно во время боя у него не будет других забот, как следить за одной из мерцающих точек, с которой он когда-то занимался любовью и которая теперь изводила его всеми доступными ей способами.

Это немыслимо.

Но приказ есть приказ, и никого не волновало, что по этому поводу думает Тоби Инглиш. Не мог же капитан объяснить там, на базе, что десант не может отправиться в бой с женщиной, пусть даже и техсоветником, которая, возможно, полагает, что если придется слишком туго, то тренажер просто остановится, а она отправится в душ и займется любовью.

Координаты базы Синдиката его не касались, но Клиари была уверена, что Джей Падова на верном пути. Настолько уверена, что приказала сверх нормы нагрузить маленький разведскутер припасами.

От этого всем стало не по себе. Даже Сойеру. А когда Сойеру не по себе, ребят уже ничем не развеселишь.

Так говорил себе Инглиш, сидя в пусковом отсеке. Они ничего не делали, просто сидели там. Он уже раздал батончики с протеином и сигареты, рассказал все анекдоты, которые только знал.

Никто не надевал шлемы, скутер еще не покинул «Хэйг». Все просто сидели в брюхе корабля, запечатанные в оболочку, которую с некоторыми оговорками можно было назвать пригодной для жизни.

Клиари настояла на том, чтобы они провели последний час перехода в полной готовности к концерту. Она действительно стала командиром Омега, так как Инглиш вовсе не собирался позволить ей забыть о том, что произошло.

Когда их выбросят и На, нем будет шлем, он выскажет ей все, чего не мог высказать во время инструктажа или при встречах.

Если она собирается серьезно заниматься делом, он обеспечит ей «обучение на рабочем месте». Или умрет на этом самом месте.

Он бросил свои попытки заставить ребят почувствовать себя лучше, чем чувствовал себя он сам. Он просто забился в угол и привалился спиной к переборке. На скамейке

имелось свободное место, но Инглишу хотелось побыть хотя бы в относительном одиночестве.

Это было похоже на морг. Их разведскутер, как и весь корабль, был заново переоборудован для встречи с Синдикатом.

Он был оборудован пушкой и автоматами АПОТ. Места пилота и его помощника были напичканы электроникой, способной подбить и птицу. Если понадобится.

Сойер торчал на боевой палубе скутера, выслушивая последние указания Джоанны Мэннинг. Или наставления, подумалось Инглишу. Дверь переборки была закрыта. Он взглянул на часы, потом на Траска, своего старшего сержанта.

— Траск, стукни-ка в дверь. Выясни, не следует ли и нам послушать болтовню Мэннинг.

— Есть, шеф, — отозвался Траск, пригнул голову и освободился от ремней безопасности, которые, на взгляд Инглиша, были слишком хлипкими.

Если что-нибудь и может доконать его парней, так это будет дурацкое ожидание.

— Клиари, — проговорил он раздраженным тоном, пока Траск стучался в переднюю переборку, — иди сюда и расскажи мне о проблемах фратрицида «Хэйга» и его АПОТ-оружия, о тех проблемах, которые, как ты утверждаешь, вы уже решили.

Если говорить простыми словами, фратрицид — это эффект, возникающий когда одна система нарушает работоспособность другой системы. Чаще всего возникал фратрицид административный, когда одна служба вмешивалась в дела другой.

Но Клиари беспокоилась о фратрициде совсем другого рода...

В ответ на стук Траска дверь переборки распахнулась. Показалась голова Мэннинг.

— Вышли из гипер. Прыжок через...

Клиари поднялась со своего места, пространство-время слегка дернулось: маленький скутер вошел в реальное время. Клиари тоже дернулась. Падая, она ухватилась за ремни.

Инглиш взглянул на часы. На десять минут раньше. Вот тебе и идеальный план.

— Девяносто Вторая, готовься! Проверка связи. Надеть шлемы.

К черту Клиари. Теперь он обойдется и без, технического советника.

Внутри шлема мир скутера приобрел видимость управляемого.

Клиари была командиром Омеги. Ее желтая точка мигнула и стала зеленой, запрашивая двухсторонний канал связи. Компьютер шлема перешел на специальный канал прежде, чем он успел отдать приказ.

— Что-то не так, — начала она без всякого вступления.

— Раньше срока, ну и что?

— Что-то не так. Я получаю данные по своим каналам, ты их не видишь.

— Ну и что ты посоветуешь. Омега?

— Можно с тем же успехом начать операцию. Корабль уже начал бой с тем, что выхватило его из гиперпространства.

Черт! Синдикат может вытащить тебя из гипер? Инглиш почувствовал озноб.

— О'кей, Омега. Переходим на общий канал. — Хорошо, что его люди этого не слышали. — Выброска через минуту, — объявил он и тут же услышал проклятие Сойера. Еще бы, без всякого предупреждения — и вдруг приказ начать отделение.

Зажглась точка Сойера, красная. Спецканал.

— Ради бога, Тоби, не забывай, что мы вместе пили. Веди себя соответствующе.

— Прости. Был занят. Техсоветница тут пугала, что, как только отделимся, нас встретит вражеский огонь. Я как раз собирался тебе об этом сообщить.

Малиновая точка погасла. Инглиш снова вызвал Сойера по спецканалу:

— Оставь Мэннинг в кресле второго пилота. У нас тут есть одна женщина, так что пусть будет и вторая. Может, домой вернуться сможем только мы.

— Дьявол! Слишком далеко для скутера, — отозвался Сойер и добавил: — Спасибо.

Инглиш подключился, чтобы послушать, какие установки дает ребятам Траск, и стал молиться, чтобы, когда скутер вывалится из брюха «Хэйга», вокруг не кипела какая-нибудь

космическая заварушка.

Но она кипела. Если бы скутер не был «невидимкой», то их бы сбили еще до того, как они вышли на орбиту планеты.

Да и теперь скутер не без труда добрался до атмосферы.

— Изображаем мертвецов! — посоветовал Сойер из кабины пилота. Все замерли, прекратив двигаться, кашлять, переговариваться. Над шлюзом замерцала красная лампочка.

Скутер вздрогнул и рухнул в атмосферу планеты Синдиката так, как камень падает в пруд. Кто-то не удержал ружье, которое с грохотом покатилося по отсеку, пока Траск не перехватил его.

Инглишу не надо было оглядываться, чтобы удостовериться, что ружье уронила Клиари. Он поклялся, что собственными руками пристрелит ее, если она допустит еще хоть один подобный промах. Пока счет был нулевой: одно очко он засчитал ей за предупреждение о возможном вражеском огне, но сейчас она его потеряла вместе с выпавшим из рук ружьем.

В их положении шум может запросто погубить. Мертвые обломки взорванных изуродованных кораблей не имеют привычки галдеть.

Инглиш затаил дыхание.

Потом гул стабилизаторов высоты сообщил ему, что таиться больше не имеет смысла, и Инглиш начал готовить команды к высадке.

— Выполнена полная съемка поверхности, — сообщил Сойер по спецканалу. — Вот данные.

Экран шлема Инглиша высветил снимки, сделанные камерами скутера, и прочие разведданные.

Тут в разговор вклинилась чертова Клиари:

— Теперь, когда у нас столько информации, может быть, мы могли бы отослать ее или сами вернуться с ней на «Хэйг».

— Вернуться? — ледяным голосом переспросил Инглиш. Предполагалось, что она не может подключиться к спецканалу. — Сойер, отправь данные на «Хэйг» и туда, куда еще пожелает Мэннинг. Скажешь, когда будет готово. Не выбрасывай никого, пока не убедимся, что опасности нет.

Проклятие! Какой-то ночной кошмар.

С ним хотел поговорить сержант Траск, о чем настойчиво возвещало мерцание зеленого огонька.

— Да, Траск?

— Сэр, у нас нет уверенности в том, что удастся совершить второй проход. Орбита нарушена. Повторяю: нужно либо высаживаться сейчас, либо отступать и дожидаться другого раза.

Другими словами, Траск хотел сказать, что все это время кто-то сидел у них на хвосте.

С мостика раздался голос Сойера:

— Возвращаемся. Нас только что засекли.

Когда тебя засекают, то обычно начинают палить из пушек. А скутер сейчас представляет отличную, почти неподвижную мишень. Но сегодня Инглиш не был расположен к самоубийству.

— Клиари, — отрывисто рявкнул он, и компьютер шлема принял решение задействовать ее личный канал. — Что ты скажешь? Хочешь здесь утереть? Мы теперь на мушке.

Сойер что-то сделал на мостике, и скутер резко тряхнуло. Клиари замешкалась.

— Эй, Омега! Насколько необходима тебе наша высадка? Ты наш техсоветник, так что, если настаиваешь, можем продолжить наши игры.

Пора узнать, из чего она сделана.

— Дельта-Два, — раздался ее голос, — ты здесь капитан. Если ты говоришь, что положение слишком опасно...

Они получили удар, который, как оставалось надеяться, был скользким. Скутер

содронулся и завертелся волчком.

Так что вопрос, кто тут командир, обрел чисто академический характер. Но Инглиш все же приказал Сойру:

— Дельта-Три, возвращаемся на «Хэйг», если, конечно, сможем. Данные важнее всего. — Чертовы технари, у них все же имелись координаты возможной высадки. Клиари подтвердила, что это то самое место. Десятый уровень сложности.

Без дураков.

Ему самому пришлось ухватиться за ремни, когда Сойер рывком вывел корабль из атмосферы. Когда они вырвались в открытый космос, полет выровнялся.

Однако сегодня Инглишу явно не везло.

— Передаю тебе вид «Хэйга», — сообщил ему Сойер. — Ты сам должен на это взглянуть, Дельта-Два.

Когда он увидел космическое сражение, то даже сморгнул. Дела были так плохи, что даже не верилось: телероботы рассыпались по всей поверхности «Хэйга», напоминая муравьев, пытающихся вгрызться в перезревшую грушу. Капитан видел дым и яркие вспышки — это реактивная броня «Хэйга» пыталась справиться с нападением. Потом он приказал:

— Командир Омеги, на мостик!

Они встретились там. Места на мостике хватало только для двоих, плюс Сойер и Мэннинг. В аккурат.

— Ну? И что теперь? — Голос Сойера, доносившийся по четырехстороннему каналу, который организовали компьютеры шлемов, был искажен защитными шумами.

— Черт меня возьми, если я знаю, — отозвался Инглиш, опираясь на свое ружье. — Я пришел, чтобы просто посмотреть шоу. Здесь видно получше. Техсоветник, что ты думаешь?

— Должно быть, фратрицид: АПОТ-вооружение «Хэйга» противодействует его системе защиты. — Инглишу показалось, что он слышит вздох. — Может, если бы я была на борту, мне бы удалось с этим справиться.

— А ты не можешь сказать им, что надо делать? — поинтересовалась Мэннинг, непроницаемо черный щиток ее шлема был повернут к Клиари. — Нам потребуется какое-то время, чтобы оказаться внутри.

Она не сказала: «Возможно, нам не удастся попасть внутрь».

Инглиш начал прикидывать, что могут сделать они с Сойером, чтобы очистить обшивку «Хэйга».

— Мэннинг, Клиари, пошлите им стабилизирующую информацию. — Он вспомнил, что Клиари сделала нечто подобное, когда он присоединился к ней тогда, на имитаторе-тренажере.

— Сойер, мы с тобой организуем десант Девяносто Второй и постараемся соскрести их вручную.

— Что угодно, лишь бы вы забыли об этом чудовищном взлете, — отозвался Сойер, который чувствовал себя виноватым.

Когда Инглиша сняли с оболочки «Хэйга», он первым делом запросил сведения о потерях. Капитан растянулся на спине в тесном отсеке разведскутера, тяжело дыша и рассматривая низкий, такой родной потолок, словно это было прекрасное голубое небо.

Он все еще сжимал АПОТ-ружье, дуло которого упиралось ему в шлем.

Пока не вернулась вся команда, он подумывал, не пристрелить ли Клиари, которая болталась, запутавшись в ремнях и время от времени кидая на него многозначительные взгляды, словно первейший долг капитана Инглиша — освободить эту дурищу из ее идиотских завязок.

Когда установили связь с последним из парней, а последний квадрат обшивки был проверен и свободен от телероботов, он понял, что новых сюрпризов не будет. Убитых и тяжело раненных нет. Только троим потребовалась специальная медпомощь. Ничего хорошего, но с этим справиться можно. Телероботы врага не были запрограммированы на людей.

Эти твари походили на обрубки крепких стальных парней с мощными лапами и очками ночного видения. Когда один из роботов уставил на Инглиша свои глазелки, тот почувствовал, что где-то там, внизу, на поверхности планеты, какой-то гуманоид изучает его.

Так что прежде чем разнести робота, он соорудил этому гуманоиду рога.

Инглиш немного расслабился и повернулся к Сойеру.

— Знаешь, эти встроенные компьютеры не так уж плохи.

— Точно, — раздался голос лейтенанта. — Мы продолжаем подбирать людей. Хочешь вместе с Мэннинг заняться повреждениями «Хэйга» и обсудить, как она собирается произвести стыковку?

— Конечно, давай ее.

Голос Джоанны Мэннинг сообщил:

— Дельта-Два, «Хэйг» не настолько пострадал, чтобы мы не могли подлатать его и увести отсюда, мне только надо ввести в курс дела вашего техсоветника, капитан.

— Мы? Увести... — Он понял, что сует нос в дела разведки, и остановился. — Ладно, мы уведем его, будем тянуть или тащить все, что вам с техсоветником заблагорассудится. Действуй, разведка.

— Спасибо за доверие, Дельта-Два. Отбой.

Дела обстояли так, что надо было либо уводить «Хэйг», либо взрывать его. Мэннинг не сказала этого, но Инглиш понимал: нельзя было оставлять Синдикату корабль Флота, да еще с экспериментальным вооружением. Хорошо все же, что это не его проблема, а Джоанны Мэннинг.

Инглиш продолжал наблюдать за подбором людей и помогал усталым ребятам забираться в кабину, когда его встроенный компьютер без всякого предупреждения соединил его с Клиари.

— Какие новости? — осведомился Инглиш. Он больше не сердился. Он помог Траску втащить внутрь последнего раненого. Нельзя сердиться на здоровых, когда так счастлив видеть раненых.

— Просто я подумала, что ты захочешь узнать: с Падовой все будет в порядке, как и с остальными, кто был на мостике. Но у нас мало времени. Синдикат скоро придет в себя, и тогда нам придется худо.

— Да, ну ладно, ты же у нас технический советник. Все, что от тебя сейчас требуется, это втолковать банде десантников все, что нужно, для того, чтобы подлатать наш изувеченный корабль и унести отсюда ноги. Справишься?

— Справлюсь, Инглиш, не переживай.

— Отлично, Омега. Отбой.

Интерлюдия. СЕМЬЯ

Вслед за падением последней Империи начался стремительный распад общества. Целые народы лихорадочно искали способ выжить в условиях всеобщего хаоса. Для членов Альянса таким способом стала взаимная поддержка. На планетах, объединившихся в Синдикат Семейств, прижилась специфическая форма феодального общества с высоким уровнем технологий.

Опустошительные набеги пиратов и иных странствующих разбойников унесли жизни огромного множества людей — а ведь население планет к тому времени и так изрядно поредело.

Промышленность, уцелевшая несмотря на все катаклизмы, постепенно сосредоточилась в руках тех немногих, кому удалось сохранить знания и умения, необходимые для поддержания ее жизнедеятельности.

Однако во многих высокотехнологичных мирах крушение инфраструктуры вызвало ожесточение населения против горстки людей, сумевших сохранить то, что уцелело. Это было вполне закономерно для народов, вернувшихся к использованию животных в качестве

тягловой силы и хранивших в памяти ледящий ужас бомбовых налетов космических кораблей. И каждый из тех, кто был способен построить подобный корабль, становился злейшим врагом.

Часто, слишком часто целые планеты погружались в пучину феодального варварства. В те времена в каждой крохотной долине имелся свой военный диктатор.

Что касается познаний в области высоких технологий, то их сохраняли отдельные семьи, передавая из поколения в поколение. Руководства по эксплуатации и технические инструкции постепенно превратились в бесценные сокровища.

Вскоре произошло резкое отчуждение привилегированных семейств от остального общества, состоящего сплошь из дремучих невежд. И как только народы оправились от последствий катастрофы до такой степени, что торговцы вновь стали более необходимы, чем солдаты, именно семейства, владеющие познаниями, поднялись на вершину власти.

Но даже и тогда отголоски кровавых столкновений между феодалами-солдафонами не стихли окончательно. На смену им пришла жестокая борьба баронов-грабителей, контролировавших фактически все средства производства. Положение еще более усложнилось с возрождением торговых космофлотов. Сложилась ситуация, аналогичная той, в которой оказалась Япония к концу эпохи свободной торговли: семейства, под чьим контролем находились континенты и целые планеты, увидели в происходящих переменах угрозу своему могуществу. Но в отличие от японских феодальных династий доминирующие семейства, зная цену технологиям, стремились наиболее эффективно использовать открытия, заново совершаемые учеными других миров. Угроза разнообразных влияний извне, способных ослабить их неограниченную власть над своими народами, также вынуждала самые мощные из кланов к скорейшему объединению. Сплотив свои усилия, эти пятьдесят семейств оказались в состоянии полностью изолировать конгломерат своих миров, а заодно подчинить себе те немногие планеты внутри границ конгломерата, которым до сих пор удавалось сохранять независимость...

Чувство преданности — особое чувство. Когда тебя с младенческих лет воспитывают в духе беспрекословного подчинения интересам группы, преданность прочно входит в привычку, особенно если ты принадлежишь к привилегированному меньшинству. Но когда понятие «группа» совпадает для тебя с понятием «семья», когда сама кровь, текущая в жилах, вынуждает постоянно ощущать принадлежность к этой группе, чувство преданности неизмеримо возрастает. Зов крови куда сильнее абстракций типа Альянса или даже Флота.

Шариан Льюитт. «ГОЛУБКА»

Первое, что почувствовал Тони Лукка, была боль. И в то же мгновение он вспомнил, как умирал...

2 часа. Хорьки слева по борту. Защита разведкатера слишком слаба, чтобы отразить удар. Нет даже плазменного оружия. Хоть один заряд... Потом — ослепительная вспышка и белое сияние...

Все кончено, понял Тони. Время словно остановилось. В голове проплыла туманная мысль: родственники сойдут с ума, а Тереза никогда его не простит. Он же поклялся им избегать опасностей — во всяком случае, таких, как война. Уверял: самое страшное, что ему угрожает как миссионеру-оккупанту и специалисту по коренному населению, — приступ рвоты после какого-нибудь традиционного дикарского блюда. Как он смеялся и какие безразличные рожи корчил, когда изображал Терезе в лицах, как аборигены с почестями поднесут ему кушанье вроде того, какое предлагают Верховному божеству искусства любви...

А теперь он умирал. Поле зрения внезапно сузилось, по его краям залегла непроницаемая тьма. Словно вход в длинный туннель, подумал Тони и удивился, осознав, что боль отступила. Откуда-то из глубин подсознания всплыли слова, знакомые ему давным-давно, которые он услышал, как казалось, еще до рождения: «Я предаю тебя сну...»

Хотя слова были немного странными, это его не тревожило. СИЯНИЕ должно было понимать — для Тони все в диковинку. Ему ведь еще ни разу не приходилось умирать, и потому мысли отчаянно путались. В конце концов, подумал он, КТО-ТО и так поймет, что Тони искренне раскаивается в своем поступке тогда, во время экзамена по математике в седьмом классе...

Даже для дополнительной электроники и спасательного оборудования в разведкатере было слишком тесно. А ведь надо было еще найти уголок, куда можно сложить барахло — омнивидеомагнитофоны и кучу запчастей к ним. Без этого добра не стоило и надеяться завоевать сердца аборигенов. У жителей Бейнбриджа патологически низкий уровень культуры. Да и чему тут удивляться — столько лет под властью хорьков! Если верить докладам, местные жители до сих пор обрабатывали свои поля мотыгами и обитали в простеньких хижинах даже без намека на водопровод. Тем не менее каждый, кому хоть раз доводилось посмотреть омнивидео, тут же проникался горячей любовью к этому чуду техники. Правда это или преувеличение — знали, пожалуй, только сами составители докладов. «Местные жители настроены дружелюбно», — бормотал про себя Тони, выслушивая предполетный инструктаж. В конце концов, какая разница? Подготовка территории для оккупации — всегда дело трудное, даже если аборигены оказывают тебе содействие. Но такая уж у него работа — гарантировать установление добрых отношений между представителями Флота и местным населением.

Тони беспокоили не аборигены. Имелись сведения о налетах хорьков — пилотов-самоубийц из числа «несгибаемых». И вот эта особенность данной зоны ему совсем не нравилась. Он не был Ястребом Тейлоном вроде своего двоюродного брата Джимми Апачи. Тони не стал бы возражать, если бы оккупация Бейнбриджа разворачивалась по одному из сценариев, изложенных в учебнике.

Впрочем, ребята из Разведки заверили, что «последствия оккупации хорьками полностью ликвидированы». На их языке это могло означать только одно — последние из хорьков уничтожены. И хотя у Тони на сей счет оставались кое-какие сомнения — все-таки нельзя было забывать о морских пространствах и довольно обширных пустынных территориях Бейнбриджа, — он согласился, что целесообразнее прихватить побольше омнивидео, а не загромождать драгоценное пространство оружием.

Кроме того, положила руку на сердце стрелок из него никудышный. Из-за этого Тони и стал специалистом по оккупации. Он не мог попасть даже в неподвижную мишень. Доктор сказал, что это патология зрения, а не психики. Медицинские справочники именуют ее «безумным глазом».

Да только и после установления диагноза отношения Тони с соседями по тренировочной базе ничуть не улучшились. За глаза парни продолжали дразнить его пацифистом, трусом, а то и вовсе сердобольной девицей. Но особенно его уязвил один случай.

Когда пришло время покинуть бараки и отправиться на стажировку по инопланетной культуре, Тони пришел за вещами. Открыл свой рундук... и тут же на него обрушилась лавина мелких белых перьев. Наверняка кто-то не поленился распотрошить старомодную подушку, привезенную из дома.

Тони знал, что имели в виду его одноклассники. И тогда он поклялся доказать им, чего стоит на самом деле. Он не пожалеет ни времени, ни сил. Он еще утрет им всем нос — всему Флоту!

И вот, кажется, утер. После страшного взрыва разведкатер должен был превратиться в облако пара. Никакой надежды...

Вот почему Тони никак не мог понять, отчего так больно. Ведь мертвые не чувствуют боли — по крайней мере так утверждают священники. Тони никогда всерьез не верил священникам, но как бы то ни было, они знали о смерти больше, чем те, кто окружал его все эти годы.

А потом он услышал мягкий голос. Этот голос проник сквозь плотную пелену,

опутавшую его сознание, и чувство безграничного облегчения медленно разлилось по телу.

— Это поддержит твои силы, — проговорил голос. — Хочешь воды?

Вода... какое восхитительное слово! Тони захотелось кричать от восторга, но он лишь издал слабый стон. Пластиковая соломинка коснулась губ, и Тони жадно втянул в себя влагу.

— Не торопись, — ласково попросил голос. — В первый раз — совсем чуть-чуть.

Вода была теплой, и через несколько глотков Тони почувствовал, как она, хлюпая, тяжело стекает в желудок. Соломинку у него тут же отобрали, но он был благодарен и за то, что получил — стало немного легче.

— Здорово тебя саданули, — заметил кто-то, и при этих словах сознание Тони окончательно прояснилось. Однако усталость была так велика, что он попытался на некоторое время задержаться на границе полузабытья... Голос принадлежал мужчине, но с каким-то странным хрипом, словно его обладатель недавно сжег себе гортань.

— Это точно, — согласился Тони. — Я даже пикнуть не успел.

— Бедняга, — посочувствовал голос.

И вдруг Тони обнаружил, что ничего не видит.

Теплая пелена, вызванная обезболивающим, начала спадать. Ему стало страшно. Так страшно, как никогда не было прежде. Он попытался разомкнуть веки и понял, что глаза его плотно закрыты повязкой. Он хотел поднять руку, чтобы убрать повязку, но не сумел — рука казалась страшно тяжелой, ее словно что-то удерживало.

— Пстой, пстой! — встревожился женский голос. — У тебя же капельница. Что случилось?

— Я не вижу... — просипел Тони, в горле снова пересохло.

— Не беспокойся, это всего лишь бинты. Тебе обожгло глаза во время взрыва. Но как только тебя доставили на борт, мы тут же сделали операцию, и сейчас прогноз вполне благоприятный. Видеть будешь. Если, конечно, немного полежишь спокойно и перестанешь рвать повязку.

— Хорошо, — покорно согласился Тони. Мягкий голос доктора звучал авторитетно, и разумнее было подчиниться. Доктор, не доктор — какая разница, пусть хоть санитарка в морге, лишь бы правду говорила. Ужас, охвативший Тони минуту назад, отодвинулся на задворки сознания, но бесследно не исчез.

Он усмехнулся. Говорите, прооперировали? Может, заодно и «синдром безумного глаза» сняли? Ну тогда держитесь, господа морские пехотинцы! Теперь он покажет вам, как нужно стрелять!

Эта мысль окончательно успокоила Тони, и с его языка градом посыпались вопросы.

— Это ведь «Сала-Аль-Дин», да? — осведомился он. — А Иван Ягудин уже заходил меня проведать? А Самия Цин?

Ягудин был его лучший друг и сосед по каюте корабля «Сала-Аль-Дин». Инженер, ответственный за жилища для персонала Флота. Именно он должен был заняться созданием материальной базы для расселения оккупационных сил. С того дня, как открыли Синдикат, Флот принялся основательно окапываться на новой территории, так что спецы вроде Ивана пользовались повышенным спросом... Странно, если Ягудин, узнав о том, что на борту раненый друг, даже не справился о его самочувствии.

А Самия... Это было довольно смелое предположение. Хотя она ему давно нравилась и знала об этом. Так почему бы не спросить?

— Как ты сказал? «Сала-Аль-Дин»? — удивленно протянул хриплый мужской голос. — Нет, парень, это судно называется «Кардифф». Мы оказались ближе всех к месту, куда тебя выбросило взрывом, за теневой стороной Бейнбриджа.

— А-а... — протянул Тони, не сумев скрыть разочарования.

А он-то обрадовался, что оказался на родном корабле среди друзей. Ну и врагов, конечно, тоже, но и этих ведь он знал как облупленных. Сразу все стало бы ясно — распорядок дня, обязанности. Хотя, может, и не стоит особенно расстраиваться. Возможно, «Кардифф» будет пролетать неподалеку от «Сала-Аль-Дина», и как только Тони достаточно

оклемается, чтобы передвигаться самостоятельно, его переправят к товарищам.

Хотя, если быть реалистом, черта с два такое произойдет. «Сала-Аль-Дин» сейчас висит на синхронной орбите, над самым крупным континентом Бейнбриджа, где запланировано построить завод. А такие задачи — Тони знал это наверняка — поручают всегда одному крейсеру. Значит, у «Кардиффа» совсем другая миссия и другой курс полета.

— Да, кстати, — сказал хриплый голос. — Меня зовут Алекс Шурр. Твой сосед по палате. Временно. Офицер артиллерии.

— А ты как здесь оказался? — спросил Тони, хотя ответ его не слишком интересовал.

— Не поверишь. Наступил на пустую бутылку и порвал коленные связки. Странное дело: кости они склеивают — раз плюнуть, а со связками ни черта не могут сделать. Считается — это не повод поднимать на уши медицину. Я тоже так подумал бы, если бы это случилось не со мной. Но знаешь — болит, сволочь.

Тони не смог сдержать усмешки. По крайней мере его ранило при исполнении. Отвечая откровенностью на откровенность. Тони представился, ожидая от Алекса известных подначек: я, мол, боевой офицер, а ты тыловичок. Но вышло наоборот — Шурр даже заинтересовался.

— Ни разу до сих пор не видел живого специалиста по оккупации, — дружелюбно прохрипел он. — Вы — что-то типа разведчиков, да, парень? Слушай, а что там за дела на Бейнбридже? Говорят, аборигены не из самых гуманных. Как думаешь, удастся вам подготовить их к соседству с Флотом? Если получится, это будет обалденная база, правда?

— Да ну, — пробурчал Тони. — О чем тут рассказывать? Скукотища. Для боевого офицера...

Алекс от души расхохотался.

— Какая бы ни была скукотища, все веселее, чем просто валяться на койке и пялиться на ржавые переборки... Они мне совсем не дают обезболивающих таблеток. Зато с утра до ночи крутят самый паршивый омнидиск из хит-парада этого месяца. Не поверишь, но за два дня я узнал о жизненном цикле лирианских летающих хищников столько, что меня уже воротит от этих тварей.

Тони почувствовал, что его неприязнь к Алексу начала потихоньку рассеиваться. Такого дружелюбного артиллериста ему еще не приходилось встречать... Стоп, а ведь это отличный шанс проверить одну теорию!

Тони Лукка в глубине души всегда был уверен, что, если ему удастся заарканить одного из этих воображал-фронтоников и заставить выслушать себя, он запросто сумеет убедить его, что работа оккупационщика — отнюдь не богадельня для инвалидов. Знание и образование производят безотказное впечатление на аборигенов, а товарищи по оружию в этом смысле от аборигенов мало отличаются. К тому же Шурр был идеальным объектом для эксперимента — он, судя по всему, обладал лучшими из качеств боевого офицера: открытый, доверчивый парень, готовый уже через минуту после знакомства считать тебя своим лучшим другом.

— А что тебе известно о Бейнбридже? — начал Тони. — Хотя бы о местном населении?

— Почти ничего, — ответил Алекс. — Мое дело — в них стрелять, а не изучать их обычаи.

Тони, как мог, боролся с одолевающей его дремотой — как только накатывал сон, тут же одолевало головокружение. Он подвинулся повыше на плотной, хрустящей подушке и попытался собраться с мыслями.

— Бейнбридж, — начал он, словно завзятый лектор, — входил в зону владения хорьков. Местные жители были миролюбивы, держать их в повиновении не составляло особого труда. Это была отличная позиция для налетов на территории Альянса. Прекрасная нора, откуда удобно наносить удары по линиям снабжения. Вам, артиллеристам, конечно, некогда об этом задумываться, а между прочим, стоит только засбоить снабжению, как тут же прекращают работу ремонтники Группы Поддержки и «Клуба Асов» — поработали бы

хоть еще недельку. А они обслуживают корабли на халианском направлении после того, как хорьки потеряли Вифезду.

И все же, хотя сопротивление хорьков удалось подавить почти в самом начале кампании, отдельные «несгибаемые» выжили и продолжают действовать. Наверное, и меня достал кто-нибудь из них. Кстати, это ваша недоработка, ребята! Короче говоря, Бейнбридж — идеальный стратегический плацдарм в этом секторе — если, конечно, приручить аборигенов. Отсюда можно будет развернуть наступление на территории Синдиката. Нам пока неизвестно, откуда прилетают хорьки, но «призраки» из Службы внешней разведки докладывают, что именно в этом направлении находятся их планеты. А значит, нам необходимо подыскать уголок для нашего Порт-Джуниора. И лучше Бейнбриджа места просто не найти. Климат, воздух, полно растительности, умеренная гравитация — словом, курорт, да и только.

Единственная проблема — коренное население. Но нам и тут повезло — аборигены просто обожают омнивидео. Да и кто его не любит — даже хорьки без ума от омниащиков. Если, разумеется, обеспечить интересный — для них интересный! — подбор программ. Именно на это я и делал ставку. Все диски, которые я вез с собой, были переведены на бейнбриджианский диалект. И естественно, все ненавязчиво играют музыку, которую заказывают Альянс и Флот. К тому же, готов отличный план, как модернизировать программы, чтобы с их помощью повлиять на культуру планеты, подтянуть ее до уровня Альянса. А затем они сами с радостью пригласят к себе базу Флота. Вот в чем, собственно, и состоит суть моей работы.

— Здорово. Слушай, если тебе интересно, я знаю, где достать потрясный диск о жизни диких мутантов, — предложил Алекс, когда Тони закончил свой рассказ.

Тони чуть не расхохотался, но вовремя сдержал себя.

Сейчас ему было хорошо. С одной стороны, полный покой, с другой — разговор немного взбодрил. Но и утомил тоже. Тони еще очень о многом хотел бы рассказать Алексу, например, о подборе программ и о том, как удачно его тактический план вписывается в общую стратегию Флота. Вот только сил уже совсем не оставалось.

Он опять начал погружаться в сон, и в ту же секунду спокойствие вновь покинуло его. Хотя до сих пор все шло как нельзя лучше, безотчетная тревога нет-нет да и давала о себе знать, выползая из дальнего уголка сознания, куда ее загнал Тони.

Глупость все это, сказал он себе. Просто ему вкатили слишком большую дозу наркотика плюс боль и страх за свои глаза. Глаза — вот в чем все дело! Пусть хоть вся Вселенная уверяет его, что с глазами все в порядке. Тони не может быть в этом уверен, пока не снимут бинты и он снова не увидит белый свет.

Но и после установления «диагноза» мучительный страх не прошел. Истощение и транквилизаторы все глубже затягивали Тони в яму сна, но страх не исчезал, неумолимым зверем затаившись во тьме. Тони очнулся, потом опять забылся на несколько минут, снова проснулся — и понял. Понял, что не дает ему покоя.

«Кардифф»! Черт подери, а кто он такой, этот Кардифф?

Тони Лукка лучше всех в школе знал историю и мог без запинки перечислить людей, в честь которых назывались крупные крейсеры. Сала-Аль-Дин, Александр Хэйг, Гамильтон, Морвуд, Боливар... Все это были великие люди, своими деяниями оставившие заметный след в истории человечества. Но Кардифф! Этого имени Тони никогда не слышал, он знал это абсолютно точно.

«Плюнь, — сказал себе Тони. — Можно подумать, ты держишь в голове имена героев всех планет и эпох. Профессор выискался!»

Но странное имя продолжало сверлить мозг, не давало спокойно заснуть. Нет, все это как-то... неправильно. Диковинное название корабля. Дружелюбный боевой офицер. И вообще — откуда вблизи Бейнбриджа оказался еще один корабль? Насколько Тони известно, сюда направили только «Сала-Аль-Дин». Одна команда способна прекрасно справиться с миссией без посторонней помощи.

А может быть, вот что! Тони случайно оказался на одном из судов, где готовят заговор. Потому-то корабль и маячит здесь. Ситуация вполне знакомая — подобные сюжетные ходы обыгрывались по меньшей мере в шестидесяти семи омнивидеофильмах из тех, что он видел. Туман в голове наконец-то полностью рассеялся, и Тони с удовольствием обнаружил, что острый интерес к происходящему полностью заглушил тревогу. Теперь он точно знал причину своего беспокойства, и так приятно было предаться мечтам о мести своим бывшим однокашникам. А если к тому же операция исправила дефект его зрения! К моменту, когда Тони поднимется на ноги, он будет уже далеко от «Сала-Аль-Дина». Таким образом, он автоматически становится секретным агентом. В документах Альянса напротив его имени будет значиться «погиб»... И вот в один прекрасный день он вернется с целым чемоданом ценнейшей информации. Ну и запоют же тогда те, кто называл его трусом или еще обиднее — сестрицей...

Правда, как Тони ни старался, он не мог представить сценарий заговора более захватывающим, чем в паршивом ночном сериале. Впрочем, жизнь подчас бывает куда менее увлекательной, чем самый захудалый боевичок. С этой мыслью Тони Лукка наконец заснул, и на сей раз его сновидения были исключительно приятными.

— Послушай-ка, Алекс, а кто такой этот Кардифф? — небрежно осведомился Тони на следующий день, когда принесли завтрак. — Ни разу о нем не слышал. Я ведь, знаешь ли, коллекционер — собираю истории имен всех кораблей, на которых приходится летать.

Алекса этот вопрос озадачил — Тони услышал, как тот перестал отхлебывать кофе и поставил кружку на поднос.

— Боюсь, я... вряд ли смогу тебе чем-нибудь помочь, — проговорил Шурр. — Дело в том, что я недавно на борту. Если тебя интересуют такие подробности, спроси лучше у Касы. Ну, у врачихи, которая тут распоряжается. Забавно — такое впечатление, что она специально нами так помыкает. Наверное, нравится командовать старшими по званию. Как думаешь?

Тони кивнул. Разговор продолжался, но мысли Тони были далеко. Ему ни разу за все эти годы не приходилось встречать человека — будь то офицер или новобранец, — который не смог бы с гордостью поведать историю имени своего корабля. Такие вещи астронавты узнают едва ли не сразу после того, как их приписывают к судну. А Шурр не просто не знал то, что обязан был знать, — он постарался сразу перевести разговор на другую тему.

И вновь к Тони вернулась ясность понимания происходящего. Только на сей раз в ином виде — без фантазий и прикрас, этой лжеромантики развлекательных сериалов. Самое время вернуться к реальности. Лучший момент для нанесения удара — это когда жертва еще не подозревает, что попалась. Точь-в-точь как в «Древнейшей истории Земли». Сегодня утром образ из этого сериала казался Тони наиболее подходящим.

Теперь Тони внимательно следил за вопросами Алекса и подметил; Шурр пытается выудить из него информацию, которая может быть полезна врагам Флота. Объекты на Бейнбридже, тактика оккупационных операций в этом секторе, задачи отдельных кораблей...

К моменту, когда Каса принесла ланч, у Тони не осталось сомнений, что к нему присосалась опытная пиявка. Его попросту допрашивали. Надо же, он представлял данный процесс совсем иначе — с пытками, прямыми, жесткими вопросами. А вместо этого Тони сам все выложил спокойному, доброжелательному Алексу — как на блюдечке. Может быть, конечно, все это химеры и Тони все выдумал под действием таблеток, но вряд ли. Алекс был слишком дружелюбен для боевого офицера, слишком живо интересовался вещами, которые людям его специальности испокон веку казались смертельно скучными.

— Да-а, — протянул Алекс мечтательно. — Как же я любил омнивидео, когда был пацаном! Кажется, и жил-то лишь ради того, чтобы увидеть очередную серию «Ястреба Тейлона». Шел утром в школу и ничего вокруг не видел, придумывал продолжение следующей серии.

— Ага, и я тоже, — кивнул Тони. — Когда учил уроки или писал контрольные, то изображал из себя Ястреба в Академии — так было куда интереснее.

План дальнейших действий постепенно обретал конкретные очертания. Нужно

устроить Апексу еще одну небольшую проверочку. До сих пор тот безбожно сыпался на самых ерундовых вопросах, которые у офицера Флота не вызвали бы ни малейших затруднений. Но Тони требовалось последнее, решающее доказательство...

— Бьюсь об заклад, — рассмеялся Алекс, — они нарочно выдумали все эти сцены из его детства — этакое воспитание между делом, чтобы пацаны охотнее учились.

— А какой у тебя был самый любимый эпизод? — невинным голосом поинтересовался Тони.

— Ого!.. Так сразу и не ответишь. Подумать надо, — резонно заметил Алекс. — Я балдел от всего третьего сезона и от большей части четвертого. Не то чтобы другие были хуже, но в тот год третий и четвертый были явными лидерами. Может, они просто идеально соответствовали моему возрасту.

Тони понимающе хмыкнул.

— А мне особенно нравилась сцена, когда Ястреб командует электронному мозгу своего корабля стрелять, и тот спрашивает — в кого? И Ястреб говорит: во всех сволочей! Гениальные слова — я до сих пор так считаю. А какой у него корабль был! Как, кстати, он назывался? «Голубчик», по-моему?

— Ага, точно, «Голубчик», — подтвердил Алекс. — Классный кусок, но мне больше нравилась Лайза Накумба в роли дочки сенатора. Девочка что надо. Кстати, ты не в курсе, где она живет и что поделывает?

Тони ответил и на этот вопрос, и на множество последующих, стараясь держаться раскованно и беззаботно. Но внутри у него все кипело. Теперь не оставалось никаких сомнений. Больше Тони на это не купится. Как ты сказал, Алекс? «Голубчик»? «Голубка», а не «Голубчик», дружок мой! Корабль Ястреба с телепатическим управлением был даже более популярным героем сериала, чем сам Ястреб. Ни один фанат Ястреба Тайлона не мог позабыть его названия.

Лайза Накумба! Да, они солидно подготовили Шурра... Он держал в голове такие детали, которые кому угодно могли задурить голову!

Но всех деталей Алекс не знал, да и не мог знать. Только человек, рожденный и выросший на планетах Альянса, способен знать и понимать тончайшие оттенки мировосприятия, общие для людей Флота, в какой уголок Вселенной их ни забросила бы судьба. Так что, Алекс Шурр, ты — жалкий самозванец!

Тем не менее Тони продолжал беззаботно болтать, словно не замечая оплошностей собеседника. Пока все развивалось по вчерашнему сценарию. Только действие лекарств ощущалось не так сильно, а может, организм блокирует их всасывание. Однако надо было вести игру до конца, Шурр не должен догадаться о его подозрениях. Перебив косточки Лайзе Накумбе, они приступили к другим актрисам того же периода, и скоро не осталось ни одной, которая не подверглась бы обсуждению от макушки до кончиков пальцев. Кто бы мог подумать, что детское увлечение омнивидео однажды окажется так кстати!

Меж тем подошло время ужина. Сегодня пациент Тони Лукка проявил редкостное смирение и покорно позволил впихнуть в себя целую горсть пилюль. Каса понятия не имела, что на самом деле пилюли отправлялись под язык, где им следовало ожидать более подходящего момента.

Затем Тони откинулся на подушки и якобы погрузился в сон.

Труднее всего ему давалось ожидание. Тони попытался расслабиться и сконцентрироваться на дыхании. Точь-в-точь как показывал Шри Хананда — инструктор по йоге на 81 — м учебном канале. На четыре счета вдох, потом на четыре счета пауза и еще на четыре — выдох. Хоть какое-то занятие.

Тони ждал до тех пор, пока к нему не пришла уверенность, что все окончательно уgomонились. Но даже после этого он какое-то время выжидал. «Второй шанс вряд ли представится, — думал Тони. — Так что надо управиться с первого раза».

Когда дыхательные упражнения окончательно надоели, он стал прокручивать в памяти эпизоды из «Ястреба Тейлона».

Был момент, когда Тони показалось, что в палате кто-то шевелится. Но, возможно, ему просто почудилось — звук был настолько тихим, будто его не было вовсе.

В конце концов терпение лопнуло. Он поднял здоровую руку, сорвал бинты, закрывающие глаза, и с замиранием сердца поднял веки. Несколько томительных секунд он не видел ничего, кроме темноты, но темнота эта была несколько иная. В ней угадывались какие-то неясные формы, сквозь мрак откуда-то издалека пробивалось слабое дежурное освещение.

Когда глаза привыкли к полутьме. Тони усмехнулся.

«Дураку понятно, — подумал он, осматриваясь, — для чего они мне завязали глаза».

С той стороны, откуда доносился голос Алекса, действительно стояла койка армейского типа. Белоснежные простыни сверкали чистотой даже в темноте. Но на кровати никого не было. Как будто Алекс никогда не существовал.

«Может, так оно и есть, — подумал Тони. — Я его не видел, а голос и сами фразы можно элементарно синтезировать на компьютере. Значит, меня допрашивал компьютер? Можно подумать, имеет значение, кто допрашивал. Важно, что у них теперь полно секретной информации».

И если бы только это! За прошедшие дни он научил их всем тонкостям игры. Такие проныры смогут теперь в два счета обвести вокруг пальца любого матроса или офицера Флота. Вращенный на вражде к халианам, Тони и помыслить не мог, что враг может скрываться под обликом человека. А ведь такой враг во сто крат опаснее любой другой твари...

Тони осторожно отсоединил капельницу. Наверняка вливали ему что-нибудь дурманившее, чтобы взять его тепленьким и вытянуть все, что он знает о Синдикате. Но главное, он наконец освободился от этого чертова «препарата IV»!

Тони почти неслышно поднялся с койки. Спасибо, хоть напялили на него казенную госпитальную пижаму. Хорошо бы он был нагишом! Впрочем, и пижама сейчас тоже не годилась.

Тони принялся рыться в многочисленных шкафчиках, надеясь подыскать что-нибудь более подходящее. И нашел! Судя по всему, это был комбинезон офицера медслужбы. Каково! Ничего общего с Флотом: нашивки, покрой — все другое! «Не снимай бинты, глаза прооперированы!» Поверил ведь, лопух!

Тони переоделся, пижаму скомкал и сунул под одеяло. То, что получилось, было мало похоже на спящего человека, но в темноте, может, и сойдет. Значит, в запасе у него около часа.

Тони бросился к дверям и вдруг застыл от внезапной мысли.

Что дальше? Допустим, ему удастся выбраться и передать сообщение, что внутри Синдиката зреет заговор.

Но кто ему поверит? Бравые гардемарины, которые запихнули в его тумбочку рваную подушку? Или офицеры спали и видели, как бы от него отделаться? Да они не то что не поверят, они даже слушать не станут!

А разведка? Это же самодовольные тупицы, свято убежденные, что во всем Флоте никто, кроме них, не передвигается на двух конечностях и не владеет осмысленной речью. А тут откуда-то прискачет мальчишка-тыловик и станет утверждать, будто знает нечто такое, чего нет в их банке разведанных. Посылать доклад было некому. Его никто не станет слушать, а уж о том, чтобы что-то предпринимать, и речи быть не может.

А «Кардифф» тем временем будет отлавливать все новые жертвы, и каждая из них станет еще одной козырной картой в руках заговорщиков...

Его осенило. «Кардифф» должен быть уничтожен! Тогда Синдикат поймет, что он и ломаного гроша не стоит, если любой мальчишка способен расколоть все его хитрости. И готовить новый заговор будет просто бессмысленно.

Главное — не дать «Кардиффу» уйти с ценнейшими разведанными о стратегии Флота в регионе Бейнбриджа. Позиции Альянса были еще слишком слабы, чтобы так рисковать.

Само присутствие крейсера говорило о том, что и Синдикат имеет в отношении этой территории далеко идущие планы. Корабль таких размеров никогда не посылают в стратегически второстепенные районы.

«А как бы поступил Ястреб Тейлон на моем месте?» — усмехнулся про себя Тони.

Ястреб рванул бы отсюда на скоростном разведкатере, напоследок превратив крейсер в большое облако дыма. Неплохой вариант, но в нем имелось две небольшие шероховатости. Во-первых, Тони понятия не имел, есть ли на корабле скоростные катера и сможет ли он справиться с управлением такого судна. А во-вторых, он совсем не был уверен, что сумеет взорвать крейсер. Это в кино — раз Плунуть, а в жизни попробуй сделай что-нибудь с такой машиной.

Тони был уверен в одном: прежде чем покинуть палату, нужно четко продумать план действий, но при этом смотреть надо до того, как на вахту заступит дневная смена, которая наверняка гораздо многочисленнее ночной.

А ведь Тони даже не знал внутренней планировки «Кардиффа». Где можно спрятаться, какие узлы наиболее уязвимы?

Ястреба Тейлона такие детали никогда не интересовали. Он сразу переходил к решительным действиям. Какие можно предпринять решительные действия? Ну, например, перегреть плазменные орудия. Как славно долбанут они внутри крейсера — в ключья разнесут! Если только они вообще имеются на корабле. А ведь их еще надо как-то перегреть... Нет, для главного удара следует выбрать другое направление. Но какое?

И вдруг по его лицу расплылась блаженная улыбка. Открыв створки кофейного шкафчика, Тони обнаружил именно то, что ему было нужно.

Приподняв крышку вместительной коробки, он убедился в правильности своего предположения. Но на всякий случай он обмакнул палец в содержимое коробки и лизнул. А вот и еще одна полезная вещь — большая старомодная зажигалка. Рядом находилась нагревательная спираль — видимо, установка для хитроумного химического опыта. На спирали громоздился кувшин, наполненный темной, полупрозрачной жидкостью. Тони хлопнул себя по лбу и принялся — это ведь самый настоящий старинный агрегат для приготовления кофе!

Отлично! Зажигалка немедленно исчезла в нарукавном кармане, а коробку Тони небрежно зажал под мышкой. Кому придет в голову подозревать санитаря с коробкой сахарного песка?

Ему повезло, что корабль такой большой. Вряд ли тут все знают друг друга в лицо. Тони вышел в коридор. Везение продолжалось. Навстречу шла молодая женщина, тоже, видимо, из числа новобранцев — никаких знаков различия на рукавах и воротнике. Она нисколько не удивилась, когда Тони спросил, как пройти к смотровой палубе. Двумя этажами выше и по главному коридору до конца. Опасаясь растерять остатки решимости, Тони быстрым шагом устремился вперед.

Первый же беглый взгляд, которым Тони окинул смотровую палубу, заставил его удовлетворенно улыбнуться. Что ни говори, есть вещи, без которых люди не могут обходиться, поскольку привязаны к ним с доисторических времен. Чью бы форму ты ни носил — Флота, Альянса или Синдиката, тебе все равно захочется побыть в просторном помещении: подышать запахом живых растений, полюбоваться звездным небом. Смотровая палуба «Кардиффа» ничем не отличалась от тех, что ему приходилось видеть до сих пор. Хотя нет, садовник тут пофантазировал — редкие фруктовые деревья, беседки, увитые зеленью. Но основной замысел оставался неизменным.

«Целый сад! — подумал Тони. — И запахи, как в саду... Как здорово — листья вырабатывают кислород, все ветки — в плодах. И душа отдыхает, и желудку кое-что перепадет...»

Сквозь прозрачные стенки палубы холодно мерцали россыпи голубых звезд. Тони в последний раз с нежностью обвел взглядом всю эту красоту и приступил к делу.

Где-то здесь должна иметься вытяжная труба. Он замер, затаив дыхание и

прислушиваясь — точь-в-точь как учил Шри Хананда. И тут же уловил едва различимое шипение. Он наспех прочел молитву. Тереза до самой смерти будет его ненавидеть... А может, поймет, что у него просто не было выбора. И что дело не в болванах-гардемаринах и не в фантазиях на тему Ястреба Тейлона. И еще — что он сейчас готов все отдать, чтобы секунду спустя проснуться дома, в своей кровати.

Тони потянул носом воздух у фильтра воздухозаборника. Так и есть — вытяжка чистого кислорода. Некоторые технические решения настолько удачны, что нет смысла придумывать что-то новое. Его расчет оказался верным.

Тони сдвинул коробку и опрокинул ее содержимое в воздухозаборник. Словно зачарованный, он смотрел, как в темном провале вентиляционной трубы, словно снежинки в сказочную рождественскую ночь, кружатся сахарные кристаллики. Чистый кислород — и немного горючего вещества...

Тони прошептал еще одну короткую молитву и мысленно попросил прощения у Терезы и родителей. Потом чиркнул зажигалкой. Длинный язык пламени лизнул край вытяжной трубы...

«Сала-Аль-Дин» находился совсем рядом с источником сигнала SOS. Но когда он, срочно изменив курс, подошел ближе, сразу стало ясно, что даже его первоклассное пожарное оборудование здесь не поможет. Пламя мгновенно достигло оружейного трюма; на воздух взлетело столько боекомплектов, сколько хватило бы хорякам на полгода ожесточенного сопротивления. От корабля в считанные минуты остались лишь обугленные обломки.

— По крайней мере они быстро задохнулись, — обронил один из спасателей.

Остальные промолчали, не в силах оторвать взгляда от обожженных тел, прилипших к расплавленному металлу. Ни у кого не возникло желания полюбоваться на эту картину вблизи.

Только спустя несколько дней в руинах корабля был найден Тони Лукка. Тело опознали сразу. На нем почти не было ожогов — пламя ушло в вытяжную трубу, и смотровая палуба в считанные мгновения лишилась кислорода.

— Черт подери! Что он делал на корабле Синдиката?! — воскликнул главный следователь, когда тело доставили на борт.

— То, что и должен был сделать любой офицер Флота на его месте, — ответил капитан десантников. — Это он взорвал крейсер. Все-таки нашел себе достаточно большую мишень, чтобы в нее попасть...

Интерлюдия. О ВРЕМЕННЫХ СООТНОШЕНИЯХ

Корабль, оснащенный гиперсветовым двигателем, способен преодолеть миллион миль за считанные секунды.

Лучу мощного лазера требуются доли секунды, чтобы поразить противника.

Очень часто поединок двух маленьких кораблей заканчивается за считанные мгновения. Как правило, ближний бой между кораблем Флота и халианским пиратом длится около тридцати секунд независимо от того, кто побеждает.

В противоположность вышесказанному время, необходимое военному кораблю Флота для путешествия от одной звезды к другой, может оказаться весьма значительным. Например, вновь построенный тяжелый крейсер проходит расстояние от Веганских верфей до Дуанского флота, где находятся основные военные силы Халии, примерно за два месяца.

Обычная курьерская миссия может продолжаться шесть месяцев и затрагивать не более двух дюжин планетных систем.

Некоторые специалисты обучаются целое десятилетие, чтобы получить квалификацию, достаточную для выполнения сложнейших операций по установке и демонтажу гиперсветового двигателя Купера.

С другой стороны, путешествие от большинства планет Синдиката до Халии занимает

почти столько же времени, сколько и от Порты Альянса. Разведывательный корабль, покинувший свою родную систему и отправившийся в пространство халиан, неизбежно возвратится с данными, устаревшими по крайней мере на месяц.

Таким образом, первые битвы, доказавшие, что эта война — одна из самых дорогостоящих войн Альянса, в большинстве своем были незначительными стычками. Исходя из опыта, обе стороны пришли к выводу, что разведка в этой войне гораздо важнее боевых действий.

Но даже после того, как в общих чертах выяснили расположение основных миров Синдиката, потребовалось еще несколько месяцев, в течение которых адмирал Дуэйн собирал силы, способные выжить в пространстве врага.

Разумеется, перед тем как начать действовать, обеим сторонам требовалось разузнать некоторые важные факты. Военачальники Синдиката хотели убедиться, что силы адмирала Дуэйна не нападут на планеты Семейств, когда основная армада Синдиката устремится в атаку. Им также требовалось изучить следующее: чего может добиться Флот в халианских мирах, какова инфраструктура баз Альянса; что необходимо сделать Альянсу для обеспечения безопасности миров вновь обретенных союзников. Тем временем было установлено, что изменчивая лояльность Халии по отношению к Синдикату является куда более серьезной проблемой, чем ожидалось при принятии решений, и потому дальнейшая поддержка халиан бессмысленна.

В конце концов, халианская война закончилась совершенно неожиданно и намного быстрее предполагаемых сроков. Окончательные планы были разработаны, и корабли построены задолго до начала кампании против Альянса.

Халиане потратили шесть месяцев только на то, чтобы собрать воедино информацию о расположении главных миров Синдиката. Сотни кораблей были отремонтированы; отработаны десятки тысяч маневров, и только после этого адмирал Исаак Мейер решил, что армада адмирала Дуэйна способна к наступательным действиям.

В конце концов, Альянсу также требовалась уверенность в том, что их разбросанные миры не пострадают, когда Флот отправится в пространство Синдиката.

В результате после заключительных напряженных дней халианской войны для большинства солдат наступил период скуки и депрессии. Эта передышка оказалась более выгодна Флоту, чем его противникам. Она предоставила ему время, необходимое для перегруппировки сил. Боевой дух был восстановлен, и новые корабли заменили погибшие.

Однако месяц шел за месяцем, и поддерживать бдительность на должном уровне становилось все трудней. Для тех, кто вернулся домой, отсутствие сообщений о новых сражениях означало мир. И это привело к тому, что некоторые политики в Сенате на полном серьезе начали обсуждать целесообразность огромных новых субсидий, требуемых Адмиралтейством.

В течение всего этого периода война характеризовалась скорее отдельными поединками, чем большими баталиями. Корабли и разведчики сражались за обрывки информации или защищали жизненно важные промышленные центры. Победители в этих боях определялись не только по огневой мощи — имели значение и многие другие факторы. Впрочем, обладание самыми мощными пушками определенно помогало.

Кэтрин Куртц, Скотт Макмиллан. РЕГУЛИРОВЩИК

Для Синдиката не составляло никакого труда набрать «упорядочивателей» из молодых, полных амбиций администраторов, которые находили в сложной структуре Альянса слишком много ограничений для своих разнузданных эгоистичных устремлений. За подтасовку информации и отправку по другим адресам комплектующих и расходных материалов им платили с невиданной щедростью. Эти «упорядочиватели» были совершенно неподконтрольны и никогда не встречались со своими синдикатовскими хозяевами, и в случае угрозы разоблачения они имели привычку сбегать на какую-нибудь недосыгаемую

планету Синдиката.

Для борьбы с «упорядочивателями» Совет Альянса поручил Флоту набрать «регулирующих», которые должны были проверить счета и отчеты, а также попытаться внедриться в ядро разведки Синдиката. Пользующиеся безмерным доверием Флота и Совета, регулировщики получили максимальные полномочия. От них ожидали чудес и не задавали им лишних вопросов.

Риккер был одним из первых и определенно одним из самых лучших регулировщиков. За два года он проехал по всем индустриально неразвитым районам Альянса, собирая воедино обрывки информации, из которых складывалась картина деятельности Синдиката с одним человеком в центре. Работая в условиях абсолютной секретности, Риккер отправился, чтобы арестовать и доставить в Организацию Эксплуатации Планетных Ресурсов администратора Джеймса Колемана Мелтона.

Бой продолжался большую часть дня. Когда его партнер был убит, а защитный костюм поврежден, Риккер решил сдаться и попытаться спасти свою жизнь в плену. Он вытер брызги крови Коннора, выключил на шлеме бластерную защиту и, подбравшись к тлеющим останкам партнера, воткнул свой идентификационный диск в месиво из остывающей плоти и расплавленного защитного костюма.

Термическая граната разворотила бок их вездехода, частично испарив Коннора. Риккер полагал, что врагам потребуется всего лишь несколько минут, чтобы добраться до пролома. Если ему повезет, то этого времени хватит, чтобы идентификатор исчез во внутренностях Коннора. Если нет, то ему осталось жить не больше пяти минут. Ему повезло.

Первым до него добрался талмуд: низкорослый, длинношей и широкоплечий, с засаленными волосами, по которым его легко можно было отличить от всех прочих полугуманоидов этого сектора. Шевелюра талмуда пахла необычайно сильно и резко. Эти твари потели через волосы, и поэтому даже на свежем воздухе источали амбре, подобное тому, что приобретает тренировочный костюм, забытый на уик-энд в ящике.

Талмуд грубо проталил Риккера через искореженную палубу и, сорвав с него шлем, от души врезал по уху. Талмуды были грубы, но у них имелось неоспоримое достоинство: в отличие от гернов они не могли вас съесть.

Внутрь трубы пролезли два человека и тут же принялись шарить в обломках вездехода, пытаясь найти что-нибудь ценное. Следом за ними протиснулся герн и с паучьим изяществом двинулся к останкам Коннора.

Паукоподобный инопланетянин осторожно опустил свое толстое тело в лужу крови Коннора и одной из маленьких верхних рук-щупалец подтянул к себе то, что осталось от туловища человека. С помощью более сильных нижних конечностей он переместил это месиво из плоти и защитного костюма поближе и, грациозно-сманеврировав на рудиментарных ногах, опустил свое дряблое грязно-зеленое тело прямо на останки человека.

Медленно, словно занимаясь любовью с телом Коннора, герн начал мягко скользить назад и Вперед. Короткие рецепторные волоски на брюхе герна ошетинились и, коснувшись оголенной плоти, подтвердили, что это человеческое мясо. Неторопливо поднявшись, герн выпустил сифонообразный отросток и воткнул твердую желто-зеленую трубку в тело Коннора. Непрестойно трясясь и дергаясь, герн засовывал сифон все глубже в плоть человека.

Герн ритмично покачивался вперед и назад на Конноре, в то время как его сифон ощупывал внутренние органы человека, а маленькие, острые, словно бритва, язычки измельчали мясо и мускулы, чтобы затем засосать мякоть через сифон в один из желудков. Поглощая кишки Коннора, герн одновременно сделал на его шее глубокий надрез с помощью серповидных когтей недоразвитых верхних рук. Сразу после этого он вставил свои длинные кривые челюсти в рану и начал жевать.

В тот момент, когда сифон герна наткнулся на идентификационный диск Риккера, на другой стороне палубы вездехода два человека тщательно просматривали содержимое

ящичков Риккера и Коннорса. Вместе с кусочками сердца и печени язык герна засосал пластиковый диск в пульсирующую трубку, которая жадно отправила его вместе с другими намного более лакомыми кусочками в желудок.

Войдя в сифон боком, диск надрезал и разорвал тонкую мембрану, которая соединяла стенки пищевой трубки герна. Втягиваемый мощным потоком пищи, диск вошел в сифон, повернулся по оси, подобно заслонке в печном дымоходе, и остановил поступление пищи в желудок герна.

Реакция была мгновенной и бурной. Сифон герна судорожно дернулся, тело чужака содрогнулось от нестерпимой боли. Герн завопил и попытался вытащить трубку из брюшной полости, но не тут-то было! Идентификационный диск был чуть больше, чем отверстие, через которое герн засунул свой сифон в тело Коннорса, и теперь он, подобно якорю, прочно прицепил сифон к плоти. Не сумев освободиться, герн поднялся на дыбы и стал терзать труп Коннорса. Под весом поднятых останков сифон начал отрываться от своего основания. Обезумев от боли и от осознания того, что его сифон остался в теле Коннорса, герн повернулся и ринулся по направлению к людям, которые застыли от ужаса при виде разъяренного паукообразного монстра.

Талмуд, быстро отреагировав, выпустил две разрывные пули, целясь в зияющую рану, образовавшуюся на месте сифона. На мгновение герн остановился, пули разорвались, и паук лопнул, разбрызгав вокруг сливочного цвета внутренности. Одного из людей вывернуло наизнанку.

Звук взрыва донесся до Мелтона. Он находился внутри броневики, за которым Риккер и Коннорс следовали на протяжении последних трех дней. В отличие от других Мелтон не был похож на дезертира или подонка-предателя. Он был облачен в весьма дорогой и модный гражданский защитный костюм, одну из девяти самых лучших моделей. Стоимость костюма превышала общую сумму годового жалованья целого отряда десантников. Подобно некоторым привилегированным администраторам Мелтон носил на поясе шпагу, которую вполне можно было бы принять за фамильную реликвию, если бы не многочисленные зазубрины и следы от ударов, свидетельствовавшие со всей однозначностью: Мелтон знает, как обращаться с этой штукой. Требуется немалое искусство и большая практика, чтобы отважиться парировать удары клинка с помощью шпаги.

Еще у Мелтона имелся портфель. Из кожи. Из настоящей кожи, а не какого-нибудь там химического заменителя, который использовали даже в элитарных кругах. Портфель был сшит из шкуры настоящей коровы. Коровы, которая жила на поле, ела траву, давала молоко (Риккеру однажды довелось попробовать биоорганическое молоко и бифштекс), и, в конце концов, после того как ее съели директора компании, из шкуры бедняжки сшили себе портфели. Кожаный портфель стоил Примерно столько же, сколько мелкий планетный деспот мог награть за всю свою жизнь. И Мелтон мог позволить себе кожаный портфель. Он был подонком, но подонком с великолепным вкусом.

Мелтон взглянул на кавардак, царящий в вездеходе, но воздержался от комментариев. Вместо этого он подошел к Риккеру, подпиравшему угол, залез в один из своих карманов и вытащил «Давай-давай» — слабый гипнотический наркотик, применяемый полицией для контроля над буйными арестованными. Талмуд держал голову Риккера, пока Мелтон распылял аэрозоль в левый глаз человека. Какое-то мгновение Риккер подумывал, не двинуть ли ботинком в пах Мелтону, но острая боль в левой глазнице заставила его отказаться от этой затеи. Вместо этого Риккер удивленно спросил себя: сколько могли бы стоить самоочищающиеся ботинки Мелтона.

Внутри броневики Риккер получил примитивную разновидность снотворного: один из людей двинул его по затылку, и Риккер погрузился в полное звезд болезненное забытие.

Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит на песке. Чья-то нога расположилась прямо у него на шее. Он немного повернул голову и увидел, что это не Мелтон — ботинки были недостаточно чисты. Стало быть, это либо талмуд, либо один из людей. Кто именно, не имеет значения. Риккер ясно осознавал, что любое сопротивление теперь немедленно

повлечет за собой смерть.

Это его встревожило. Не то чтобы он боялся смерти, которая была неизменной спутницей того, кто становился так называемым регулировщиком в Альянсе. Нет, это было не подвластное разуму стремление выжить. По какой-то причине Мелтон захотел, чтобы он остался в живых, иначе все было бы кончено еще в вездеходе. Ботинок на шее передвинулся. И тут же пнул его в ребра.

Резкий выдох вырвался из легких, в то время как две пары рук поставили его на ноги и потащили к онгеру, одному из шестиногих выючных животных, используемых изыскателями в отдаленных районах Альянса. Выведенные генной инженерией несколько сотен лет назад, онгеры переправлялись в замороженном виде и выдавались любому изыскателю на любой из планет с растительностью класса А. Они мало ели, пили еще меньше и могли тащить на себе огромный вес. В качестве верховых они не годились; в самом крайнем случае их можно было съесть, хотя на вкус они были отвратительны. Риккера бросили на спину онгера и связали его щиколотки под брюхом животного. Мелтон пошарил в другом своем замечательном кармане и вытащил оттуда титановые наручники, которые тут же туго затянул на запястьях Риккера.

Со спины онгера обзор был значительно шире, впрочем, ничего нового Риккер не узнал. Вокруг расстилалась пустыня: песчаная серая почва, скалы с редкой растительностью на них. Типичная планета с флорой класса А. Бедная почва, низкокачественные минералы — провинциальная дыра, в которую Альянс отправлял шахтеров без будущего: низкий приоритет, низкие технологии, низкий уровень добычи. И низкие типы, такие, как Мелтон.

Скутер Мелтона бесшумно скользил к группе людей, окружавших Риккера. Машина грациозно покачивалась и плыла над волнистыми песками, окрашивая ярко-пурпурным лучом пустыню, на мгновение превращая серый песок в сверкающее серебро. Поравнявшись с ними, Мелтон приостановился, балансируя на скутере, как акробат на натянутом канате, и подал знак следовать за ним. Талмуд взял онгера за уздечку, один из людей взгромоздился на крестец животного, и вся компания двинулась гуськом вслед за Мелтоном.

Прошло около двух часов, прежде чем Мелтон сделал остановку. Действие «Давай-давай» закончилось, все тело Риккера нестерпимо ныло от попыток удержаться на покачивающейся спине онгера. Защитный костюм не был предназначен для верховой езды — внутренняя поверхность бедер Риккера была растерта в кровь от мучительных перекачиваний по спине животного. Если он и переживет это испытание, то пройдет немало времени, прежде чем он сможет с комфортом сидеть в рубке космического корабля, как, впрочем, и за обеденным столом.

Один из людей Мелтона развязал Риккеру лодыжки и, стянув его со спины онгера, подтащил к хозяину, восседавшему в скудной тени сарая возле заброшенной шахты. Мелтон снял солнцезащитные очки — ужасно дорогие, с лазерным серебряным покрытием, предохранявшим человеческий глаз от резкой смены уровня освещения. Он отвернулся от Риккера и стал пристально вглядываться в линию горизонта.

— Вы обременяете нас, — сказал он, медленно переведя взгляд на Риккера. — Не говоря уже о том, что ваше содержание обходится недешево.

Риккер попытался сохранить спокойствие, но это ему не удалось: его ноги разъехались, и он упал на колени. Мелтон встал, аккуратно отряхнул песчинки со своего скафандра и подошел к Риккеру. Он снял наручники и внимательно посмотрел на пленника.

— Мистер Кемпбелл. — Мелтон прочел имя на бирке, прикрепленной к скафандру Риккера. — Вы изыскатель, не так ли?

Риккер утвердительно качнул головой.

— Отлично, тогда вам должны быть известны опасности, подстерегающие людей в заброшенных шахтах?

Риккер промолчал, ожидая продолжения.

— Можно угодить в ловушку при внезапном оползне в стволе шахты или попасть в песчаную яму, что, как я боюсь, как раз и угрожает вам.

Мелтон вглядывался в глаза Риккера, словно ожидая, что тот станет умолять о пощаде.

Когда Риккер заговорил, он скорчил разочарованную гримасу.

— Послушайте, мистер, я не знаю, кто вы такой и почему вы напали на мой вездеход, но вот что я вам скажу: Флот запланировал посетить эту забытую Богом дыру в ближайшие два дня, чтобы подобрать меня и моего партнера, и вам не уйти от ответа. Для вас и ваших парней лучше всего собрать свои пожитки и убраться отсюда еще до того, как солнца достигнут зенита, иначе вы напрасно потеряете восемнадцать часов.

Риккеру было хорошо известно, впрочем, как и Мелтону, что действие солнечных пятен в системе двойных звезд препятствует любой попытке благополучно взлететь с планеты в то время, когда звезды соединяются.

Мелтон с безразличным видом изучал его несколько секунд, а потом повернулся и, играя очками, направился по хрустящему серому песку к своему скутеру.

Талмуд ужасно потел, тонкие волосоподобные трубочки, покрывавшие его голову, выделяли вязкую золотистую жидкость, скатывавшуюся по голове и плечам. Жидкость, растекаясь по всему телу, защищала талмуда от жара двух звезд, стремящихся к зениту.

Они прошли всего несколько сотен метров до заброшенного рудника, где Мелтон припарковал свой скутер в тени одной из полусыпанных песком буровых вышек. Но Риккеру казалось, что они преодолели многие мили. Он умирал от жажды, сейчас он отдал бы все за глоток обыкновенной воды. Но Риккер очень сомневался, что кто-нибудь предложит ему этот глоток.

Оставив скутер в тени, Мелтон приказал следовать за ним на другую сторону рудника. Держась в тени разрушенных зданий, компания прошла мимо заброшенного рудообогатительного завода и вышла под опаляющий жар двух солнц. Мелтон остановился у песчаной ямы.

Яма была примерно 50 метров в поперечнике, с крутыми склонами, сходящимися под острым углом к чашеобразному дну. С одной стороны на дне имелась узкая полоска тени, темным полумесяцем обращенная рогами к пятиметровой дыре в центре ямы. Подобно морскому водовороту эта дыра, казалось, была готова поглотить все и вся.

Мелтон достал фляжку и вылил немного прохладной жидкости на ладонь, позволив серебристому потоку сквозь пальцы стечь на пересохший песок, который потемнел на одно краткое мгновение. Не глядя на Риккера, Мелтон бросил флягу в яму, проводив ее взглядом.

Не успела фляга добраться и до середины ската ямы, как Риккер почувствовал, что летит вслед за ней. Он упал на край и заскользил по склону, к песчаному водовороту в центре ямы. Он попытался ухватиться за кого-нибудь из своих тюремщиков, но, к несчастью, ближайшим оказался талмуд. Руки скользили по телу, покрытому масляной пленкой. Несмотря на пониженную гравитацию, при падении Риккер довольно сильно ушибся.

С самого начала он знал, что его шансы избежать падения в бездну ничтожно малы. Обдирая руки и лицо, он распластался подобно орлу, раскинувшему крылья, и попытался зацепиться пальцами рук и ног. Он прикинул к песчаному скату, его лоб кровоточил, а рот и ноздри забились песком. Буксуя, Риккер продолжал скользить к самому дну ямы. В конце концов ему удалось-таки остановиться, и он застыл на мягком песке, балансируя прямо над жадной пастью песчаного водоворота. Откашливаясь и отплевываясь, Риккер осторожно приподнял голову и посмотрел наверх. Мелтон и его люди ушли.

В то время как два солнца поднимались все выше и выше, Риккер с полной определенностью понял следующее: Мелтона совершенно не волновало, найдут тело или нет. А если Мелтон не утруждает себя замечанием следов, это значит, что у него есть могущественный покровитель в высших эшелонах Флота или Альянса. В любом случае это сейчас не имело никакого значения. Если Риккер не сможет выбраться из песчаной ямы до того, как солнца соединятся, он будет мертв.

Глядя на быстро укорачивающиеся тени, Риккер оценил, что в запасе у него остается примерно двадцать минут. Не много, но вполне достаточно. Если, конечно, повезет. Самое главное — достать воду, фляжку, которую Мелтон небрежно бросил в яму перед тем, как столкнуть туда Риккера. Медленно и осторожно Риккер приподнялся на одном локте и

осмотрел скаты ямы в поисках следов фляги.

Ничего. Очень плавно он повернулся, чтобы осмотреть другой склон, но почувствовал, как песок начал медленно оседать, увлекая его на дно песчаной воронки — к смерти.

Риккер опять широко раскинул руки и снова остановил свое падение. По крайней мере теперь он видел пятнышко фляги. Двигаясь, словно амфибия, полуплывя, полукарабкаясь, он поворачивался до тех пор, пока не развернулся лицом к черному провалу, центру воронки. Фляжка лежала прямо перед ним, чуть левее. Риккер закопал свои руки глубоко в песок, выше локтей, и медленно, до боли медленно начал передвигаться все ближе и ближе к краю. Он старался не думать о том, что любое следующее движение способно отправить его в песчаную бездну.

Минуты тянулись, словно часы, в то время как два солнца поднимались все выше и выше, и поврежденный скафандр Риккера уже не мог справляться с перегревом. После длительных усилий Риккеру все-таки удалось добраться до фляги. Он погрузил правую руку до самого плеча глубоко в песок, затем осторожно раздвинул пальцы, стараясь укрепиться на склоне.

Слегка переместив тяжесть тела на одну ногу, Риккер дотянулся до фляжки. Фляжка чуть сползла вниз. Только легкий шелест осыпающегося песка нарушал тишину, царившую в яме. Фляга опустилась еще на несколько футов ниже, придвинувшись к краю воронки.

Риккер чертыхнулся. Всю свою жизнь он старался избегать напрасных действий, а ругань и проклятия сейчас были совершенно бесполезны. Вот если он доберется до фляги, тогда сможет ругаться сколько влезет, запивая проклятия прозрачной, прохладной струей. Но не сейчас. Ведь он еще не добрался до нее. Он снова потянулся к фляге, медленно, о, очень медленно, и снова песок мягко зашелестел, осыпаясь вниз. Все дело было в том, что его правая рука, словно якорь погрузившаяся в песок, вызывала слабые движения где-то в глубине песчаного склона.

Интересная проблема. Если он вытащит руку из песка, то наверняка сможет дотянуться до фляги. Правда, потом он рухнет вниз. И так быстро, что бездна поглотит его быстрее, чем он успеет что-нибудь сообразить. Сто шансов против одного. Риккер сжал правую руку в кулак и медленно начал ее вытаскивать. Песок начал свое шелестящее движение.

Внезапно Риккер сполз вниз, прямо к фляге. Гребя ногами и руками, он предпринимал отчаянные попытки закрепиться на склоне. Мысли проносились в голове лихорадочным хороводом, но события развивались достаточно медленно. Инстинктивно он схватил флягу и, продолжая съезжать вниз, таким же инстинктивным движением соединил руки перед собой и воткнул конец фляги в песок. Фляга сработала, словно морской якорь, мгновенно остановив падение. Раскинув ноги и бусуя ступнями, Риккер нашел положение равновесия.

Солнца поднялись уже очень высоко и были близки к точке соединения, когда Риккер начал по кругу подниматься вверх. Смерть все еще могла предъявить свои права на него. Он чувствовал даже через защитный костюм. Как жар обжигает спину, и знал, что в его распоряжении остаются считанные минуты. И за эти минуты он должен, он обязан успеть найти единственно правильное решение.

Используя плоскую флягу как лопату, Риккер начал быстро рыть песок, надеясь, закопавшись в него, переждать жару. Он полагал, что если сумеет спрятаться под песком, то сможет продержаться около двух часов — жидкости во фляге вполне достаточно, а солнца тем временем уже выйдут из смертоносного соединения, и у него появится второй шанс выбраться из ямы.

Риккер прокопал около двух футов, когда фляжка стукнулась о металл. Вскоре открылась гладкая цилиндрическая труба примерно четырех футов в ширину. С бешеной скоростью разгребая песок обеими ногами, Риккер добрался до трубы, которая, похоже, тянулась из покинутой шахты к центру ямы.

Риккер чуть не рассмеялся: оказалось, что он сидит на мусоропроводе. Шахтеры использовали яму как помойку, что являлось очевидным нарушением директив Флота и Альянса, обязывающих заботиться о сохранении экологии эксплуатируемых планет.

Интересно, можно ли забраться в эту трубу?

Глаза Риккера болели от яркого света, льющегося сверху. Горячий металл обжигал руки. От жары у него начинались галлюцинации. Ему вдруг почудилось, что он все еще находится в перевернутом вездеходе. Риккер повертел флягу, пролив немного драгоценной влаги, и скользнул по трубе вниз, по направлению к бездне, куда некогда сбрасывали мусор.

Как ни странно, у него было достаточно времени, чтобы обдумать, что он будет делать дальше. Сохраняя хладнокровие, он смог достигнуть конца трубы и ухватиться за него. Каким-то чудом ему удалось удержаться. За мгновение перед этим он осознал, что делает, и вполз в полумрак мусорной трубы.

Пол мусоропровода оказался таким же гладким, как и стены, но сверху тянулся ряд поручней, словно лестница, прикованная к потолку гигантской алюминиевой сигарообразной трубы. Уцепившись за поручень, Риккер позволил себе отхлебнуть из фляги перед тем, как двинуться вверх по трубе. Преодолев всего несколько метров, он остановился и выругался. Десять футов вертикального ствола, соединявшего шахту с мусоропроводом, были совершенно гладкими. Поручни здесь кончались.

И тут Риккер отбросил всякую осторожность. Отпив из фляги, он пропустил ее лямку через один из поручней, зацепил руку за петлю, чтобы не соскользнуть по трубе вниз, устроился поудобнее и тут же провалился в крепкий сон.

Когда он проснулся, было темно, настолько темно, насколько может быть темно на планете, находящейся в системе двойной звезды. Ему потребовалась лишь пара минут, чтобы оценить ситуацию и принять решение о дальнейших действиях. Он не мог влезть вверх по вертикальному стволу. Стены были абсолютно гладкими, что исключало всякую возможность зацепиться за них, а конец трубы располагался слишком высоко, чтобы можно было допрыгнуть до него. Надо попытаться перебросить веревку через конец трубы, надеясь, что она зацепится за что-нибудь, и после подтянуться вверх. Это единственный шанс выбраться отсюда. Риккер отпил из фляги и потом снял защитный костюм.

Раздевшись, он в полной мере осознал, как же жарко на этой планете. Пока Риккер привязывал одну из штанин костюма к лямке фляги, он вспотел так, что пот лился с него градом. В узком стволе мусоропровода жара была удушающей, и даже небольшие усилия вызывали головокружение.

Риккер крепко держал в одной руке защитный костюм, пока другой раскручивал флягу над головой, словно лассо, перед тем как запустить ее к концу трубы. Он услышал, как фляга ударилась, издав глухой звук, и потянул ее на себя. Она тут же за что-то зацепилась, затем освободилась и застряла вновь. На этот раз она удержалась.

Перехватывая руками защитный костюм, Риккер двинулся вверх по стене ствола. Его ноги пылали от жара, излучаемого металлическими стенами. Достигнув верха, он повис на двух руках и, подтянувшись, вывалился из трубы. Его измученные легкие жадно глотали воздух. Он освободил флягу, запутавшуюся в металлической конструкции, и с наслаждением допил ее серебристое содержимое.

Спустя несколько минут силы стали возвращаться, и Риккер, втащив наверх защитный костюм, снова оделся.

Внутри рудообогатительной станции сохранилось много различных вещей, оставленных несколько лет тому назад, когда переставшая приносить прибыль шахта закрылась. Все оборудование, либо слишком громоздкое, либо слишком морально устаревшее, просто бросили здесь, решив не тратить денег на его перевозку. Альянс, завершив свою деятельность в каком-либо секторе, имел обыкновение оставлять там различные технологические установки, аккуратно упакованные и готовые к использованию. На тот случай, если он вернется в этот район снова.

Обследовав рудообогатительную станцию, Риккер быстро нашел жилые помещения. Шкафы по большей части были пусты. Порывшись, Риккер обнаружил припрятанные эротические журналы, несколько носков, и бейсбольную кепку. В одном из шкафчиков нашлось полотенце, а в другом — спортивный костюм примерно его размера.

Неподалеку от жилых комнат располагалась душевая. Риккер в порядке эксперимента открыл кран и радостно рассмеялся, когда чистая светло-голубая жидкость с приятным шелестом брызнула на кафельный пол. На одной из раковин лежал кусок мыла, и следующие пятнадцать минут Риккер с наслаждением плескался под душем.

Пожалуй, последний раз перед этим он мылся несколько недель, а может, и месяцев тому назад. Защитный костюм поддерживал тело в чистоте, освежая и дезодорируя его, но по каким-то непонятным причинам Риккер ощущал себя чистым только после настоящего душа. Он подставил голову прямо под распылитель, смывая пену с волос, и мыльная вода заструилась по спине и ногам. Перед тем как выключить воду, он несколько мгновений постоял под обжигающе-горячими струями, потом под ледяными и только потом перекрыл кран и растерся найденным полотенцем.

Вернувшись в комнату со шкафчиками, Риккер натянул костюм и босиком вышел в коридор. Он знал, что здесь вряд ли сохранилась замороженная пища, но надеялся найти случайно оставленные сухие пайки, не прельстившие отъезжающих шахтеров.

И Риккер нашел маленькие пакетики с резервными пайками в одном из кухонных шкафчиков из нержавеющей стали. В каждом пакете содержался брикет размером с сэндвич из более или менее съедобного вещества, содержащего все компоненты, необходимые для поддержания жизни. Риккер закрыл глаза и принялся поглощать серо-зеленую массу, думая о настоящем бифштексе в тщетной надежде обмануть свой вкус. Это было так глупо...

Проглотив обед за несколько мгновений, Риккер отправился в компьютерный зал, чтобы посмотреть, сможет ли он восстановить записи в центральном банке данных.

Обычно Альянс не оставлял в компьютерной памяти информацию, имеющую хоть какую-нибудь ценность. Бегло просмотрев меню, Риккер убедился, что большинство файлов стерто, остались лишь программы поддержки основных режимов функционирования рудообогатительной станции, карта всего рудодобывающего комплекса и копия Полной Энциклопедии Технологий Хандимана.

Он лукаво улыбнулся. Все, что ему требовалось, находилось в этих «бесполезных» информационных файлах.

Его пальцы отбарабанили первую команду, и кобальтовый лазер нарисовал в воздухе карту окрестностей. Строения были разбросаны по площади не более дюжины квадратных миль, причем рудообогатительная станция отстояла достаточно далеко от центрального административного комплекса. Риккер нажал клавишу, и рудообогатительная станция замерцала тускло-розовым цветом. Еще несколько команд, и Риккеру стало известно, что ближайшие строения расположены примерно в двух милях отсюда. Оставался главный вопрос: где может находиться Мелтон со своими парнями.

Риккер ввел следующую команду: «Выдать статус всех систем жизнеобеспечения».

Одна за другой станции на карте начали подсвечиваться, сначала темно-розовым, затем их цвет изменялся до слабо-желтого — у всех, за исключением двух. Рудообогатительная станция и крыло управляющих в центральном административном комплексе пульсировали на голограмме темно-розовым цветом. Риккер широко улыбнулся. Теперь он знал, где они. И самое приятное, они думали, что знают, где он.

Риккер оторвал взгляд от терминала и уставился в потолок. Прошло несколько долгих минут, прежде чем он решил, что делать дальше. Нахмутив брови, он опять вернулся к компьютеру. Оглавление Полной Энциклопедии Хандимана лениво мерцало в воздухе. Риккер останавливал его несколько раз, до тех пор, пока не нашел интересующую тему.

Читая и перечитывая информацию, Риккер решил, что это, может быть, и грубо, но, несомненно, эффективно. Настоящий вопрос заключался в следующем: сможет ли он сделать огнестрельное оружие из того, что имеется под рукой.

Компьютер быстро составил список всех материалов, находящихся на станции, и сопоставил его со списком, приведенным в Энциклопедии. Проверив оборудование, компьютер подтвердил, что все необходимые для изготовления оружия машины на рудообогатительной станции имеются. Теперь перед Риккером стояла задача выбора

взрывчатого вещества.

В большинстве своем пулеметательное оружие использует принцип мгновенного роста давления. Проект Риккера был основан на применении пороха, воспламеняемого посредством искрообразующего заряда при резком и сильном ударе. Риккер набрал формулу черного пороха и запросил компьютер о местонахождении материалов с аналогичными характеристиками. Компьютер немедленно выдал лист с более чем шестьюстами веществами и ссылки на имеющиеся в наличии на станции. Из этого списка Риккер без труда выбрал наиболее подходящий состав.

Захватив дистанционный пульт управления, Риккер отправился в машинную мастерскую. Здесь он ввел требования к материалу в лазерный токарный станок доисторической наружности, набрал нужные команды, включил станок и ушел на поиски материалов для взрывчатой смеси.

На шахте применялось несколько различных методов добычи руды, и в соответствии с данными компьютера все реагенты хранились в бункере, расположенном в нескольких сотнях футов от станции. Риккер поспешил вниз, в коридор, ведущий к шлюзу. У двери он нажал кнопку автоматической переходной камеры. Ничего не произошло. Он нажал зеленую клавишу еще раз, опять — ничего. Сообразив, что имеющейся энергии недостаточно для этой операции, Риккер открутил ручную зажим, герметично закрывающий двери шлюза, и надавив плечом, медленно открыл дверь.

Температура снаружи была, как в печи, и Риккер в первый момент даже отпрянул. Прикрыв глаза от слепящего света двойной звезды, висевшей над головой, он смог разглядеть бункер, слабо мерцавший в потоках раскаленного воздуха, струящихся над серым безжизненным песком.

Босиком, обжигая ноги об острые серые песчинки, Риккер рванулся в прохладную тень у входа в бункер. Повозившись с запорными рычагами, он открыл бункер и по холодным металлическим ступенькам спустился в главное хранилище.

Неяркие бактерицидные лампы заливали все помещение мягким зеленоватым мерцанием, и глазам Риккера потребовалось несколько минут, чтобы привыкнуть к резкому переходу от ослепительного солнечного сияния. Адаптировавшись, он потратил еще несколько минут на поиски сепаратора с Кодексом — 3. Захватив небольшую коробочку вещества, Риккер вернулся обратно на станцию.

К тому времени лазерный станок в мастерской уже завершил работу над корпусом оружия: детали лежали в приемном лотке. Теперь Риккер мог собрать их в одно целое. Прихватив лоток, Риккер отправился в компьютерный центр, решив не рисковать и собрать оружие точно по инструкции.

Поминутно сверяясь с чертежами на дисплее, Риккер принялся за работу. Энциклопедия Хандимана детально описывала историю огнестрельного оружия, и Риккер то и дело чертыхался, изучая аккуратные сборочные чертежи.

Конечно, то, что делал он, было некоторой модификацией оригинального проекта: патроны Риккера имели электронный взрыватель, а ударный пистон представлял собой маленький кусочек детонатора; и накладки на рукоять были не деревянными, а из резиноподобного полимера. Впрочем, Риккер, старался, насколько это было возможным, придерживаться исходного проекта.

Закончив, он взвесил в руке собранное оружие. Вес был распределен правильно, пистолет казался естественным продолжением его руки. Отлично сбалансированное оружие напоминало Риккеру любимый меч, хотя и являлось оружием следующего поколения. Он знал, что выбрал единственно верный вариант из многих тысяч, приведенных в Энциклопедии. Даже название оружия соответствовало: флотский револьвер Кольта; он использовался в битвах совсем других флотов, сотни лет тому назад бороздивших моря старушки Земли.

Машинально Риккер крутанул пистолет вокруг указательного пальца правой руки и взвел ударник в боевую позицию большим пальцем. Рассмеявшись, он положил свою пушку

и снова вернулся к компьютеру.

Осталось сделать пули. В соответствии с Хандиманом флотский револьвер Кольта образца 1851 года стрелял пулями из свинца сферической или конической формы. А свинец фактически вышел из применения к концу двадцать первого века. Риккер внимательно просмотрел компьютерный список инвентаря, но ни на рудообогатительной станции, ни в близлежащих хранилищах не нашлось ничего подходящего. Он указал основные параметры вещества, необходимые для изготовления пуль, и компьютер выдал короткий перечень элементов и сплавов, которыми можно заменить требуемый свинец. Компьютер этим не ограничился и поведал Риккеру, где можно найти указанные элементы и какие из вышеперечисленных предметов могут иметься на станции.

Риккер просмотрел список и отметил, что ни одной вещи из списка на станции нет. Ничего, если не считать пункта 22: защитный костюм, модель G — 14, выпущена Альянсом, приоритет 87. Защитный костюм Риккера. Этот костюм, давно уже ставший второй кожей, работал от электрических токов, присущих человеческому телу. Для максимально эффективного улавливания этих токов и преобразования их в энергию, питающую системы жизнеобеспечения, весь костюм был пронизан тончайшими проволочками из высокопробного золота, не толще человеческого волоса. Они образовывали сетку с шагом в одну десятую миллиметра. Из этой сетки можно было отлить четыре, пять, а может быть, и шесть пуль. Вся проблема состояла в том, что без сетки костюм не будет работать. А без защитного костюма Риккер сможет прожить не более двух часов на поверхности планеты.

Риккер вернулся в жилую часть станции, где он оставил свой поврежденный защитный костюм. Вздыхнув, он отнес его в мастерскую. Здесь Риккер засунул костюм в тигель, который тут же поместил в небольшую солнечную печь. Спустя пять минут на дне тигеля осталась лишь лужица расплавленного золота.

С помощью крошечной ложки Риккер зачерпнул небольшую порцию золота. Затем, взгромоздившись на стол, он вылил расплав в ведро с ледяной водой, стоявшее на полу. При соприкосновении с водой золото мгновенно застыло, образовав небольшой шарик. Риккер сделал несколько неудачных попыток, прежде чем научился рассчитывать необходимое количество золота, но уже через два часа у него имелось пять золотых пуль, а оставшегося количества должно было хватить еще на одну. Орудия молотком, он расплющил последний кусочек золота в тонкий лист, в который завернул шар из Кодекса — 3.

Следуя инструкциям компьютера, Риккер скрутил большую часть Кодекса — 3 в виде тонкой веревки, толщина которой как раз позволяла ей плотно войти в камеры барабана флотского кольца. Помещая золотые шарики на вершину каждой камеры барабана и надавливая на них загрузочным рычагом, он вгонял пули на свои места. От каждого шарика, с силой загоняемого в камеру барабана, отрезалось маленькое золотое колечко и падало на стол, за которым работал Риккер. Последний снаряд — кусочек Кодекса — 3, обернутый золотым листом, своего рода смертоносная конфета — Риккер вогнал вручную, надавив большим пальцем.

В шкафу Риккер обнаружил две пары забытых носков и, захватив их с собой, направился в душ. Там, стоя под прохладными струями, он еще раз обдумал свои шансы остаться в живых после того, как преодолеет три километра, отделяющие его от Мелтона и компании. Мокрая одежда, вероятнее всего, высохнет в первые же двадцать минут. Потягивая воду из фляги, он, возможно, протянет еще минут пятнадцать, прежде чем жара и палящие солнечные лучи доберутся до него. Преодолевая себя, он, может быть, протянет еще десять минут. Но это все. Он должен пройти три километра за сорок пять минут и сохранить хорошую форму, чтобы расправиться с Мелтоном. Это невозможно. Итак, остается план Б.

Согласно карте, между рудообогатительной станцией и административным комплексом находился сарай. Риккер решил сначала отнести туда воду в ведрах. Одно ведро он обнаружил в душе, другое нашлось в шкафу. Двух ведер с водой должно хватить, чтобы повторно смочить одежду и продолжить путь к убежищу Мелтона. Разбрызгивая воду, Риккер прошел через несколько помещений и, захватив по пути желтую бейсбольную кепку,

вышел наружу.

Сухой знойный воздух ворвался в легкие Риккера, едва он переступил порог, заставив его ноги слегка подогнуться под весом двадцати литров медленно испаряющейся жидкости. Спустя сорок минут, когда Риккер добрался до сарая, вся одежда высохла. Несмотря на то, что во фляге еще оставалось достаточно жидкости, он, подавляя тошноту, шагнул за дверь и лицом к лицу столкнулся с одним из бандитов Мелтона. К счастью, это был человек.

Реакция у бандита оказалась хорошей, но не лучше, чем у Риккера. Риккер с силой стукнул противника флягой по голове, увернувшись от скользящего удара в скулу. Человек боком повалился на песок. Раздался отвратительный хруст. Прежде чем враг смог подняться, Риккер оседлал его и навалился на сломанную руку, она хрустнула еще раз, и противник, зайдясь в крике, обмяк, прекратив сопротивление.

Риккер слегка ослабил хватку, но враг, внезапно изогнувшись, выхватил нож из голенища ботинка и бешено полоснул им Риккера, отпрянувшего назад. Кончик лезвия скользнул по ноге, от бедра до колена. Риккер поймал запястье противника и, вывернув руку с ножом, резко выбросил вверх колено. Все еще удерживая запястье, он завернул кисть врага и вонзил нож ему в грудь. Бандит рухнул на песок.

От напряжения у Риккера перехватило дыхание. Минут двадцать он приходил в себя, лежа на полу и судорожно глотая воздух. В конце концов он смог сесть и оценить ситуацию. Большая лужа крови свидетельствовала со всей однозначностью, что враг мертв. Наклонившись и вытащив нож из его груди, Риккер попытался снять защитный костюм врага. В системе произошло короткое замыкание, труп несколько раз судорожно дернулся, и Риккер уловил неприятный запах паленых волос.

Стерев кровь с лезвия ножа и оглядевшись, Риккер понял: путь назад, к рудообогатительной станции, для него теперь отрезан. В схватке с головорезом Мелтона он разлил всю свою воду, а проделать обратный путь в сухой одежде было невозможно. Скафандр мертвеца безнадежно поврежден, даже если бы и удалось освободить его от слегка поджаренного прежнего владельца. Риккер обратил внимание на ботинки убитого, но, с первого взгляда ему стало ясно — они слишком малы. Он медленно встал и направился в дальнюю часть сарая, ощущая приятную тяжесть кольта на поясе.

Риккер прошел уже половину пути, направляясь к задней стене небольшого сооружения, когда неожиданный звук, раздавшийся снаружи, заставил его замереть. Это были шаги. Кто-то шел по песку, приближаясь к двери. Упав на четвереньки, Риккер занял оборонительную позицию. Он мог бы убить первых двух вошедших. Он решил, что убьет их с помощью ножа, сохранив шесть выстрелов для тех, кто останется снаружи.

Дверь медленно качнулась внутрь — Риккер присел, готовясь к прыжку, держа нож наготове. Едва дверь полностью распахнулась, как Риккер метнулся из своего укрытия, и тотчас был сбит с ног и отброшен в сторону онгером. Шестиногая скотина невозмутимо проследовала мимо Риккера и направилась прямоком в угол сарая к автоматической поилке. Уткнувшись в нее носом, она пила несколько минут. Удовлетворив жажду, онгер важно развернулся, явно собираясь покинуть сарай, но Риккер захлопнул дверь.

Он смотрел на животное несколько минут, прежде чем понял, что не может ехать верхом. Он ведь понятия не имеет, как стронуть с места, остановить или повернуть эту тварь. А прошлый опыт уже научил его, что верховую езду трудно назвать чересчур комфортабельной. Риккер открыл дверь и выпустил животное.

Вернувшись назад в угол сарая, он снял штаны и, опустив в поилку, тщательно намочил их. Но только он собрался облачиться в мокрые штаны, как рядом с сараем раздался гул скутера. Через мгновение дверь распахнулась.

Так и не натянув штаны, Риккер замер. Он не стал тратить время на ближний бой. Прежде чем глаза вошедшего привыкли к полумраку, царящему внутри сарая, Риккер пригнулся к полу, вскинул кольт, взвел курок и выстрелил. Золотой шарик весом в 110 гран вылетел из нарезного ствола и со скоростью, большей, чем скорость звука, угодил в лоб замершего в дверях человека. Шарик пробил голову насквозь и, выйдя из макушки, снес

кусок черепа размером с небольшой апельсин. На мгновение в сарае повисла тишина. Потом человек очень медленно, с застывшим на лице выражением удивления опустился на землю.

Риккер поднялся, глянул на мертвеца, потом на свое оружие. В кольте было что-то такое, что делало убийство каким-то более реальным и осязаемым, чем при использовании современного оружия. Во-первых, выстрел был очень громким. Он словно возвещал о надвигающейся смерти, в то время как другие орудия лишь тихо шептали о ней. Пистолет ударял в вашу ладонь — отдача давала ощущение, являющееся слабым отголоском того, что должен был испытать перед смертью ваш враг. И, наконец, в воздухе после выстрела повисал дымок сгоревшего пороха, призрачный запах которого еще долго напоминал победителю, что однажды тот может оказаться побежденным. Риккеру очень нравился его кольт.

Он не успел пройти и половины расстояния, отделявшего его от скутера, как почувствовал, что палящие лучи двойного светила обжигают ноги. И только тут Риккер заметил, что он все еще без штанов. Вернувшись в сарай, он натянул пропитанные водой штаны, даже не взглянув на защитный костюм убитого. На скутере Риккер мог добраться до укрытия Мелтона меньше чем за десять минут. Забравшись в скутер, Риккер надвинул бейсбольную кепку на глаза и включил двигатель на полную мощность.

Хвост из поднятого песка тянулся далеко за скутером, меняя свой цвет от блистающего серебра до темного олова по мере того, как песчинки медленно опускались на землю. Горячий воздух жег глаза, и, когда Риккер наконец добрался до административного комплекса, его одежда была совершенно сухой.

Риккер оставил скутер на стоянке в тени здания и быстро двинулся, вдоль стены к входу. Внутри было прохладно. Система жизнеобеспечения, работавшая на солнечной энергии, обеспечивала Мелтону максимальный комфорт. В отличие от других сооружений рудного комплекса пол в этом здании был из полированного камня, зеркально-гладкий и скользкий. Риккер стянул носки и ощутил под ногами гладкий камень, который приятно охлаждал обожженные подошвы.

Комнату за комнатой Риккер обходил административный комплекс, пока наконец не оказался возле комнаты отдыха. Прямо за ней находилась кухня. Осторожно заглянув через двойную акриловую дверь, он увидел Мелтона, сидящего в яйцеобразном кресле. Это было одно из тех специальных кресел, которые позволяли вам получать максимальное удовольствие от прослушивания музыки, не досаждая окружающим. Музыка звучала только для вас, любой другой человек, оказавшийся в комнате, не услышал бы ни звука. Как и лежавший поблизости портфель и самоочищающиеся ботинки, это кресло было одним из видимых признаков успеха в Альянсе.

Риккер осторожно отступил и направился в нижний коридор, решив, что быстрее всего он сможет добраться до Мелтона через столовую. Повернув направо, он оказался в служебном коридоре, ведущем к черному входу на кухню. Дверь открывалась наружу и со стороны Риккера была абсолютно гладкой — никаких ручек. Ему пришлось вставить кончик ножа в щель между дверью и косяком, чтобы приоткрыть ее. Затем, ухватив дверь пальцами, он медленно отворил ее. Блестящие металлические раковины и шкафы многократно отражали тусклое зеленоватое мерцание обеззараживающих ламп, наполняя всю кухню сверхъестественным сиянием.

Встав на четвереньки, Риккер пополз к дальнему выходу. Он осторожно пересекал кухню, когда у него возникло некое смутное ощущение, что в этом помещении есть что-то странное. Что-то, предупреждавшее об опасности, витало в воздухе и пыталось достичь сознания... запах! Риккер не был уверен до конца, когда обнаружил это, но запах, несомненно, присутствовал, более того, он усиливался с каждым шагом. Этот запах он запомнил навсегда — он принадлежал талмуду.

Риккер вжался в пол, прежде чем талмуд успел выстрелить. Разряд, выпущенный из игольчатого ружья, угодил в шкаф, всего на несколько дюймов выше головы Риккера. Риккер тяжело перекатился влево, затаившись между двумя раздаточными тележками.

Талмуд выстрелил еще раз, и ближайшая к Риккеру тележка подпрыгнула и откатилась на несколько дюймов.

Вжимаясь в пол, Риккер пополз под длинным рядом разделочных столов, надеясь схватить талмуда за ноги, когда он пройдет мимо. В конце ряда Риккер остановился и залег прямо напротив двери, ведущей в морозильную камеру. Медленно повернувшись спиной к двери, он встал. Талмуд замер спиной к Риккеру не более чем в тридцати футах от него, приподняв свою игольную пушку. Риккер отчетливо видел крошечный красный индикатор, мерцавший на оружии, который показывал, что оно полностью заряжено и готово к бою. Риккер потянулся к своему кольцу, висевшему на поясе. Его там не было!

Все еще не осознавая, что Риккер находится позади него, талмуд осторожно развернулся, держа оружие наготове. Риккер инстинктивно бросился вперед. Метнувшись над разделочными столами, он врезался в чужака. Они рухнули на пол. Густой золотистый туман выделений талмуда завис в воздухе перед тем, как тяжелым дождем обрушиться на противников. Риккер ухватился за ружье, но, вымазанное в жирной потовой смазке талмуда, оно выскользнуло из его рук и покатилося по полу.

Талмуд быстро пришел в себя и несколько раз ударил кулаком по ребрам Риккера. Риккеру показалось, что одно ребро треснуло; преодолевая боль, он изогнулся и врезал талмуду в висок. Центральная нервная система талмуда в экстремальных ситуациях посылала сигналы к тонким выделительным волоскам на его голове, и каждый волосок выделял густую золотистую слизь, которая, распределяясь по всему телу, создавая скользкое защитное покрытие. Кулак Риккера скользнул по виску, не причинив талмуду значительного вреда.

Риккер попробовал поднять руки, чтобы выдавить талмуду глаза, но талмуд словно тисками сжал ему руку. И тогда Риккер ударил врага головой между глаз, хватка талмуда мгновенно ослабла. Собрав все силы, Риккер уперся ногой в стенку шкафа и, оттолкнувшись, сумел вырваться.

Талмуд вскочил на ноги почти так же быстро, как и Риккер, но снова был отброшен вниз на пол точным ударом в подбородок. Воспользовавшись представившимся шансом, Риккер рывком распахнул дверь в морозильник и ринулся внутрь, талмуд последовал за ним. Морозильник имел внушительные размеры — почти 20 на 30 футов, в нем находилось несколько ящиков с онгерами, дожидавшимися того дня, когда они будут востребованы возвратившимися на планету шахтерами Альянса. Голые ступни Риккера прилипали к холодному металлическому полу, а изо рта валил густой пар, мгновенно превращавшийся в изморозь. Расположенные по периметру под потолком изогнутые неоновые трубки отбрасывали голубоватый неверный свет. Влажные от пота волосы Риккера тут же покрылись инеем. Талмуду потребовалось чуть больше времени, чем Риккеру, чтобы привыкнуть к тусклому освещению, но это никак не отразилось на его боевом духе. Дрожа и тяжело дыша, чужак осторожно двигался от одного ящика к другому.

Риккер с трудом удерживал стоны, готовые вырваться из его груди при каждом шаге: ноги примерзали к полу. Прихрамывая, Риккер переходил от коробки к коробке, стараясь держаться между талмудом и дверью холодильника. Ежась от сильного холода, он содрал задубевшую рубашку и скрутил из нее некое подобие веревки, с рукавами по краям. Скрестив манжеты, он сделал простой узел с большой петлей — удавку для талмуда. За те несколько секунд, пока он, остановившись, занимался удавкой, его стопы вновь примерзли к полу. Раскачиваясь взад-вперед и напрягая всю свою волю, чтобы сдержать крик боли, Риккер отодрал ноги от пола, оставив два темных пятна крови и примерзшей кожи. Из глаз текли слезы, мгновенно застывая на щеках.

Но холод действовал и на талмуда. Все его тело было покрыто сверкающим инеем. Выделения талмуда в холоде сначала загустевали, словно сироп, а затем замерзали на поверхности. Талмуд издавал треск при каждом движении: корка на его теле разрушалась и тут же замерзала опять. Талмуд остановился недалеко от Риккера, спиной к нему. Он поворачивал голову в разные стороны, прислушиваясь к звуку, который издавал Риккер,

покачиваясь на ногах, чтобы предотвратить их повторное примерзание к полу. Длинная шея наклонялась направо и налево, маленькие кусочки замерзших выделений бесшумно падали на пол, словно янтарные снежинки.

Риккер кулаком с силой ударил врага по пояснице. Колени у талмуда подогнулись, и Риккер, воспользовавшись моментом, в одно мгновение набросил удавку на шею чужака. Он затыгивал рукава рубашки изо всех сил. Талмуд потянулся назад и ухватился обеими руками за штаны Риккера. Чешуйчатые лапы впились в ткань и дернули Риккера к себе.

Ни за что на свете не желая отпустить рукава рубашки, Риккер извернулся и, когда они упали, умудрился оказаться сверху на талмуде, лежащем лицом вниз к полу холодильника. С усилием Риккер подтащил талмуда к куче коробок, стоявших возле двери морозильника и, вскарабкавшись наверх, потянул его за собой. Он перебросил рукав рубашки через охладительную трубку под низким потолком и крепко привязал его.

Дважды чужак пытался вырваться, его руки оттягивали ткань, врезающуюся в горло, и оба раза Риккер с силой бил кулаком в извивающееся тело. Наконец Риккер, оттолкнув груды ящиков, оставил талмуда болтаться на рукаве, словно кусок мяса, в морозильнике.

Когда Риккер вышел наружу, его ноги пульсировали от боли — почти вся кожа с подошв осталась на полу морозильной камеры. Присев на пол, прямо напротив двери морозильника, он распорол штанины своих брюк и обернул их вокруг ступней, соорудив подобие мокасин. Риккер нашел колыт на полу рядом с дверью, ведущей в комнату отдыха. Каждый шаг был мучительной агонией, но теперь с кольцом в руке Риккер чувствовал себя намного увереннее.

Мелтон по-прежнему сидел в своем яйце спиной к двери из столовой, поэтому не заметил вошедшего Риккера. Он слушал дуэт с цветами из «Лакме» Делиба на полную мощность. Яйцо посылало музыкальные альфа-волны в сенсорные центры Мелтона с такой мощностью, что тот не осознавал, что Риккер стоит перед ним, до тех пор, пока не почувствовал холодное прикосновение дула кольца к своему лбу. Когда его глаза наконец сфокусировались на прищельце, Риккер выключил музыку.

Медленная улыбка появилась на лице Мелтона, но его глаза за линзами очков продолжали оставаться абсолютно безразличными. Риккер отступил на два шага назад.

— Вылезай из яйца, Мелтон. Медленно. Очень медленно.

Мелтон слегка пожал плечами и медленно встал.

— Так, теперь ложись на стол и открой свой портфель.

Мелтон подошел к столу и повернул голову к Риккеру.

— Ты хочешь стать очень богатым? Богаче, чем администратор пятого уровня? — Мелтон стоял, скрестив руки на груди. Глядя на Риккера, он ждал ответа.

— Забудь об этом, ублюдок. Давай сюда портфель. — Риккер двинулся по направлению к столу, выставив вперед свой колыт.

— Я так понимаю, что твой ответ — нет? — Мелтон казался ошеломленным. — Очень плохо, значит, тебе придется умереть.

Риккер как раз советовал Мелтону заткнуться, когда ни с чем не сравнимый запах ударил ему в ноздри. Талмуд был уже в центре комнаты, когда Риккер открыл огонь. Он взял слишком высокий прицел, и первая пуля попала в плечо чужака. Талмуд пошатнулся. Вторая пуля, пройдя в нескольких дюймах от его головы, угодила в стену. Риккер взвел курок и выстрелил в третий раз. Этот выстрел пробил желудок талмуда, остановив его на несколько мгновений, в течение которых Риккер успел выстрелить еще раз в грудь врага. По инерции пробежав несколько шагов, талмуд замертво рухнул у кровоточащих ног Риккера.

Пока Мелтон поворачивался к столу и доставал винтовку из портфеля, Риккер успел развернуться, прицелиться и послать свою последнюю пулю.

Ударник затвора ударил в дно цилиндра и замкнул электрическую цепь, которая взорвала последний заряд в кольце. Электрический разряд придавал дополнительное ускорение золотой фольге, обернутой вокруг шарика взрывчатки. Со скоростью 650 футов в секунду кусочек взрывчатки преодолел расстояние, разделявшее двух мужчин, за доли секунды. Звук

взрыва, разнесшего голову Мелтона, почти слился со звуком выстрела.

Позже, после того как он избавился от тел Мелтона и талмуда, отправив их в дезинтегратор, находившийся в кухне, Риккер долго нежился под душем. После душа Риккер решил просмотреть содержимое портфеля Мелтона. Он бегло пролистал документы. Две вещи были вполне очевидны: во-первых, Мелтон ожидал корабль из Синдиката, который должен был забрать его, во-вторых, никто в Синдикате никогда не видел Мелтона.

Он допил напиток Мелтона и затем облачился в его защитный костюм. Кое-как натянул самоочищающиеся ботинки на израненные ноги. И наконец, перед тем как погрузиться в ожидание вражеского шаттла, бросил в портфель флотский кольт.

Интерлюдия. СЕМЕЙНЫЙ БИЗНЕС

Культура Альянса основана на разнообразных древних традициях человечества. Развитие не прерывалось, потому что общественные потрясения обошли Альянс стороной, и после крушения Империи сохранилась преемственность человеческой культуры. Культурный коллапс в скоплении Синдиката оказался куда более глубоким, и многие основные социальные институты были безвозвратно утрачены; к тому же борьба семейств с военной верхушкой провоцировала постоянное недовольство и тем единственным институтом, который сумел выжить после катастрофы — армией. В итоге в общественном устройстве Синдиката проявились лишь те элементы традиционного уклада, которые сохранились в памяти народа: семья и бизнес. Общественное положение граждан Синдиката определялось по занимаемому месту в семье и деловой жизни. Структура общества непрерывно усложнялась, и вскоре оказалось, что вся деловая жизнь контролируется членами невероятно разросшегося семейного клана. Главой такого Семейства являлся Отец; члены семьи — даже женщины — носили титулы либо Сыновей, либо Наследников. Любое управление сводилось к менеджменту — так, армейские офицеры назывались Военными Менеджерами, космонавты носили звания вице-президентов по вооружению, транспорту и так далее, или же были помощниками менеджеров, вице-президентами ассоциаций или региональными менеджерами. Прорабы примерно соответствовали по званию нашим сержантам. В Синдикате не было дипломатов и послов, но зато имелись менеджеры по связи и взаимоотношениям.

На это накладывалась сложная система семейно-родственных отношений, которая отражала не только факт рождения гражданина в данной семье и в данном качестве, но и его непосредственную значимость для всей семьи. Двоюродный Кузен, вообще с трудом воспринимавшийся всеми как член Семейства, благодаря своим способностям мог со временем стать Сыном и даже Наследником Отцовства — точно так же имело место и обратное; но во всех случаях не принадлежащий к Семейству гражданин не имел никаких шансов стать хотя бы простым Кузеном.

Подобное общественное устройство привело к тому, что жизнь во всей полноте стала восприниматься как часть главного дела всей семьи — семейного бизнеса. Ценность каждого человека определялась тем, насколько он способствовал росту благосостояния всей семьи. Военная служба была не только очень дорогостоящей необходимостью, но и источником доходов. Каждая операция оценивалась не только по тому, насколько удалось решить чисто военные задачи, но и тем, оправдывался ли риск полученной выгодой — не только военной, но и финансовой.

Билл Фосетт. ДАЖЕ БЕЗ КРАСКИ

Эта небольшая зеленая планета, расположенная в четырех световых годах от Цели, носила кодовое обозначение «Коричневая». Теперь уже никто не мог сказать с уверенностью, было ли связано это название с цветом ее неглубоких и грязноватых морей, или еще с чем-то. Планета была очень милой, с приятным мягким климатом и

дружелюбными аборигенами. Если бы не два обстоятельства, эта планета ни для кого не представляла бы особого интереса — а тем более для полного адмирала Флота. Первым обстоятельством являлся Город Радости — ремонтно-восстановительная станция второго класса, вокруг которой сами собой выросли многие сотни «мест отдыха». В основном их сооружали бизнесмены, работавшие в шоу-индустрии и нанимавшие для работы в них девушек и юношей на любой вкус. Изредка однообразие увеселительных заведений нарушали неоновые огни притонов для запрещенных азартных игр, на которые здесь смотрели сквозь пальцы. Как только Флот Адмирала Дуэйна заканчивал очередные учения и на поверхность Коричневой опускались набитые космонавтами и десантниками транспортные корабли, жизнь в притонах начинала бурлить, и буквально за одну ночь приобретались и терялись целые состояния.

Когда Эйб Мейер впервые увидел другую достопримечательность этой планеты, то остолбенел от удивления. Если где-то в Африке, если верить знаменитому Киплингу, существовали целые кладбища слонов, то увиденное здесь вполне можно было назвать техническим эквивалентом такого кладбища. По всей долине, в которую они вошли, на многие мили вокруг лежали корпуса сотен и сотен космических аппаратов халиан. Некоторые производили впечатление готовых хоть сейчас взмыть ввысь, у других отсутствовали целые куски корпуса, но все они были повреждены — в той или иной степени. Вся сцена безмолвно свидетельствовала об исключительной эффективности оружия Флота.

Ауро Ле-Барик внимательно наблюдал за реакцией старшего начальника, когда офицер-порученец лейтенант Бромли приступил к пояснениям. Он ничем не мог ему помочь, но обратил внимание, что даже в своем новом мундире Мейер по-прежнему казался каким-то взъерошенным.

— Адмирал, — начал лейтенант, страшно довольный тем, что полностью завладел вниманием единственного Адмирала в радиусе четырех световых лет, — мы даже не предполагали, что Синдикат использовал эту планету как место складирования поврежденных аппаратов, которые халиане не могли восстановить своими силами.

Он ненадолго замолчал, и Мейер еще раз обвел взглядом долину. Неожиданно возникшая перед ними панорама представляла весьма впечатляющее зрелище. На этом кладбище кораблей имелись образцы всех без исключения судов, использовавшихся халианами, а также несколько захваченных ими кораблей Альянса. Вокруг росла совершенно неуместная здесь высокая желтая «трава», пробиваясь сквозь развалины некогда грозных машин. Через корпуса кораблей, попавших сюда первыми, уже проросли молодые деревца, и теперь ветви высывались из разбитых люков и пробоин все еще блестящих металлических скорлупок. Отойдя немного в сторону, Ауро обратил внимание на десятки небольших силуэтов, сновавших среди обломков. Их гид вновь пустился в сбивчивые объяснения, как будто боялся забыть заученное наизусть. Вероятно, эти места не так уж часто удостаивали своим вниманием настоящий Адмирал и прославленный герой, и теперь лейтенант из кожи вон лез, чтобы произвести на почетных гостей наилучшее впечатление.

— Разведка считает, что противник боялся оставлять поврежденные корабли на. Цели или на Халии, где какие-нибудь особо одаренные хорь... э-э-э, халиане могли разобраться в конструкции и принципах работы кораблей. По-видимому, они обучили несколько тысяч жителей этой планеты демонтажу, а возможно и ремонту каких-то компонентов оборудования, но вряд ли успели что-нибудь сделать до эвакуации.

— А я считал, что местные жители не знали техники, — прервал его Ауро, не в силах противиться искушению испытать порученца на прочность. Кроме того он был старше по чину, хоть и на десяток лет моложе. И вдобавок лейтенант, казалось, совершенно не замечал его присутствия.

Бромли был очень огорчен тем, что его хорошо продуманная и тщательно отрепетированная речь в присутствии Адмирала была кем-то бесцеремонно прервана. Ауро не было еще и двадцати, и на вид он выглядел несколько не старше своего возраста, однако на его плечах уже красовались капитанские погоны — запоздалое признание того факта, что

именно он был старшим помощником Мейера во время их вмешательства в сражение у Цели год назад.

Заметив присутствие на груди юнца двух огромных металлических шутоквин, свидетельствовавших о проявленном им в бою героизме, лейтенант решил проявить благоразумие и адресовал ответ обоим посетителям.

— Местные эльфы — мы называем аборигенов «эльфами» — очень неплохо разбираются в технике. Они уже имели представление об электричестве и даже об атомном строении вещества еще до того, как были завоеваны халианами, — пояснил он. — А недостаток теоретической подготовки вполне компенсируется легкостью обучения.

— А почему я не заметил с орбиты ни одного города? — поинтересовался, чуть повысив тон, такой же новоиспеченный адмирал Абрахам Мейер, давая понять, что ждет продолжения лекции. Он также заметил, что их гид игнорировал молодого капитана, и теперь с удовлетворением отметил его смущение и неловкость. Эйбу был симпатичен этот парнишка, попавший к нему избалованным кадетом почти восемнадцать месяцев назад, и он искренне переживал за него. Как адмиралу, ему не пристало находиться во время посадки в рубке управления — тем более во время посадки столь стремительной. Единственной помехой на пути к курорту были спутники Коричневой. Каждый из них имел не более двадцати миль в поперечнике, но количество их было просто огромным. Несколько тысяч небесных тел двигались по непостоянным орбитам вокруг планеты, окружая ее тонким, но очень опасным для кораблей поясом. На многих из них были установлены маяки, но опасность была по-прежнему велика.

— Их и в самом деле нет, — ответил Бромли, довольный тем, что ему не придется возражать адмиралу. — На поверхности нет никаких сооружений; эльфы живут под землей, и там их постройки тянутся на многие мили. Никто не знает в точности, где они расположены и насколько их много. У аборигенов отсутствуют какие-либо общественные институты, а лидеры появляются только на тот период, пока требуется выполнить какую-либо работу — социологи совсем запутались, пытаясь выделить их среди прочих особей. Но безделушки они любят и за какой-нибудь ваучер готовы работать для вас или ответят на ваши вопросы.

Невдалеке показалась группка аборигенов, тащивших кусок обшивки аппарата — Майер понял, что ему предстояло стать крышей какого-нибудь борделя. Но это было бы еще ничего — здесь валялось столько ненужного металлолома, что из него можно было бы выстроить не один бордель, а целый город Бордо. Он отправился сюда, чтобы оценить, может ли Флот извлечь из всего этого хлама какую-нибудь пользу; здесь наверняка валялось множество вполне пригодного оборудования — может быть, даже вполне работоспособные двигатели и блоки питания. Очевидно, что это кладбище кораблей могло оказать неоценимую помощь Флоту. План, по которому куперовские подпространственные двигатели или защитные модули могли обойтись Флоту всего в несколько ваучеров, показался адмиралу исключительно привлекательным. Беспощадные урезатели бюджета в Порту смогли бы наконец вздохнуть спокойно.

— Эй, вы! — окликнул лейтенант мгновенно замерших на месте аборигенов. Те осторожно положили свою добычу на землю и направились к офицерам.

— Чем могу служить? — спросил один из них на чистейшем стандартном, когда вся группка подошла поближе — акцента почти не чувствовалось. На Ауро он произвел самое хорошее впечатление.

— Они обучаются очень быстро, в основном запоминают все наизусть, — объяснил Бромли, заметив удивленное выражение на лицах гостей. — Для изучения языка лучше способа и не придумаешь. Только не заставляйте их спрягать глаголы. Я уже говорил, что в теории они слабы, но зато отлично выполняют прямые приказы. Социологи утверждают, что они могут легко адаптироваться к новым несложным формам поведения, но управляются инстинктом в гораздо большей степени, чем большинство других рас. Не могут анализировать свои поступки, посмотреть на ситуацию со стороны. Им потребуются еще

многие тысячи лет, чтобы понять, откуда здесь вдруг очутилось все это.

Почему аборигенов называли эльфами, становилось ясно с первого взгляда. Они были невысокими — гораздо ниже Ауро, имели большие ушки с торчащими вверх кончиками, зеленоватую кожу и мясистые отростки на лицах, напоминавшие усы и бороду. Огромные золотистые глаза с кошачьим разрезом, но расположенным горизонтально, только усиливали сходство со сказочным героем. Одежда на большинстве из них была сделана из ткани, подозрительно напоминавшей материал для военной формы.

Прежде чем посетители успели вымолвить хоть слово, коммуникатор в стоявшем невдалеке гравикаре издал три пронзительных звонка. Ауро и Эйб сразу узнали этот сигнал: он означал, что сейчас будет передано важное сообщение. Удивленный лейтенант Бромли заспешил к машине. После короткой беседы, которую ни адмирал, ни Ле-Барик не слышали, он обернулся к ним.

— Мне приказано немедленно отвезти вас назад в командный центр, — быстро проговорил он и прыгнул в кресло, даже не закончив фразы.

Опускаясь на свое место, Ауро обратил внимание на то, что лицо лейтенанта стало бледным, как бумага, и только высокий чин удержал его от расспросов во время короткого полета к металлическому куполообразному сооружению, служившему командным центром — единственному месту на планете, служившему не для отдыха или разврата.

На обратном пути они пролетели прямо над долиной, и Ауро ничем не мог объяснить самому себе то восхищение, с которым Мейер глядел на груды обычного металла, проплывавшие под ними. Молодой капитан попытался расслабиться, подражая своему старшему начальнику, твердо веря в то, что Эйб ничуть не взволнован — такого просто не могло быть! Разве может произойти что-то серьезное на планете, которая отведена для отдыха личного состава?

На противоположном конце кладбища есть еще одна долина с большим мелководным озером, где на берегу и находится официальный комплекс отдыха. Домики мягких пастельных цветов удивительно гармонировали с мирным живописным ландшафтом. Строительство комплекса закончилось всего лишь несколько дней назад, и Мейеру предстояло присутствовать на торжественном открытии. Блестящие спортивные снаряды маняще поблескивали на ярком солнце, серебряные ведерца в полудюжине баров уже наполнены льдом, ожидая начала шумного праздника. Десятки строителей, вынужденных с окончанием строительства отправиться на свои опасные и тяжелые рабочие места в космосе, бродили между зданий, наводя последний лоск перед торжественным событием.

Возле комплекса виднелся знакомый купол стандартного командного центра; на расположенном рядом с ним космопорте кипела жизнь. На железобетонной стартовой площадке стояли десятки небольших аппаратов, постоянно кто-нибудь взлетал или садился. Бурная жизнь местного космопорта сильно удивила Ауро при первой посадке, но когда он выбрался из адмиральского катера, то обнаружил, что это яхты местных предпринимателей. Все они были не вооружены и не могли двигаться в гиперпространственном режиме, а большинство вряд ли смогло бы добраться даже до стационарной орбиты. Некоторые имели мощные двигатели и явно предназначались для участия в спортивных гонках. Эти аппараты были завезены сюда в трюмах огромных транспортных кораблей вместе с другими крайне необходимыми для отдыха личного состава Флота продуктами — алкоголем и игровыми автоматами. Несколько яхт с кричаще-пестрой раскраской предназначались, по мысли Ауро, для любителей проводить отпуск в невесомости.

Его фантазии о любовных утехах в отсутствии силы тяжести рассыпались при взгляде на командира строительного подразделения, приближавшегося к их гравикару. Лицо этого человека еще час назад сияло радостной улыбкой; теперь оно было искажено гримасой и казалось землисто-серым. Он сломя голову неся им навстречу через парковочную площадку и чуть не врезался в медленно опускавшийся автомобиль. Не позаботившись даже о том, чтобы отдать честь адмиралу, он с ходу объяснил причину внезапной суматохи — с Цели только что прибыла информационная торпеда. В ней сообщалось, что неподалеку

обнаружена группировка кораблей Синдиката численностью до тридцати единиц. Почти все корабли Флота находились на учениях, и оставшиеся едва смогли отбить атаку, а когда корабли Синдиката развернулись и стали уходить, то пустились в погоню. Во время этого преследования обнаружилось, что часть вражеских кораблей отошла от основной группировки и направилась к Коричневой.

Нетрудно было догадаться, что Синдикат твердо решил исправить свой просчет и лишить противника доставшейся ему вместе с планетой столь богатой добычи. Командовавший Флотом адмирал Нортин имел слишком мало сил, чтобы отправить сюда часть своих кораблей. Для него главной задачей было защитить жизненно важный для Флота космопорт на Цели. Он смог отправить Дуэину информационную торпеду, но реальную помощь они могли получить не ранее, чем через неделю.

Итак, через пару дней здесь должны были объявиться от восьми до десяти кораблей Синдиката. Приказав Эйбу Мейеру, как старшему по званию, организовать оборону планеты, Нортин в заключение пожелал им удачи.

Часом позже адмирал Абрахам Мейер, следуя давней и освященной временем традиции, собрал штабное совещание. Он не собирался отдать просто так, без борьбы, столь богатый трофей. Но уже в первые минуты совещания, оценив обстановку, он был уже почти готов разделить паническое настроение офицера-строителя.

Их положение нельзя было назвать даже безнадежным. Они находились за многие парсеки от любой надежды. Все имевшееся на планете оружие состояло из семи лазерных ружей и четырех дисковых автоматов местных полицейских. Даже если бы все инженеры работали бы эти два дня не покладая рук, то в лучшем случае смогли бы собрать пять-шесть лазерных пушек — на любом корабле Синдиката их гораздо больше. К тому же пушки эти не смогут изменить позицию и после первого же залпа будут немедленно уничтожены ракетами противника и лучами лазерных орудий.

Они не смогли бы даже нанести противнику сколь-нибудь серьезный урон. Его кораблям достаточно было бы занять Позиции на стационарной орбите, а затем методично расстрелять все кладбище кораблей — защитные экраны не позволят уничтожить любой снаряд, даже если обороняющиеся и смогут за оставшиеся пару суток привести хоть что-то в боеготовый вид. В то же время на поверхности планеты включить защитный экран невозможно — он является побочным эффектом работы гиперпространственного куперовского двигателя, а любая попытка включить такой двигатель хотя бы в нескольких километрах от сравнительно небольшого астероида, не говоря уж о планете, неизбежно закончилась бы чудовищной силы взрывом, и на месте семимильной долины образовалась бы воронка глубиной в несколько сотен метров.

Мейер, не согласный в душе со столь пессимистичными выводами, поинтересовался, имеется ли какое-нибудь оружие у аборигенов, но в ответ раздался только невеселый хохот, немало сконфузивший его поначалу. Доктор Слип Нейбергер, руководитель социологической экспедиции, объяснил ему причину такой реакции.

— Местные жители в некотором смысле исключительно разумны, — произнес он лекторским тоном. — Они способны выполнять приказы и гибко реагировать на меняющиеся условия. Какие-то события в прошлом подстегнули развитие их интеллекта, однако мы до сих пор не нашли никаких следов ни одного живого хищника. Проблема в том, что эльфы не имеют представления о вооруженном противоборстве как таковом, они по природе не склонны к соперничеству. В их языке нет слов не только для понятий «война» и «убийство» — но даже для «согласия» и «не-согласия», а самый близкий аналог глагола «бороться» дословно означает «спасаться бегством».

— Планета сплошных проклятых пацифистов, — добавил один из строителей, — и тысячи их превратятся в обугленные головешки, когда синдикатчики начнут огнем выжигать эту долину.

Поняв, что ему предстоит защищать безоружными руками планету, населенную пацифистами, да еще и без всякой надежды на помощь со стороны, Эйб Мейер почувствовал

себя несколько неуютно.

— А как дела с краской? — поинтересовался он у старшего по званию инженера — скорее чтобы напомнить самому себе, что безвыходных положений не бывает, чем в надежде услышать что-нибудь важное.

— Последняя израсходована вчера на орбитальные флайеры, — последовал ответ. — Заявок поступило на несколько сотен галлонов больше — в основном на серую и стандартную голубую.

Итак, даже краски не осталось. Ле-Барик, услышав об этом, пришел даже в большее уныние, чем адмирал. Мейер прикинул в уме, действительно ли ситуация настолько безнадежна, как кажется. Складывалось впечатление, что им остается одно — попытаться укрыться под землей, бросив трофейные аппараты на верную гибель. Вариант капитуляции можно было даже не рассматривать — вряд ли корабли Синдиката рискнут совершить посадку только для того, чтобы захватить несколько пленных. Возможно, ему остается лишь приказать эвакуировать всех мирных граждан на удаленный континент и молиться, чтобы сканеры кораблей противника захватили в прицел не все новенькие постройки. Если так, то им предстояло два мучительно долгих дня, а затем — очень короткое сражение. С заранее известным исходом.

Совещание закончилось адресованным ко всем присутствовавшим пустым пожеланием поразмышлять над возможными решениями задачи. Эйбу показалось, что большая часть отправилась к себе собирать вещи и ждать, когда он отдаст приказ об эвакуации.

А еще через два часа залитый потом адмирал возился в искореженных остатках того, что еще не так давно было легким халианским истребителем. Переднюю треть его поразил удар лазерной пушки дредноута — ракеты были менее точны, и после их прямого попадания от корабля оставалось обычно лишь облако пыли.

Это был уже пятый корабль, в котором успел побывать Эйб. Ощущение жесточайшего цейтнота только придало ему силы. И с каждым новым кораблем решимость Эйба защитить драгоценные трофеи все возрастала. Однако сделать это было просто невозможно.

Снаружи его терпеливо поджидал у гравикара смущенный Ауро. Однажды ему уже довелось видеть чудо, сотворенное его командиром, и теперь он в душе надеялся стать свидетелем еще одного. Пока Мейер прерывистым голосом сообщал о своих находках, Ауро тайне ожидал от шефа объяснения, почему они присутствуют здесь. Как и в трех предыдущих, и в пятом корабле либо двигатель, либо генераторы защитных экранов оказались в рабочем состоянии. Становилось ясно, что Синдикат и в самом деле планировал в ближайшее время заняться ремонтом этих кораблей. Однако сами корпуса кораблей оказались сильно поврежденными, и местные инженеры просто не успели бы собрать из них хотя бы один боеспособный корабль — даже если бы знали, как. А даже если бы это и удалось, у них все равно не было подготовленных экипажей, способных противостоять эскадре Синдиката.

Над их головами с гулом пронесся один из гражданских кораблей. По-видимому, по планете уже поползли слухи, и вскоре всевозможные яхты должны были заполнить все небо. Вслед за первым свечой ввысь на огромной скорости устремился еще один, и можно было легко различить на слух пронзительный звон его двигателя. Тыловик до мозга костей, Мейер досадливо поморщился. Такой маневр вел к бессмысленному расходу топлива, так как до появления противника оставалось еще тридцать шесть часов. Наблюдая, как корабль сначала превратился в точку, а затем исчез в ярко-зеленом небе, Мейер понял, что пилот аппарата задумал скрыться среди многочисленных лун Коричневой. Ну что же, действительно неплохой план — если ему удастся скрыться до прибытия подкрепления. Ни один из кораблей Синдиката к спутникам и близко не подойдет, так как высокая плотность мелких каменных фрагментов не позволит им включить защитные экраны и лишит нападающих возможности маневра.

Несколькими мгновениями позднее Ауро с удивлением заметил, как на лице Мейера появилась довольная улыбка. Ему уже довелось видеть ее однажды.

Как и следовало ожидать, приказ Мейера о конфискации частных яхт был встречен гражданским населением с шумным неодобрением — лишь немногие поверили его заверениям, что затем они будут возвращены в целостности и сохранности, но некоторым потребовалось увидеть направленный на них единственный лазер адмиральского катера, прежде чем «добровольно» передать свои корабли на нужды Флота. Если только его план сработает и ему удастся выжить, начнется страшная кутерьма с требованиями выплатить компенсацию; но если замысел провалится, надежды выжить во время бомбардировки не будет практически никакой.

Как и большинство его идей, родившаяся на этот раз была настолько сумасшедшей, что адмирал избегал делиться ей даже с Ле-Бариком. Отдельные детали задуманного Эйбом плана уже осуществлялись полным ходом. Аборигены, которым один раз показали, что надо делать, начали заполнять космодром двигателями халианских кораблей и защитными модулями, среди которых оказалось на удивление много совершенно невредимых. Их сразу же устанавливали в конфискованные яхты и вместе с инженером отправляли в космос. Когда яхты достигли намеченных районов, главная часть плана Мейера была полностью выполнена. Эйб не говорил никому и был уверен, что никто сам не догадался об этом — даже если они и проиграют, им по крайней мере удастся надежно спрятать от противника множество драгоценных двигателей. Когда Ауро сообщил, что приборы катера зарегистрировали выход из подпространства в нескольких миллионах километров от Коричневой девяти вражеских кораблей, последняя группа инженеров уже благополучно возвратилась обратно.

После долгих часов томительно ожидания в катере Ауро был почти рад увидеть приближающегося противника. Он подождал еще несколько минут, а затем широко открыл неуклюжий дроссель и пошел прямо на них. Он явственно представил себе лицо командира вражеской эскадры, когда тот увидел несущийся на них одинокий корабль. Наверняка он решил, что им управляет сумасшедший. Из крошечной лазерной пушки при помощи компьютера управления огнем он открыл огонь еще до того, как приблизился на достаточное расстояние. Попал он в кого-нибудь или нет, большого значения не имело.

Несколько мгновений молодой капитан надеялся, что на приманку поддается вся флотилия, однако ее командир оказался либо очень осторожным, либо дальновидным. От строя отделились два легких корабля, которые понеслись навстречу катеру. Сделав резкий маневр, Ауро ушел от преследователей и скрылся среди обломков лунного пояса. Скрытые на всех крупных обломках маяки позволяли ему маневрировать в этом хаосе гораздо более уверенно, чем преследователям. Ауро сбросил скорость и стал ждать.

Когда первый истребитель достаточно сблизился со скалистым обломком в полсотни метров в поперечнике, уже три корабля обращались в четверти пути вокруг планеты. Защитное поле истребителя вступило во взаимодействие со спрятанным на нем защитным модулем, включенным поступившим с катера сигналом. Вся соль заключалась в том, что оба модуля были изготовлены в Синдикате и работали на одной и той же частоте. Даже Ауро не ожидал такого результата. Истребитель и каменная глыба исчезли в ослепительной вспышке, затмившей его экраны на несколько секунд.

Второй корабль, вероятно также поврежденный при взрыве, наугад выпустил несколько лазерных лучей примерно в направлении Ауро и прекратил преследование. Ле-Барик не взял на себя труд отстреливаться и позволил себе расслабиться только после того, как прошел лунный пояс и скрылся в атмосфере планеты.

В командном центре он очутился двумя часами позже, когда командир вражеской флотилии решил пожертвовать еще одним кораблем, который попытался в одиночку преодолеть опасный пояс, отделявший его от планеты. Он прошел почти половину пути, прежде чем его экран вступил во взаимодействие с экраном, установленным на астероиде примерно такого же, как и корабль, размера. Здесь же находилось очень плотное облако мелких каменных обломков, так что установить, в какую именно ловушку угодила второй корабль, было уже невозможно. Ночное небо Коричневой осветила еще одна вспышка.

Прошел почти день томительного ожидания; командир вражеской эскадры не решался предпринять ничего нового, и Ауро уже почти поверил в то, что им удастся выйти победителями, Мейер же казался более озабоченным, чем обычно. Он смог урвать для сна всего несколько часов, а все остальное время безвылазно провел у главной консоли. Самый молодой капитан на Флоте окончательно утратил всякую надежду, когда противник принялся методично уничтожать спутники планеты один за другим.

Командира вражеской эскадры испугать было трудно, и он сделал то же, что на его месте предпринял бы и сам Ауро. Если спутники представляли собой серьезную проблему, нужно было просто от них избавиться. Потребовалось некоторое время, чтобы определить траектории всех обломков и проделать в поясе брешь, по которой можно было бы добраться до цели. Для такой масштабной операции потребовалось огромное количество ракет — необычно огромное, но вполне допустимое. А с низкой орбиты кладбище кораблей можно было выжечь лазерами самое большее за час.

Когда первые корабли Синдиката стали опускаться в искусственную брешь, на создание которой потребовалось три часа, Мейер запустил четыре ближайшие шлюпки, уцелевшие при торпедной атаке Синдиката. Их автопилоты и система защиты от столкновений были переделаны, и теперь все четыре устремились к приближающемуся кораблю Синдиката. Существовала опасность, что противник сможет кодированным сигналом перепрограммировать компьютеры и послать им сигнал «свой», но если это и было сделано, то слишком поздно. Только два из них были уничтожены системами противоракетной обороны, а третий не смог запустить свой защитный модуль и прошел всего в нескольких метрах от вовремя отошедшего в сторону истребителя, не причинив ему никакого вреда; однако противоторпедного маневра оказалось достаточно, чтобы четвертая шлюпка оказалась достаточно близко от противника, когда совершенно неожиданно включился его подпространственный двигатель, и на рассветном небе Коричневой вспыхнула еще одна яркая звезда.

Прошел час, затем целые сутки. Семь оставшихся кораблей Синдиката недвижно висели в пространстве в нескольких десятках планетных диаметров над Коричневой. До прихода помощи оставалось еще суток трое, не больше. Кто знает, может, им все-таки удастся дождаться ее, подумал Ауро, обнаружив, что теплый ветерок и мягкий свет местного светила придали ему оптимизма. Он уже почти было поверил, что Мейер и на этот раз сможет спасти их в совершенно безнадежной ситуации, но в этот момент из командного центра донесся вопль дежурного. Ауро и Эйб Мейер бросились внутрь.

Вся флотилия Синдиката плотным строем медленно снижалась — только внимательно просмотрев данные, Ауро понял причину этого странного маневра. Хотя они и уничтожили много новых спутников, обращавшихся в опасном промежутке, противник наконец-то осознал, что причина гибели кораблей — не прямые столкновения, а работа защитных экранов. Единственный шанс планеты на спасение заключался в том, чтобы заставить бороться с противником его же собственные подпространственные двигатели и щиты, так что на этот раз они решили попросту выключить их.

Семь оставшихся кораблей осторожно прокладывали себе путь среди каменных глыб лунного пояса. Теперь они стали намного более уязвимыми, однако проделанный ранее коридор оставался еще сравнительно безопасным. Любые яхты были бы моментально уничтожены системами противоракетной обороны — так же как и случайно оказавшиеся на пути осколки разрушенных лун.

Теперь остановить их было просто невозможно, и Ауро в отчаянии отвернулся от монитора. Ему подумалось, что со стороны картина будет выглядеть куда более впечатляющей, однако вовремя вспомнил, что он не кто-нибудь, а капитан Флота, и усилием воли заставил себя вновь повернуться к командной консоли. Он с медицинской точностью определил их скорость — через одиннадцать минут корабли Синдиката должны были миновать лунный пояс, а самое большее минут через двадцать начнется бомбардировка. Твердо решив сражаться до последнего и не желая бесславно сгореть внутри командного

центра при взрыве плазменной торпеды или от лазерного луча, Ауро приготовился попросить у адмирала дозволения пойти на его катере в последний бой.

А еще шестью минутами позднее Мейер ответил отказом на его просьбу. Охваченный безрассудной решимостью, он, тем не менее, с удивлением отметил, что его шеф по-прежнему спокоен, а с лица не сходит кривая ухмылка; он что-то неразборчиво бормотал себе под нос, время от времени поглядывая на хронометр.

Когда корабли Синдиката достигли середины лунного пояса, установленные на четырех ближайших крупных лунах пары шлюпок с подпространственными двигателями на борту получили кодированный сигнал из командного центра. У каждого из них энергзапаса хватило бы только на то, чтобы на несколько секунд создать вокруг куперовское поле, но двигатели находились всего в нескольких десятках сантиметров друг от друга.

Мощнейшие взрывы произошли одновременно сравнительно недалеко от эскадры, но расстояние, тем не менее, было слишком велико, чтобы причинить им серьезные повреждения. Мгновенно включились сигналы тревоги, предупреждавшие о приближении огромного количества осколков взорвавшихся лун, но было уже поздно.

То, что четверем из них все-таки удалось уйти и прыгнуть в подпространство несколькими часами позднее, свидетельствовало об исключительной прочности построенных Синдикатом кораблей. Через несколько месяцев из разведсводки Мейер узнал, что каменные осколки превратили их в решето, и значительная часть экипажей кораблей погибла. Из сорока косанцев, находившихся на борту, ни один не перенес внезапной разгерметизации. Командующий эскадрой, бесславно потерявший свои корабли в борьбе с безоружным противником, только одним способом мог спасти свою честь.

А в командном центре ликовал победитель. Несмотря на дикую усталость, он милостиво принимал поздравления, словно какой-нибудь король.

— На этот раз мне удалось обойтись даже без краски, — то и дело радостно бормотал он. Это замечание озадачило многих, но услышавший его Ауро залился в неудержимом приступе хохота.

Когда эскадра Флота наконец-то прибыла к планете, обнаружилось, что адмирал Мейер смог улучшить свой прошлый рекорд, когда ему удалось уничтожить тридцать семь вражеских кораблей при помощи двадцати четырех почти невооруженных грузовиков; теперь он расправился с тремя истребителями и тремя легкими крейсерами, имея в своем распоряжении лишь один адмиральский катер и невооруженные прогулочные яхты. По всей видимости, теперь Эйб стал величайшим Асом на Флоте. И адмирала, и Ауро ожидали галактические награды и места в Сенате. Еще несколько дней назад возмущенные произволом местные жители теперь из кожи вон лезли, чтобы хоть как-то выразить свою признательность. Ауро неожиданно для себя обнаружил, что стал почетным гостем в двух десятках борделей и казино, и везде его обслуживали совершенно бесплатно! Их владельцам неожиданная атака Синдикатов принесла немалые барыши — менее чем через сутки на планету прибыла целая эскадра.

Сразу после того, как ошарашенный командир прибывшей на помощь флотилии отправил начальству подробный доклад о происшедшем на Коричневой, адмирал Мейер отдал капитану Ле-Барику свой первый прямой приказ с того времени, как они прибыли на эту планету.

— Давай-ка перекрась город в красное, — сказал адмирал с улыбкой.

Ауро уже обратил внимание, что мягкие пастельные тона для вечерней жизни города совершенно не подходили.

И был абсолютно прав.

Интерлюдия. ДВИЖУЩАЯ СИЛА

Кузен Аркхам из семейства Роджеров начинал всерьез терять контроль над собой. Уже которую неделю он приставал к Джо Ронике, военачальнику Объединенного Флота

Синдиката, с требованием немедленно приступить к активным действиям. Ему было очевидно, что адмирал Дуэйн еще не готов принять вызов, хотя агентурная разведка и утверждала, что Флот Альянса значительно продвинулся в определении местоположения планет Синдиката. Медлить нельзя было ни секунды. Требовалось перенести войну на территорию Альянса, пока противник не начал атаку первым.

— Мы уже почти готовы действовать, — снова заверил седовласый военачальник представителя семейства Роджеров. Его лицо излучало спокойную уверенность — вполне возможно, однако, подумал Аркхам, что это всего лишь усталость. Он и сам давно утверждал то же самое. — Теперь мы ждем, когда к нам присоединятся еще несколько кораблей, а также подтверждения того, что адмирал Дуэйн не готов к бою. — Роника, не желая рисковать самой крупнейшей в истории Синдиката флотилией, повторил старые аргументы в пользу бездействия и пассивного ожидания.

Аркхам сделал глоток холодной воды, что было равносильно удару кулаком по столу и гневному возгласу. Половина боевых кораблей уже присоединилась к группировке. Пираты заняли позиции у границы скопления. Нельзя надеяться выиграть войну, совершенно ничего не предпринимая. Неужели главный стратег Синдиката не понимает такой очевидной истины?

Старик был одержим либеральной идеей компромисса. Ни одно семейство Синдиката не жаждало передать свои корабли под командование представителя соперничающих кланов. Роника имел репутацию независимого человека — настолько независимого, что это даже тревожило представителей его собственного семейства. Его решение вызвало настоящий переполох среди родственников. А теперь их расстраивал и сам Аркхам Роджер.

— Мы можем отправить зонды-разведчики в халианскую систему, — предложил представитель семейства Флейш, сидевший на несколько кресел ниже по рангу. Флейши были всегда готовы громогласно сообщить свое частное мнение — кстати или некстати. Когда война завершится, они либо превратятся в доминирующий клан, либо угаснут окончательно — Аркхам не мог даже сообразить, какой вариант более предпочтителен.

Роника выглядел потерянным и несчастным. Во всех своих действиях он был связан по рукам и ногам. И даже больше — ведь военачальник располагался лишь на седьмом месте от главы стола. Возможно, ему придется согласиться. И тогда весь груз возможных ошибок ляжет на плечи семейства Флейш, а его собственный авторитет ничуть не пострадает.

— Этот план требует абсолютной внезапности, — заметил представитель другого семейства, прежде чем Роника успел высказаться.

«Проклятие!» — выругался про себя Роника. Это был представитель его собственного семейства... Разумеется, он встрял из самых лучших побуждений. Теперь Роника вынужден отвергнуть предложение Флейша, дабы не вступать в перепалку со своим собственным кузеном. Он выдержал паузу, чтобы усилить весомость аргументов, но тут некстати появился офицер-связист. Все в полном молчании наблюдали, как он положил перед Роникой лист бумаги. Офицер не являлся даже кузеном главы семейства, и разговаривать на совещании ему было категорически запрещено, так что, избавившись от бумаги, он поспешно удалился.

В данный момент Флот Синдиката болтался в обычном пространстве у самой границы звездного скопления, в котором находились планеты Синдиката. В сравнении с гиперсветовыми скоростями его нынешнюю скорость можно было вообще не принимать в расчет. Затерявшись в безбрежной пустоте космоса, корабли Синдиката могли не опасаться, что их обнаружит противник. Но сейчас один из халианских крейсеров, сохранивший лояльность Синдикату, вынырнул из гиперпространства, отчаянно моля о помощи. Его преследовал корабль Флота, обладавший просто волшебными качествами. Невежественные варвары!

Отвернувшись от стола, Роника отдал несколько коротких приказов, и с десятков легких кораблей бросились наперехват противнику, намереваясь уничтожить его до того, как он бесследно растворится в гиперпространстве с информацией о местонахождении Флота Синдиката.

Потом Роника протянул руку под стол и включил командирскую голограмму. Если кораблю Флота каким-то чудом удастся уйти, выбора у них не будет. Не останется ничего иного, кроме как ринуться первыми в бой, не мешкая ни секунды.

Аркхам взглянул на экран; сотни датчиков, непрерывно следивших за разведчиком, уже определили тип корабля: это было транспортное судно усиленного класса. Сидя слева от военачальника, представитель семейства Роджеров наблюдал, как среди множества белых точек мерцает одна зеленая. Он с удивлением спрашивал себя: на что рассчитывают эти безумцы, решившиеся на столь отчаянный шаг.

Диана Дуэйн, Питер Морвуд. ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛЕТ

Исчезающие вдаль вспышки зажали цель в середине быстро сужающегося отрезка, и в одно мгновение она превратилась в ослепительную звезду, блеск которой затмил собой древние космические светила. Но вскоре новорожденная звезда начала меркнуть, и через непродолжительное время космос вновь погрузился во тьму.

— Поразительно, — задумчиво произнес Рой. — У такой неказистой посуды, даже хорьки бы на нее не позарились, такая огневая мощь! — Старший капитан Флота Рой Малин и разумный корабль Минерва были хорошо осведомлены обо всех видах смертоносных и разрушительных систем, какие только могла предоставить в распоряжение человека современная техника. А только что испытанная могла по праву считаться одной из лучших.

— Большое спасибо. Лично я полагаю, что прежний «Олимпус» был ничуть не хуже. — Минерва умудрилась в одной короткой фразе передать скуку, гнев и безысходность одновременно. Если учесть, что с момента старта в распоряжении Минервы имелись почти три недели, в течение которых она могла усовершенствовать тональность своего голоса, у Роя не было никаких оснований полагать, что в дальнейшем интонации его напарницы хоть как-то изменятся. По крайней мере в лучшую сторону.

Разумный корабль обычно не превышал по размерам корвета класса «Джуно» — в предыдущей своей инкарнации Минерва являлась дальним истребителем класса «Олимпус». Однако на этот раз какой-то умник в штабе Флота решил поэкспериментировать с управляющими возможностями контрольного ядра разумного корабля. За переделкой дело не стало. Минерву и ее «мускула» вызвали на Орбитальную Базу Два-Двенадцать для обыкновенного инструктажа и текущего ремонта. Но вместо этого мозг Минервы бесцеремонно извлекли из оболочки корабля, как из треснувшего ореха, и вмонтировали в новенький корабль класса «Валгалла», который после легкого «Олимпуса» и Минерве, и Рою казался сущими веригами.

— Хоть бы предупредили, — проворчала она, наверное, уже в тысячный раз.

— Мне сдается, что ты давно уже должна привыкнуть к этому, — успокоительно произнес Рой и вывел информацию по последним шести испытаниям, словно они служили веским подтверждением его точки зрения. Минерва просканировала данные и издала звук, весьма напоминавший хрюканье. Увиденное ничуть не потрясло ее. Рой не мог упрекнуть Минерву в этом — несмотря на красующиеся на его воротничке новенькие знаки различия, для него было делом чести получить что-то помимо сухих цифр в их первом пробном полете, хотя в этом проклятом круизе вся работа сводилась к нудной бумажной волоките.

Даже контрольная стрельба навевала на него скуку. Кто-то решил, что до завершения полномасштабных полетных испытаний новых снарядов корабли класса «Валгалла» не могут принимать участие в реальных боевых действиях. Очевидно, пожелавший остаться неизвестным теоретик решил, что новое судно не выдержит проверки боем. И это несмотря на то, что «Валгалла» была метров на триста длиннее огромных кораблей класса «Айова», построенных на Старой Земле, и оснащена новым защитным покрытием «Альфа» — самовосстанавливающимся материалом, состоящим из сверхдлинных молекул. Явные сомнения конструкторов «Валгаллы» в прочности этого вещества росту энтузиазма не способствовали.

— А кроме того, у этого летающего дерьма эффективное сечение, как у небольшой планеты.

Минерва произнесла это в те несколько секунд, в течение которых переключались ее сенсорные датчики, и вполне могла произнести это вновь еще не раз. Они с Роем договорились удалить из контрольных записей ядовитые реплики, на которые Минерва не скупилась, но это была нелегкая задача. Кроме того, впоследствии они могли стать аргументом в споре между показаниями бездушных приборов и выстраданным мнением живых, умудренных опытом испытателей.

Именно из-за своего опыта они с Минервой и заслужили сомнительную честь выполнить это в принципе нетрудное задание: они были одной из самых результативных и самой слаженной командой во всем Флоте. И у них же был самый высокий боевой счет.

Вот почему сейчас они находились здесь, на расположенном в глубоком космосе полигоне, вдаль от любого района боевых действий в этом секторе галактической спирали. Никому неохота рисковать собой ради голой информации. Ни славы, ни почета.

— Хочешь услышать что-нибудь по-настоящему радостное? — осведомился Рой.

— Ну, удиви меня, если сможешь, — пессимистично откликнулась Минерва.

— Я знаю, что собранная нами информация будет использована при создании нового поколения разумных кораблей, но вряд ли мы с тобой хоть в малейшей степени заинтересованы в этом. — Минерва издала странный вопросительный звук, заставивший Роя поежиться. — Дело в том, что после этого полета мы скорее всего уже никогда не вернемся в строй — наверняка они направят нас в одну из академий на педагогическую работу...

— ЧТО??? Рой, признайся, что ты пошутил. — Он почувствовал, как в мгновение ока все объективы Минервы уставились прямо ему в лицо. Их диафрагмы полностью раскрылись — Минерва наблюдала за человеком во всех доступных ей диапазонах излучения, в том числе и в инфракрасном, пытаясь определить, не шутит ли он.

— Сколько раз во время последней переделки они пытались добраться до твоих баз данных?

— Три, может, четыре. Я некоторое время была без сознания, так что не могу говорить с уверенностью... — Великолепно поставленный голос Минервы утонул в потрескивающих шумах статики: она явно сделала из его слов правильные выводы. — И они не смогли использовать их?

— Не смогли. Ничего, кроме самих фактов и их Хронологии. То же самое и со мной. Как бы долго они со мной ни возились, я просто не в состоянии рационально объяснить, почему мы использовали в данной ситуации именно этот маневр и это оружие, а не что-нибудь иное. Я уже десятки раз объяснял им, что нужно сначала оказаться в реальном бою — только тогда появится правильное шестое чувство. А его в память чипа сбросить нельзя. В итоге, — мрачно закончил он, — сдается, что нам с тобой предстоит поработать учителями.

— Рой, но они же не могут превратить меня в чертов наземный тренажер!

— Как и меня поставить перед ним, дорогая леди. — На лице Роя появилась ленивая улыбка, которая давно стала его визитной карточкой. Увидев однажды эту улыбку, забыть ее было уже невозможно. В сообществе «мускулов», куда нет доступа посторонним, Рой был известен не менее чем Ястребиный Коготь среди зрителей омнивидео. Впрочем, они и впрямь были очень похожи, если не считать того, что Рою постоянно приходилось сталкиваться с самой настоящей, а не условной опасностью.

— Вы не ошибаетесь, капитан? — поинтересовалась Минерва столь осторожно, что не понять ее было невозможно. Рой пораился полному отсутствию живых ноток в ее голосе и вспомнил, что так она разговаривала с ним лишь несколько раз — еще до того, как они образовали единый экипаж. Этот голос означал, что любое его действие будет полностью поддержано Минервой, но и он, в свою очередь, обязан поддерживать ее в той же степени.

— Нет, ну что ты, XR — 14376, — произнес Рой столь же официально. — Ничего подобного. Сейчас мы слишком заняты. — Естественное продолжение «но вот немного позднее...» было совершенно излишним — они оба слышали эти слова столь же явственно,

как если бы они были произнесены вслух.

ТВИИИП!

Рой слегка дернулся; возможно, то же самое сделала и Минерва в глубине своего бронированного ядра. И хотя внезапно раздавшийся звук был не чем иным, как сигналом панели связи, они оба потрясенно молчали несколько секунд — любые контакты с внешним миром сейчас были совершенно нежелательны.

— На экранах ничего нет, — сообщила Минерва мгновением позднее. — Мы совершенно одни, вплоть до предельного радиуса.

Система связи провела скоростной анализ полученных сигналов и вывела результаты на основной экран. Рой мельком глянул на него, затем взглянул повнимательнее и беззвучно выругался. Война с халианами близилась к завершению, однако память о ней была еще столь жива, что по его телу прошла легкая дрожь.

— У кого-то проблемы, — тихо сказал он. — И, похоже, серьезные.

— Обработка и расшифровка включены, — быстро проговорила Минерва, — идет отслеживание источника сигналов. — Она помолчала, потом опять подала голос. — Ты не знаешь, имеет контр-адмирал Агато какое-нибудь отношение к нашему полету?

Рой непонимающе уставился в объективы Минервы.

— Никогда не думал об этом, — сказал он наконец. Теперь, когда он внимательнее изучил полученный сигнал, он казался ему даже более непонятным. — Судя по всему, корабль-база Флота подвергся нападению... — он многозначительно откашлялся, но не смог устранить из голоса интонаций легкого недоверия, — ...подвергся нападению халианского рейдера. Что за чушь? Я думал, они уже перешли на нашу сторону. Ты как считаешь — это очередной тренировочный тест?

— Я никогда ни в чем не уверена, если в этом хоть как-то замешан адмирал Агато.

Сколько они знали адмирала Юлиуса Агато, он поддерживал связь с Флотской разведкой и в то же время занимался проектно-исследовательскими разработками в области новых систем вооружения. Получалась интересная комбинация, где предикат «интересная» имел то же значение, что и в старом китайском ругательстве. Агато великолепно подходил для своей должности, как бы она официально ни именовалась, поскольку его ум, без сомнения острый и на редкость изобретательный, не имел себе равных. Это было бы вполне в его духе: объявить тревогу по всему галактическому сектору только лишь Для того, чтобы проверить команду нового разумного корабля.

Теперь проблема заключалась в том, чтобы правильно отреагировать на случившееся. Чем вообще мог быть этот сигнал: проверкой готовности, и они немедленно должны бросить свои дела и сломя голову броситься на зов о помощи? Или руководство намеревалось проверить, насколько хорошо — или, наоборот, плохо — они углубились в выполнение своего испытательного задания, чтобы не отвлекаться на всякие мелочи? Но, с другой стороны, объявленную по всему сектору тревогу никак нельзя назвать мелочью. Кроме того, существовала определенная опасность, что прозвучавший сигнал тревоги на этот раз самый настоящий...

— Какие результаты, Минерва?

— Они на экране. Координаты цели установлены, она идентифицирована, и все такое. Либо мы имеем дело с чертовски аккуратной, проведенной без сучка и задоринки симуляцией, либо это настоящий сигнал. Отреагируем, как на настоящий?

— Очень уж он странный.

Минерва двусмысленно откашлялась.

— Проверю вооружение — на всякий случай, — сказала она. Мониторы переключились из коммуникационного режима в навигационный, и по корпусу «Валгаллы» прошла многозначительная слабая вибрация, означавшая, что Минерва включила основные двигатели. — Мы получили вектор цели, — сказала она деловым голосом, означавшим, что теперь перед ними нечто более важное, чем очередное упражнение по боевой стрельбе. — «Валгалла» ложится на курс перехвата. Подготовь сообщение в командный центр — там

должны знать, что произошло.

— Так что же произошло?

— Назови это... э-э-э, назови это тактическим упражнением. В максимально приближенных к боевым условиях. А мы тем временем посмотрим, что же там произошло на самом деле...

Одной из особенностей «Валгаллы» была возможность практически мгновенно ускоряться до максимальной скорости — корабли класса «Олимпус» об этом могли только мечтать. Внезапно полученный сигнал сильно подействовал на Минерву, любившую делать все без промедления, и они с Роем внимательно проанализировали все полученные с поврежденного корабля данные. Информации в сигнале содержалось немало — это был не просто отчаянный вопль о помощи. За время войны с халианами на Флоте научились включать в сигнал о помощи максимально подробную информацию о случившемся. Перехваченный «Валгаллой» информационный поток содержал сведения об атакующем корабле — скорость, вооружение, а также предполагаемый курс погони.

Теперь Минерва двигалась курсом на перехват. Если у рейдера халиан и был хоть какой-то шанс избежать захвата сенсорами дальнего радиуса действия «Валгаллы», для этого ему потребовалось бы как минимум изменить курс на девяносто градусов, а если он и в самом деле двигался со субсветовой скоростью, как это следовало из полученных данных, то при попытке совершить такой маневр любой корабль халиан рассыпался бы на кусочки. И хотя погоня могла занять часов тридцать или даже больше, до тех пор, пока они держались за остаточный энергетический след, их шансы поймать корабль были почти стопроцентны. А если потребуется, то не только найти, а и разнести в клочья.

Перехват больше всего напоминал мгновенный, сбивающий с ног удар, однако выйти на противника абсолютно точно по столь ограниченным сведениям было просто невозможно. Рейдер действительно появился на краю сферы дальнего обзора яркой звездой, однако совсем не в той точке, куда были направлены орудийные комплексы «Валгаллы».

— Что за чертовщина? — выругался Рой.

— Я почему знаю, милый? — огрызнулась Минерва. — Я следовала полученным координатам. Жаль, что хорьки оказались не столь любезны, чтобы покинуть место преступления на максимальной скорости.

В том, что это были именно хорьки, теперь не оставалось никаких сомнений: анализаторы «Валгаллы» по остаточному следу двигателей корабля смогли определить его вероятный источник. Им и раньше приходилось встречаться с корветами «Дельта» — класса, не слишком комфортабельными даже по меркам неприхотливых халиан, однако неплохо справлявшимися со своей основной задачей — быстро уничтожить противника и уйти от преследования. Это был один из самых быстрых кораблей в халианской флотилии, и сейчас, после атаки, у него не было никаких причин, чтобы медлить. Неожиданно возникшая задача имела только два возможных решения: либо они сразу откажутся от атаки, либо пустятся в погоню на субсветовой скорости, которая может продлиться очень долго — хоть расстояние до рейдера и слишком велико даже для усовершенствованных орудийных комплексов «Валгаллы», они все же смогут намертво сесть цели на хвост и выйти на благоприятную для стрельбы дистанцию...

— Они направляются за пределы халианского сектора, Рой, — произнесла Минерва необычно тихо. — Это подтверждает подозрения...

— Что за подозрения?

— Что они никак не связаны с халианским правительством. Благородное поражение в честном бою требует от проигравшего благородного подчинения великодушному победителю... — Минерва быстро пробормотала слова триумфального песнопения, а затем издала радостное мяуканье.

— Скорее всего капитан этой посудины не прочь немного поразбойничать, пока в этом секторе не будет вновь наведен порядок. Когда он набьет корабль награбленным добром доверху, то спокойно капитулирует. Один Господь знает, сколько людей ему доведется

убить, прежде чем он решит, что пиратская жизнь слишком утомительна...

— Не думаю, — откликнулся Рой. Он поудобнее устроился в противоперегрузочном кресле. — Если мы единственные представители Флота в этом пространственном секторе, тогда мы представляем также и... — он порылся в памяти, подыскивая приличествующие случаю высокопарные слова, — ...Верховное, Среднее и Низшее Правосудие.

— А значит, мы судьи, присяжные и одновременно исполнители приговора, — тихо сказала Минерва.

— Если они капитулируют — отлично; если нет — что ж, мы сумеем их как следует поджарить. Мне кажется, это будет самое справедливое решение.

— Возможно, мне опять придется красить корпус, когда мы вернемся в Два-Двенадцать. В этот раз сделаем что-нибудь покруче — черного и белого тонов и, наверное, добавим немножко красного и голубого... Если уж нам приходится играть роль Галактического Патруля, то я и выглядеть должна соответственно. Жалко, что звуковые сирены в вакууме не работают.

Рой обратил внимание на то, что Минерва даже не рассмеялась над собственной шуткой. Он решил прекратить разглагольствовать о высокой справедливости и все внимание сосредоточил на выборе подходящей огневой позиции. Просто так, на всякий случай. Вполне возможно, что хорьки предпочтут капитулировать без боя; возможно даже, что они ни в чем не виноваты. Пусть Минерва несет всякую чушь, раз уж ей так хочется; он не мог соперничать с разумным кораблем в способности к логическому анализу, да и халиане ему запомнились не просто как противники, а как настоящие Враги, воплощение Мирового Зла. Рой был искренне рад, что война наконец-то закончилась, но по ночам его по-прежнему мучили кошмары. «Плюнуть и забыть!» — это было выше его сил. Не так-то просто стереть из памяти долгие годы милитаристской пропаганды — каким бы простым делом это ни казалось привыкшим к лицемерию политикам.

Хорьки не могли не знать, что их преследуют. Погоня длилась уже пятнадцать часов, и халиане не могли ни разу не глянуть за это время на монитор заднего квадранта. А может, и могли. Рой в тысячный раз проверил сканеры — они не зарегистрировали никаких изменений в режиме работы двигателей «Дельты». Возможно, это был тщательно разработанный обманный маневр. Возможно, что корабль, на который напали разбойники, сумел серьезно повредить халианский корвет или систему оружейного энергообеспечения...

— Рыбка заглотнула крючок, — громко произнес Рой.

— Халиане млекопитающие, — сварливо поправила Минерва, — но я поняла, что ты имел в виду. Повреждены энергетические ячейки?

— Что-то в этом роде.

— Они пропали. Я не шучу. Но это может помочь убедить их капитулировать и отправиться под суд. Мне кажется, военный трибунал правильно оценит их добрую волю.

— Скорее всего его вердикт будет не слишком суров. — Рой грозно глянул в объектив Минервы, словно это были человеческие глаза. Однако в линзах он смог увидеть только свое собственное искривленное отражение.

— Верховное, Среднее или Низшее Правосудие... — но не все три одновременно.

— Ты исходишь из того, что они согласятся капитулировать.

— И еще из того, что ты дашь им этот шанс. Не разочаровывай меня. Рой. Мы с тобой прошли через столько... — Голос Минервы осекся; что-то внезапно привлекло ее внимание. Основной экран переключился из навигационного режима в тактический, и одновременно включился сигнал, предупреждающий о появлении еще одной цели. Еще один корабль был захвачен сканерами дальнего обзора почти на предельной дистанции; спустя мгновение на экране появились еще два. А потом еще десять...

Вскоре на экране уже мерцали отметки пятидесяти кораблей. Корабли выстроились огромной сферой, точнее, они составляли лишь небольшой сегмент сферы, которая была столь велика, что ни Рой, ни Минерва не могли даже оценить число кораблей. Перед ними внезапно возник гигантский Флот, готовый к бою, и они на субсветовой скорости двигались

прямо на него. Это мог быть только боевой флот и ничто другое — компьютеры определили, что в центре каждого сегмента находится дреднот. Наподобие старых земных дредноутов класса «Император» — но как минимум раза в два больше.

— Начинаем торможение, — живо произнесла Минерва, но в ее голосе слышалось предвкушение вопроса своего помощника: «Как? Ведь мы почти догнали их...» Она промолчала в ответ, но переключила панель связи на громкоговорители, позволив Рою сделать свои собственные выводы. Оттуда понеслось душераздирающее тявканье халиан, и Минерва предоставила своему «мускулу» возможность насладиться этими звуками, прежде чем включила блок автоматического перевода.

...ПРЕСЛЕДУЮТ, ВНИМАНИЕ, НАС ПРЕСЛЕДУЮТ, ВНИМАНИЕ, ВНИМАНИЕ, ВНИМАНИЕ! СПАСИТЕ НАС, ГИВЕРСЫ! СПАСИТЕ!!! ВНИМАНИЕ, НАС ПРЕСЛЕДУЮТ, ВНИМАНИЕ, ВНИМАНИЕ...

— Ты слышал? Гиверсы!!! Проклятие, Рой, это же торговцы!

— Столь славно вооруженных торговцев мне прежде видеть не доводилось, — сказал Рой с легкой улыбкой.

— Счастливчик. А мне довелось как-то слышать о них. Это они снабжали хорьков вооружением, боеприпасами и вообще всем, необходимым для войны, — этот флот принадлежит Синдикату. Забудь про «Дельту», Рой, эти чудовища сотрут нас в порошок. Пора бежать!

— Надо закончить то, что мы начали, — возразил Рой. Он перебросил тумблер системы управления вооружением и навел прицельный визор на халианский корвет. — До захвата всего несколько секунд...

— А я говорю, надо бежать! — резко произнесла Минерва, разгневанная его настойчивостью. Они совершенно неожиданно столкнулись с самой настоящей опасностью — превосходство противника было не то что подавляющим, а попросту невообразимым. Сразу стало ясно, что война с халианами была лишь первым раундом, и теперь они оказались на ринге за мгновение до того, как прозвучит гонг, объявляющий о начале второго раунда. И перебраться по ту сторону каната уже не в их силах. — Если мы видим этот флот, то они уж и подавно обнаружили нас. И теперь неизвестно, сможем ли мы выбраться отсюда живыми.

По корпусу «Валгаллы» прошла короткая дрожь, и Рой с удовлетворением увидел, как на тактическом дисплее возник десяток остроконечных символов. Выпущенные залпом торпеды Мк — 22 двигались к халианскому корвету с ускорением в 50 «g».

— Теперь можно уходить, — удовлетворенно произнес он. — С этим хорьки ничего поделать не смогут. Мы можем спокойно уходить.

Минерва с шумом выдохнула воздух.

— Надеюсь, — сказала она. — Надеюсь, еще не поздно...

Каким бы веселым Рой ни старался казаться, он с беспокойством обнаружил, как вспотели его ладони. Больше всего его тревожило, что Минерва может заметить, как он тайком вытер ладони. Главный контроллер управления вооружением «Валгаллы» был не быстрее и не медленнее своего аналога на «Олимпусе», но Рою показалось, что прошла целая вечность, прежде чем компьютеры оценили вероятность поражения цели как девяносто девять процентов, и он смог произвести залп. Это была одна из тех вечностей, когда только собственные действия казались Рою бесконечно замедленными; за эти две секунды все корабли из внезапно обнаруженной ими армады могли успеть перевести свои системы вооружения в боевой режим. Именно поэтому он принял необычное решение и выпустил всю обойму в один-единственный корабль: вспышка от множественных термоядерных детонации должна ослепить сканеры противника и дать им с Минервой возможность уйти на спасительную дистанцию.

Уйти — если повезет.

Однако пока что везением и не пахло. Еще до того, как халианский корвет открыл огонь из своих кормовых батарей в отчаянной попытке уничтожить приближающиеся торпеды и взрыв первой боеголовки очистил экран, Минерва доложила о перестроении

боевых порядков вражеской флотилии. Корабли бросились в погоню — все разом, в том числе и дредноуты.

Послышался пронзительный визг сирены, предупреждающей об опасности. Двести тридцать сенсоров поиска и слежения начали прочесывать пространство в поисках цели, на которую можно направить орудия... произвести залп... и превратить ее в быстро остывающее облачко газа.

Орудийные расчеты и компьютеры корвета «Дельта» упустили лишь одну торпеду из двадцати. Но торпеда была оснащена двухсоткилотонной боеголовкой, сближалась с целью на скорости шестьдесят пять километров в секунду, и одной ошибки было вполне достаточно, чтобы халианский корабль мгновенно превратился в ослепительное облако сверхгорячей плазмы, расположенное как раз на линии, соединявшей Минерву и флот Синдиката.

— Уважаемые мистер и миссис Малин, Верховное Командование Флота с прискорбием извещает вас, что ваш сын пал смертью храбрых из-за того, что у него не хватило мозгов вовремя покинуть поле боя, — прочувствованно произнесла Минерва, в то время как ее навигационный компьютер пытался выбрать самое безопасное направление для ухода. Но таких тут не было: все были либо опасны, либо очень опасны.

— Премного благодарен, ты очень подбодрила меня. — Рой свирепо глянул в объектив Минервы. — Я...

— ...со согласишься со мной, надеюсь. Что ты еще можешь теперь сделать?

— Если это не очень вас затруднит, я бы взял на себя управление оружием и предоставил бы вам поиск путей, которые нас выведут отсюда.

— Фу-ты ну-ты. — Минерва немного помолчала, а потом заговорила вновь совершенно спокойным деловым тоном. На экране появилось изображение целей и визор для ручного управления огнем. — Ну что же, вперед! Постарайся удержать их за моей спиной хотя бы секунд пятнадцать.

— Есть. — Новая система управления огнем, установленная на «Валгалле», давала человеку почти такие же возможности, как и центральному мозгу корабля. По крайней мере она настолько упрощала работу, что могла по праву считаться гениальным техническим устройством. Разумеется, человек был просто не в состоянии использовать ее возможности в полную силу, управляя кораблем, осуществляя навигацию, контролируя корабельные системы и в то же время атакуя несколько целей одновременно, как это мог делать разумный корабль. Задачи, конечно, можно решать последовательно, но одновременно справиться с ними не смог бы ни один человек.

Эти пятнадцать секунд были одними из самых лихорадочных в жизни Роя Малина, и примерно между девятой и десятой секундами у него неожиданно мелькнула мысль, что идея перейти на преподавательскую работу на самом деле не так уж и плоха. Если только он сумеет выбраться целым из предстоящей в ближайшие пять секунд заварушки — настолько целым, что ему еще будут делать хоть какие-нибудь предложения.

Если бы Минерва не была слишком занята своими собственными делами, она могла бы сообщать о результатах исследования среды тем ужасно спокойным голосом, который Рой так хорошо знал и который так ненавидел. Этот голос ясно означал, что она и ее «мускул» вновь собираются положить головы на плаху — будь то из-за махинаций контр-адмирала Агато или же просто при неудачной посадке на халианскую планету всего за несколько часов до вторжения. Вне зависимости от причины голос Минервы всегда звучал одинаково: сухой, бесстрастный, полный осознания всего того, что еще только собирается свалиться на их головы. Рой успел прекрасно изучить свою напарницу и понимал, что Минерва напугана сейчас не меньше, чем он сам, и тут уж Рой не мог ничего поделать.

Теперь Минерва управляла уже не только навигационным обеспечением, но и противоракетными маневрами «Валгаллы». Это нарушало систему наведения вражеских торпед, однако ничуть не повысило точность огня по миновавшим ловушки торпедам. Слава Богу, корабли Синдиката вели огонь наугад, не запрограммировав предварительно торпеды и

полностью полагаясь на их собственные системы самонаведения — об этом можно было судить по необычным спиралевидным траекториям рыскающих в поисках невидимой цели торпед. Возможно, что системы управления многих из них были повреждены термоядерным взрывом, уничтожившим халианский корвет, однако торпед вертелось вокруг слишком много, чтобы можно было объяснять их удивительно низкую эффективность только этим фактором.

Второй торпедный залп оказался столь же неэффективным, что и первый. Противник пускал торпеды наобум, безо всяких предварительных установок. И это уже становилось интересным...

— Курс проложен. Рой, — послышался голос Минервы. — Два прыжка сразу, затем еще один, если потребуется.

Медлить больше нельзя было ни секунды. Тяжело дыша. Рой вжался в противоперегрузочное кресло и посмотрел прямо в объектив Минервы.

— Почему, объясни, ради Бога?

— На тот случай, если они смогут отследить гиперпространственный след. Это может «Шварборн», могу я, и без особых проблем. Короче, два, максимум три прыжка: один — чтобы уйти отсюда, один — чтобы замести следы, еще один — чтобы сообщить эту сенсационную новость в Адмиралтейство.

Новая волна торпед быстро приближалась; они шли столь плотным облаком, что напоминали тучи мошкар в мае.

— Ну ладно, что об этом говорить, — произнес Рой, сделав судорожный глоток. — ДАВАЙ!

— Даю, — ответила Минерва.

Семью минутами позже слова полились из нее безудержным потоком, и касались они в основном ближайших родственников и сексуальных особенностей всех тех, кто проверял космические карты халиан и адаптировал их для Флота.

— Проблемы? — мрачно спросил Рой, прекрасно понимая что Минерва не позволила бы себе ничего подобного без веских на то причин.

— Да еще сколько! Нас захватили как раз перед гиперпространственным прыжком, так что теперь жди гостей. Кроме того, данные карт в этом секторе — не более чем простые предположения. Наверное, в уголках подлинных карт летали пухленькие купидоны, а в центре извивались огромные океанические чудовища. Драконы.

— Здесь есть драконы?

— Драконов я еще бы стерпела. Здесь нет астероидного поля, в котором я рассчитывала оказаться...

— Что-что? Готов поклясться, ты сказала «астероидное поле».

— Сказала.

— Минерва, — осторожно проговорил Рой, — то, что я понял из твоих слов, мне очень не понравилось. Объясни-ка, что ты собиралась сделать, чтобы мы смогли выбраться отсюда?

— Ты, — сказала Минерва, — конечно же, совершенно не подумал об этом. Я не собираюсь заниматься здесь слаломом — Да ты сам посуди: сканеры наших преследователей регистрировали бы множественные отсветки, большинство из которых принадлежали бы астероидам. А некоторые — несдетонировавшим торпедам с дистанционными взрывателями. А нас бы никто не смог обнаружить. — Минерва с явным отвращением издала неопределенный звук. — И вот оказалось, что здесь нет никаких астероидов. Только маленькая звезда и с полдюжины лилипутских планет.

— И еще погоня.

— Ага. Не можем же мы привести ее на хвосте прямо к порогу Адмиралтейства. Синдикат и так скоро будет там, вот увидишь. — Она помолчала несколько секунд, и Рой почти воочию заметил, как она рассматривает, а затем отвергает различные варианты, как бы между делом присматривая за различными бортовыми системами, а затем вновь погружается

в раздумья.

Но когда на основном экране внезапно появилось обработанное астрографическое изображение окрестностей, покрытое прицельной сеткой, потрясенный Рой в мгновение ока очутился на ногах.

— Нет, да ты что! — заорал он, прежде чем Минерва успела слово вымолвить. — Они же разжалуют тебя, а меня под трибунал отдадут!

— Там ничего нет. Рой, — мягко ответила она ему. — Нет ни карт, ни кроков — по крайней мере только халианские, а они мало пригодны на практике, как нам с тобой только что представился случай убедиться. Так что в этом такого?..

— Это не так — даже если бы этот корабль имел подходящее вооружение, — метнул он свой последний аргумент.

— А ты уверен? — произнесла теперь Минерва льстивым мурлыкающим голосом, в котором все равно чувствовались стальные нотки бесконечной уверенности в неоспоримой правоте собственных логических выводов. В ее голосе присутствовали дьявол разрушения и нетерпение живого существа, загнанного между двух огней — приказов с одной стороны и врагов — с другой. — Тебе не хотелось бы взглянуть, на что способны снаряды «Валгаллы»? — искушал Роя ее голос. Наконец Минерва решилась применить главный, убийственный аргумент: — Пока корабли Синдиката не оказались здесь и не сделали то же самое с нами...

Минерва оказалась совершенно права в своих предположениях о том, что времени на раздумья у них оставалось не так уж много. Они потратили большую его часть, проверяя, действительно ли звездная система оказалась и в самом деле такой безжизненной, как это следовало из результатов предварительного сканирования, а остаток — в поисках подходящего небольшого спутника, обращающегося вокруг одной из внешних планет. Планета имела высокую концентрацию железо-никелевой руды, а также кое-какие редкие металлы. Это обстоятельство натолкнуло Роя на мысль, что малоизвестные уголки космического пространства халиан таят в себе немало приятных сюрпризов, которые вполне окупили бы хорошо подготовленную исследовательскую экспедицию Флота. Это означало также, что понравившийся им спутник, если его правильно разрушить мегатонными взрывами в местах разломов коры, может образовать достаточное количество осколков, чтобы среди них можно было спрятаться от любого преследователя.

Им удалось разорвать спутник на куски аккуратно и вовремя, так как сигналы близкой опасности заверещали как раз в тот момент, когда направленные Минервой в самые уязвимые точки планеты боеголовки нанесли сокрушительный удар мощностью триста пятьдесят мегатонн. Планета раскололась на фрагменты — большие, средние, маленькие, а также расширяющееся облако радиоактивных металлических обломков, образовавших вокруг «Валгаллы» самую эффективную противорадарную защиту, какую только можно было придумать.

Кроме того, это был самый мощный взрыв, о котором Рою доводилось когда-либо слышать.

Что делали корабли Синдиката, для них так и осталось загадкой — ни Рой, ни Минерва решили не спрашивать их. Им предстояло еще отправить в Адмиралтейство донесение: во-первых, о проверенной на практике прочности корпуса «Валгаллы»; во-вторых, об уничтожении халианского рейдера и, в-третьих, о приближении нового возможного противника. Да, и еще: Рой и Минерва собирались указать начальству, что карты сектора Два-Двенадцать по различным причинам теперь уж точно требуют внесения существенных поправок...